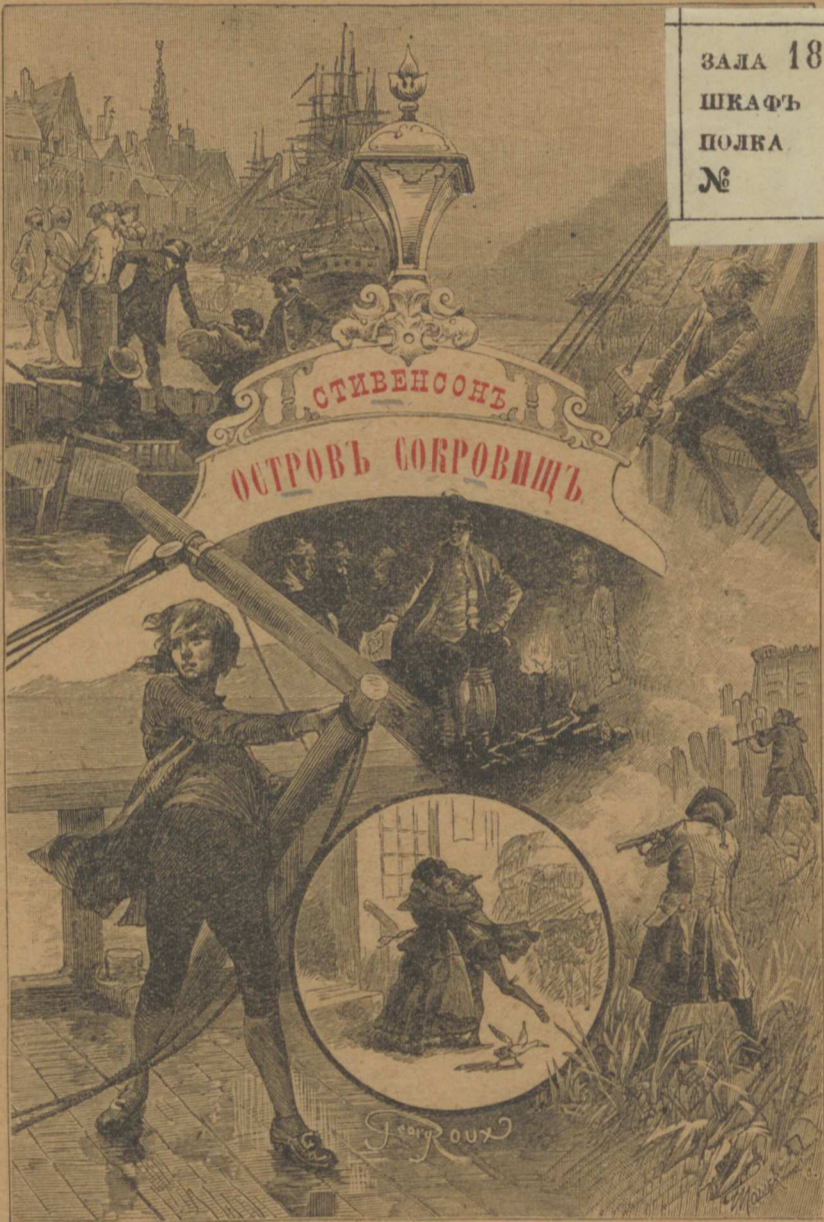

ПУТЕШЕСТВІЯ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ НА СУШѢ И НА МОРѢ.

ЗАЛА 18
ШКАФЪ
ПОЛКА
№

Изданіе журнала „ВОКРУГЪ СВѢТА“.

МОСКВА,

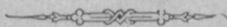
Типографія бр. М. и Е. Вернеръ. Арбатъ, д. г-жи Каринской.

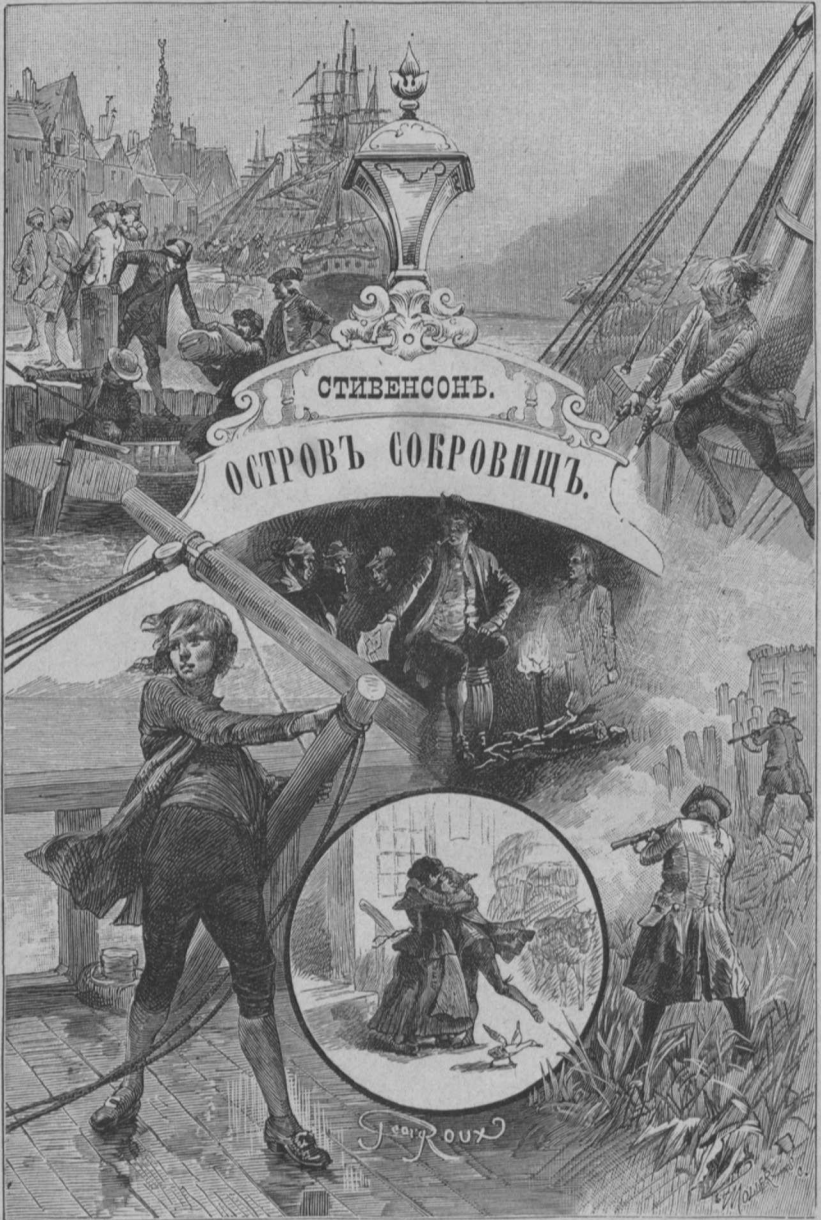
1887.

6710
7

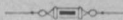
ОСТРОВЪ СОКРОВИЩЪ.

Романъ Р. Стивенсона.

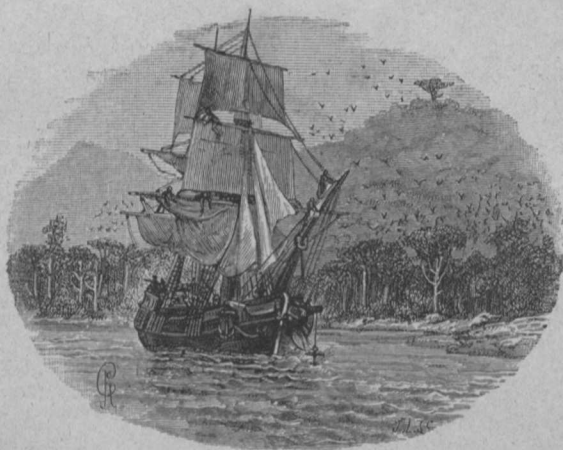

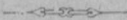
ОСТРОВЪ
СОКРОВИЩЪ.

РОМАНЪ
Р. Стивенсона.

Съ 26 рисунками Жоржа Ру.

Издание журнала „ВОКРУГЪ СВѢТА“.

МОСКВА,
Типографія бр. Вернеръ. Арбатъ, д. Каринской.
1886.

Дозволено цензурою. Москва, 20 октября 1886 года.

ОСТРОВЪ СОКРОВИЩЪ.

Романъ Р. Стивенсона.

Морской волкъ.

ГЛАВА I.

Многія лица обращаются ко мнѣ съ просьбою разсказать подробно, отъ начала до конца, всѣ мои похождения на *Островъ Сокровищъ*,—разсказать, ничего не утаивая, за исключеніемъ лишь точнаго географическаго положенія острова, потому что онъ и до сихъ поръ еще представляетъ изъ себя неисчерпаемый кладъ спрятанныхъ сокровищъ. Уступая общему желанію, я нынѣ, въ лѣто отъ Р. Х. 1782, беру, благословясь, перо въ руки и начинаю свою повѣсть съ того времени, когда мой отецъ содержалъ на Бристольской дорогѣ, въ трехъ стахъ шагахъ отъ берега, гостиницу подъ вывѣской *Адмиралъ Бенбо*.

Къ этому времени относится первый пріѣздъ въ нашу гостиницу одного стараго моряка, съ загорѣлымъ лицомъ и съ огромнымъ рубцомъ отъ раны, шедшимъ отъ лба черезъ всю лѣвую щеку. Какъ теперь вижу старика; онъ шелъ тяжелою походкой къ две-

17
рямъ нашей гостиницы, а за нимъ человѣкъ везъ въ тачкѣ его походный матроскій сундукъ. Морякъ былъ рослый мужчина, атлетическаго вида, съ кирпичнымъ лицомъ, съ жирно намащенной косою, болтавшейся на замаранномъ воротникѣ потертаго синяго мундира, съ огромными мозолистыми руками, на которыхъ не было живаго мѣста отъ безчисленныхъ рубцовъ, и наконецъ съ этимъ безобразнымъ синевато-бѣлымъ шрамомъ во всю щеку, о которомъ я уже говорилъ. Я помню все это такъ живо, какъ будто это случилось вчера. У дверей старикъ остановился, посвисталъ, обвелъ глазами бухту и зашѣлъ старинную матроскую пѣсню, которую намъ, къ сожалѣнiю, пришлось въ послѣдствiи часто отъ него слышать.

Онъ шѣлъ неприятнымъ, сирымъ и разбитымъ голосомъ, и барабанилъ въ дверь толстой остролистниковой палкой. Ему отворили, онъ вошелъ и сейчасъ же буркнулъ моему отцу:

— Стаканъ рому!

Поданный ромъ онъ вытянулъ изъ стакана медленно, какъ златокъ, прищелкнулъ языкомъ, потомъ опять вышелъ на крыльцо и, стоя въ дверяхъ, сталъ разглядывать то окрестные утесы, разбросанные по берегу, то нашу вывѣску, то внутренность общей залы.

— Бухта ничего, годится,—сказалъ онъ наконецъ,—и домишко этотъ на мѣстѣ... Много у васъ тутъ народа, прiятель?

— Нѣтъ, сэръ, къ сожалѣнiю, нельзя сказать, чтобы очень много,—отвѣчалъ мой отецъ.

— Это именно мнѣ и на руку... Гей, дружище!—обратился онъ къ человѣку, привезшему въ тачкѣ его багажъ,—втащи-ка это сюда. Я здѣсь побуду нѣсколько времени... О, я человѣкъ простой и невзыскательный. Немного рому, яицъ, ветчины—съ меня и довольно. Здѣсь я могу за то слѣдить за кораблями... Какъ меня зовутъ?.. Капитаномъ, съ вашего позволенiя... Понимаю, изъ-за чего вы мямлите! Не безпокойтесь, деньги у насъ есть. Вотъ вамъ, получите.

Онъ кинулъ на полъ три или четыре золотыя монеты.

— Когда я у васъ настолько наѣмъ и напью, тогда вы можете мнѣ сказать,—объявилъ онъ намъ.

Это было сказано гордо, самымъ начальническимъ тономъ. И дѣйствительно, несмотря на поношенное платье и грубость рѣчи, новоприбывшiй смотрѣлъ не простымъ матросомъ, а скорѣе под-

шкиперомъ или боцманомъ купеческаго флота, привыкшимъ говорить громко и бить больно.

На наши разспросы человекъ съ тачкой сообщилъ намъ, что новый постоялецъ прѣхалъ утромъ въ почтовой телѣгѣ въ соседнюю деревню и спросилъ, нѣтъ ли поближе къ берегу хорошей гостиницы. Нашу гостиницу ему похвалили и сказали, что ближе ея къ берегу нѣтъ никакой. Тогда онъ рѣшился остановиться у насъ. Вотъ и всѣ свѣдѣнія, какія намъ удалось о немъ собрать.

Самъ постоялецъ былъ человекъ въ высшей степени не разговорчивый. Цѣлые дни онъ только и дѣлалъ, что слонялся по берегу бухты или около утесовъ, таская съ собой старинный мѣдный телескопъ. По вечерамъ онъ садился въ общей залѣ у камина и потягивалъ очень крѣпкій глотъ. Онъ никогда не отвѣчалъ, если его о чемъ-нибудь спрашивали, а только яростно вскидывалъ головой, сопя при этомъ носомъ точно кашалотъ. Это приучило насъ оставлять его въ покоѣ и никогда не затрогивать.

Всякій вечеръ, вернувшись съ прогулки, онъ спрашивалъ, не проѣзжали ли по дорогѣ какіе-нибудь моряки. Мы сначала думали, что онъ интересуется товарищами по профессіи, но скоро убѣдились, что ему, напротивъ, не хочется съ ними встрѣчаться. Всякій разъ, когда въ гостиницѣ останавливался какой-нибудь матросъ, что бывало нерѣдко, такъ какъ этой дорогой ихъ всегда много возвращается въ Бристоль для побывки, то нашъ постоялецъ, увидавъ его черезъ стеклянную дверь общей залы, уходилъ къ себѣ и не показывался все время, покуда матросъ оставался тамъ. Мало того, на все это время онъ какъ-то притихалъ и держалъ себя тише воды, ниже травы.

Лично я былъ очень заинтересованъ въ этомъ безпокойствѣ нашего постояльца относительно моряковъ и могу даже сказать, что вполне раздѣлялъ его. Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ своего прѣзда къ намъ старый морякъ обѣщался давать мнѣ каждое первое число по четыре пенса, если я буду „глядѣть въ оба“. Особенно было мнѣ указано слѣдить за прибытіемъ какого-то моряка *объ одной нощи* и, какъ только онъ прѣдетъ, со всѣхъ ногъ бѣжать къ капитану и увѣдомить его объ этомъ происшествіи. По большей части, когда наступало первое число, мнѣ всякій разъ приходилось самому напоминать о гонорарѣ, причемъ въ отвѣтъ я получалъ только сердитое пыхтѣнье и такой молніеносный взглядъ, отъ котораго я невольно поникалъ головою. Но я зналъ все таки,

что недѣля еще не успеетъ кончиться, какъ капитанъ ужь принесетъ мнѣ четырехпенсовую монету, подтвердивъ наставленіе „глядѣть въ оба“ и слѣдить, не пріѣдетъ ли *морякъ объ одной ноге*.

Не могу описать, до какой степени этотъ таинственный одноногій морякъ терзалъ мое дѣтское воображеніе. Въ бурныя ночи, когда весь домъ нашъ трясся отъ порывовъ вѣтра и волны съ громовымъ рокотомъ разбивались о скалы, онъ представлялся мнѣ во всевозможныхъ видахъ, одинъ другаго безобразнѣе, одинъ другаго страшнѣе. То я видѣлъ его съ ногой, отрѣзанной ниже колѣна, то выше. Въ другой разъ онъ представлялся мнѣ чудовищемъ, у котораго всегда была только одна нога по серединѣ туловища. Но хуже всѣхъ кошмаровъ былъ тотъ, когда мнѣ чудилось, что одноногій морякъ гонится за мною по полю, перепрыгивая черезъ заборы. Вообще, надо правду сказать, я довольно таки дорого расплачивался этими противными снами за свой четырехпенсовый мѣсячный гонораръ.

Однако, несмотря на весь ужасъ при одной мысли объ одноногомъ человѣкѣ, я гораздо меньше боялся *капитана*, чѣмъ всѣ окружающіе. По вечерамъ онъ иногда выпивалъ рому больше, чѣмъ могла выдержать его голова, и начиналъ выть свои матроскія и кабацкія пѣсни, не обращая вниманія на присутствующихъ. А то вдругъ начиналъ угощать виномъ и громомъ всѣхъ другихъ посѣтителей, заставляя ихъ, бѣдныхъ, трепетно внимать его безсвязнымъ разговорамъ или пѣть съ нимъ хоромъ. Нерѣдко стѣны въ домѣ дрожали отъ его пѣсенъ, въ родѣ: „іо-го-го, іо-го-го... бутылочку распить“. Сотрапезники, подстрекаемые страхомъ, подтягивали ему во все горло и каждый старался горланить какъ можно громче, чтобы не попасть на замѣчаніе.

Происходило это оттого, что нашъ постоялецъ въ подобныя минуты бывалъ очень страшенъ. Требуя, на примѣръ, чтобы всѣ замолчали, онъ ударялъ по столу кулакомъ такъ, что просто земля дрожала; или вдругъ ему приходила фантазія обижаться, зачѣмъ его спрашиваютъ, или зачѣмъ никто съ нимъ не говоритъ, или зачѣмъ не слушаютъ его разказовъ, и тогда онъ начиналъ бубнеть какъ сумасшедшій. Никто не смѣлъ и подумать, чтобы уйти изъ гостиницы прежде, чѣмъ онъ уляжется спать. И замѣтьте, всѣ его разказы были такого сорта, что отъ нихъ невольно мурашки бѣгали по спинѣ и волосы на головѣ становились дыбомъ. Дѣло шло преимущественно о случаяхъ повѣшенія на реѣ,

о дракахъ и битвахъ, объ ужасныхъ буряхъ и о разныхъ темныхъ похожденияхъ во всѣхъ океанахъ міра. По его разсказамъ выходило, что онъ всю жизнь прожилъ среди такихъ мерзавцевъ, какихъ и свѣтъ не производилъ, а языкъ, которымъ онъ живописалъ эти ужасы, пугалъ простыхъ деревенскихъ слушателей пожалуй даже больше, чѣмъ самые разсказы. Однимъ словомъ, этотъ ужасный человѣкъ положительно леденилъ у насъ кровь въ жилахъ.

Отецъ съ утра до ночи твердилъ, что свирѣпый постоялецъ въ конецъ разорить гостиницу и отобьетъ отъ нея всѣхъ посѣтителей.

— Не всякому,—говорилъ онъ,—пріятно глотать дерзости и возвращаться домой съ волосами, стоящими дыбомъ.

Я думаю, что отецъ былъ неправъ. Я убѣжденъ напротивъ, что эти странныя вечеринки не отталкивали, а привлекали посѣтителей. Правда, жутко имъ у насъ приходилось, но за то сильныя ощущенія щекотали вкусъ. Наконецъ пріѣздъ *капитана* уже самъ по себѣ, какъ новинка, вносилъ интересъ въ монотонную деревенскую жизнь. Нѣкоторые даже старались показать, будто старый морякъ имъ очень нравится, находили, что онъ настоящій „морской волкъ“, настоящая „морская крыса“, и говорили, что такіе-то именно моряки и создали морское могущество Британіи, сдѣлавъ имя ея грознымъ на всѣхъ моряхъ.

Въ постояльцѣ былъ другой недостатокъ, болѣе существенный и невыгодный для нашего кармана: онъ совсѣмъ не платилъ намъ денегъ. Кромѣ тѣхъ трехъ или четырехъ золотыхъ монетъ, которыя онъ въ первый день пріѣзда такъ величественно бросилъ на полъ, мы не видали отъ него ни копѣйки. Проходили недѣли, мѣсяцы, счетъ за нимъ нарасталъ и нарасталъ, а онъ и не думалъ платить. Отецъ мой жался, но никакъ не могъ собраться съ духомъ, чтобы напомнить. Если же у него иногда проскальзывалъ какъ-нибудь на это робкій намекъ, то *капитанъ* начиналъ такъ сердито пыхтѣть, что отецъ мой спѣшилъ въ страхѣ ретироваться. Помню я, какъ онъ бывало въ отчаяніи ломалъ руки послѣ каждаго подобнаго отпора, и положительно убѣжденъ, что эти тревоженія, это хроническое безпокойство неблагоприятно подѣйствовали на продолжительность его жизни.

За все время своего пребыванія у насъ *капитанъ* не сдѣлалъ ни малѣйшей перемѣны въ костюмѣ, только однажды купилъ у

разнощика нѣсколько паръ чулокъ. У его треуголки отвалилась пряжка и одинъ изъ отворотовъ оттопырился и повисъ; онъ такъ его и оставилъ, несмотря на крайнее неудобство подобнаго безпорядка, особенно во время вѣтра. Мундиръ его пришелъ въ самый жалкій видъ; онъ самъ его чинилъ и штопалъ у себя въ комнатѣ, такъ что подъ конецъ заплата сидѣла на заплатѣ и мундиръ сталъ точно мозаиковый.

Онъ нигуда не писалъ и ни откуда не получалъ писемъ. Разговаривалъ онъ только съ посѣтителями, и то лишь когда бывалъ пьянъ. Ни одна живая душа не могла похвалиться, что видѣла открытымъ его сундукъ.

Разъ только онъ нарѣзался на чудесный отпоръ. Нашла коса на камень. Это было уже не задолго до его отъѣзда, когда усилилась болѣзнь моего отца. Нашъ врачъ, докторъ Лайвей, заѣхалъ однажды съ своимъ обычнымъ ежедневнымъ визитомъ и остался у насъ обѣдать. Послѣ обѣда онъ вышелъ въ общую залу покурить трубку, покуда не приведутъ изъ деревни его лошадь, такъ какъ у насъ не было конюшни при гостиницѣ. Я пришелъ въ залу слѣдомъ за нимъ и помню, какъ поразилъ меня контрастъ между чистенькимъ, тщательно одѣтымъ, гладко выбритымъ и напудреннымъ докторомъ и окружавшей его деревенщиной; но] особенно силенъ былъ контрастъ между нимъ и отвратительнымъ *капитаномъ*, этимъ страшилищемъ, этимъ грязнымъ пиратомъ съ сѣросвинцовымъ лицомъ и красными глазками, который сидѣлъ, тяжело навалившись на большой обѣденный столъ.

Вдругъ *капитанъ*, поднявъ отъ стола голову, затынулъ свой вѣчный напѣвъ:

Было насъ, матросиковъ, пятнадцать человекъ,

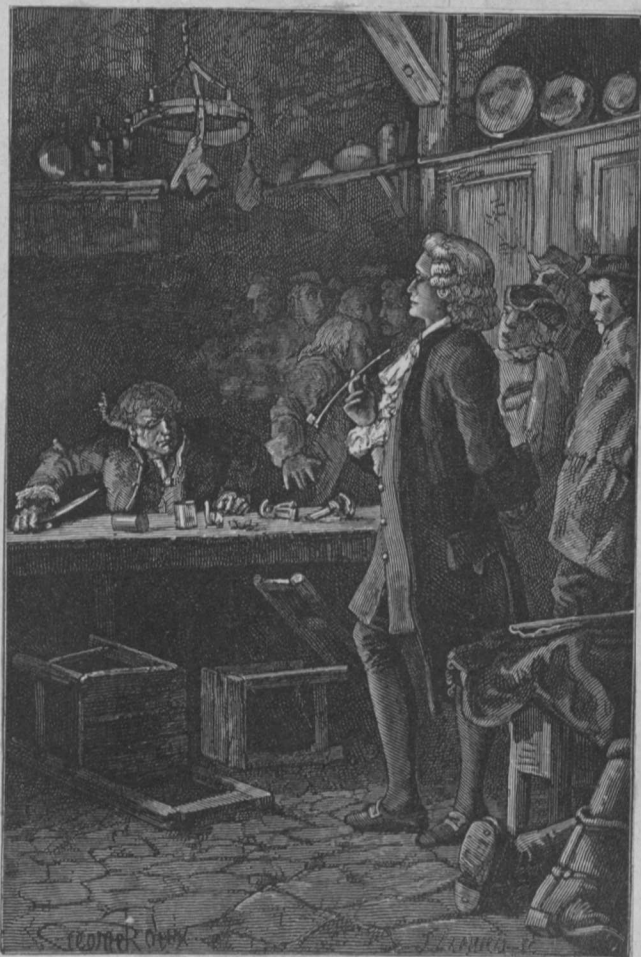
Пятнадцать матросовъ, морскихъ волковъ.

Ю-го-го! Ю-го-го!

Захотѣлось матросамъ бутылочку распить...

Мы уже давно привыкли къ этой пѣснѣ, но докторъ слышалъ ее въ первый разъ и она видимо ему не понравилась. По крайней мѣрѣ онъ поднялъ голову, поморщился и на минуту прекратить разговоръ съ старымъ Тейлеромъ, сосѣднимъ огородникомъ, который жаловался ему на свой ревматизмъ.

Между тѣмъ *капитанъ* подъ влияніемъ собственной музыки сталъ понемногу выходить изъ оцѣпенѣнія и наконецъ ударилъ изо всей мочи кулакомъ по столу. Мы хорошо понимали этотъ сигналъ, это

«... Гибель старика была ужасна»... (Стр. 13.)

значило: „молчать!“ Всѣ замолчали, кромѣ доктора Лайвей, который продолжалъ говорить своимъ звонкимъ и пріятнымъ голосомъ, попыхивая отъ времени до времени трубой.

Капитанъ поглядѣлъ на него сверкающимъ взглядомъ и опять ударилъ кулакомъ по столу. Когда же онъ увидѣлъ, что и второе предупрежденіе не подѣйствовало, то закричалъ съ самымъ непечатнымъ ругательствомъ;

— Тихе, вы, тамъ! Цыцъ, коли я приказываю!

— Это вы мнѣ говорите, сэръ?—спросилъ докторъ.

Задорный буйнъ отвѣчалъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ,—спокойно возразилъ докторъ Лайвей,—я долженъ вамъ сказать, что если вы не перестанете пить такъ много рому, то міръ скоро избавится отъ самага противнаго гуляки, какого только мнѣ приходилось видѣть.

Гнѣвъ старика былъ ужасенъ. Онъ вскочилъ на ноги, вытащилъ кортикъ и, размахивая имъ, объявилъ, что сію минуту приколетъ доктора къ стѣнѣ.

Докторъ Лайвей даже бровью не повелъ. Онъ продолжалъ говорить, глядя на буйна черезъ плечо, и говорилъ громко, чтобы всѣ его слышали, голосомъ удивительно спокойнымъ:

— Если вы сію же минуту не уберете свой кортикъ на мѣсто, то даю вамъ честное слово, что васъ повѣсятъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Послѣдовалъ обмѣнъ многозначительныхъ взглядовъ и *капитанъ*, какъ бы признавая себя побѣжденнымъ, спряталъ кортикъ и сѣлъ на свое мѣсто, ворча какъ побитая собака.

— Кромѣ того, сэръ,—не унимался докторъ,—предупреждаю васъ, что я буду за вами слѣдить, такъ какъ убѣдился, что вы человѣкъ подозрительный. Я не только врачъ, я и мировой судья въ здѣшнемъ округѣ; если я услышу на васъ хотя самую малѣйшую жалобу, то ручаюсь вамъ, что вы у насъ не заживетесь. Намотайте это себѣ на усъ.

Тутъ доктору привели лошадь, онъ сѣлъ въ сѣдло и уѣхалъ. Съ этого вечера *капитанъ* притихъ на цѣлую недѣлю и не шикнулъ ни одинаго слова.

Вскорѣ послѣ этого случая произошло таинственное событіе, которое избавило насъ отъ *капитана*, но не уничтожило послѣдствій его посѣщенія. Зима въ тотъ годъ была люта; сильнѣйшіе морозы чередовались съ свирѣпыми бурями, и я чувствовалъ сво-

имъ дѣтскимъ сердцемъ, что отцу моему до весны не дотянуть. Онъ слабѣлъ и опускался съ каждымъ днемъ; вся работа по гостиницѣ легла на насъ съ матерью и намъ даже некогда было думать о безпокойномъ постояльцѣ.

Однажды утромъ въ январѣ завернулъ такой морозъ, что камни трещали; солнце едва озаряло вершины сосѣднихъ холмовъ, а въ бухтѣ мелкая сѣровая зыбь беззвучно разбивалась о прибрежные валуны. *Капитанъ* всталъ въ этотъ день раньше обыкновеннаго и отправился на свои скалы. Подъ мышкой у него былъ телескопъ, подъ полой ветхаго мундира болтался кортикъ, а треуголку онъ заломилъ на самый затылокъ. Я помню, что у него на морозѣ шель паръ изо рта и что, обходя утесъ, онъ громко пыхтѣлъ, словно отдуваясь отъ неприятнаго воспоминанія о томъ, какъ проучилъ его докторъ Лайвей.

Матушка что-то хлопотала около отца, а я въ общей залѣ накрывалъ приборъ для капитанскаго завтрака, какъ вдругъ отворилась дверь и вошелъ какой-то неизвѣстный человѣкъ.

Незнакомецъ поразилъ меня прежде всего своей блѣдностью. Кромѣ того, я замѣтилъ, что у него на лѣвой рукѣ не достаетъ двухъ пальцевъ. Въ правой онъ держалъ большой кортикъ, хотя въ его виѣшности не было ничего воинственнаго. При видѣ всякаго новаго лица я привыкъ отыскивать въ немъ одноногаго моряка. Быть можетъ поэтому я и замѣтилъ сразу, что новопривышій, не будучи съ виду настоящимъ матросомъ, былъ все-таки человѣкомъ, имѣвшимъ отношеніе къ морю.

Я спросилъ, что ему угодно. Онъ велѣлъ подать рому. Когда я пошелъ было къ дверямъ, чтобы принести требуемое, онъ присѣлъ на край стола и знакомъ подозвалъ меня къ себѣ. Я остановился, какъ шель, съ салфеткой въ рукѣ.

— Ближе, мальчикъ,—сказалъ онъ мнѣ.

Я ступилъ на шагъ поближе.

— Этотъ приборъ вѣроятно накрытъ для моего друга Билля?—спросилъ онъ, глядя на приборъ, какъ мнѣ показалось, тревожнымъ взглядомъ.

Я отвѣчалъ, что не знаю никакого друга Билля, а что приборъ поставленъ для постояльца, котораго у насъ зовутъ *капитаномъ*.

— Чортъ возьми! Другъ Билль можетъ называть себя „капитаномъ“ сколько ему угодно, это до меня не касается. Скажи, мальчикъ, есть у него шрамъ на лѣвой щекѣ? Любитъ онъ выпить?

А? Не дуракъ?.. Ну, онъ, разумѣется онъ... Такъ есть шрамъ-то?.. И на лѣвой щекѣ, а?.. Такъ, такъ... Значить онъ у васъ въ домѣ? Другъ Билль-то этотъ самый?

Я объяснилъ, что его сейчасъ нѣтъ, что онъ вышелъ.

— А въ какую сторону онъ пошелъ?.. Въ какую сторону?..

Я сказалъ и прибавилъ, что *капитанъ* скоро долженъ вернуться. Мнѣ задали еще нѣсколько вопросовъ; я отвѣтилъ.

— О, онъ очень будетъ радъ меня видѣть,—сдѣлалъ предположеніе незнакомецъ.

Но, говоря такъ, онъ смотрѣлъ далеко не ласково. Мнѣ показалось, что онъ думаетъ не то, что говоритъ, но какое было мнѣ до этого дѣло? Въ сущности при чемъ я тутъ былъ?

Незнакомецъ остался въ залѣ, прохаживаясь изъ угла въ уголокъ и отъ времени до времени подходя къ выходной двери, точно кошка, стерегущая мышъ. Я вышелъ на минуту изъ дому и прошелъ нѣсколько шаговъ по дорогѣ. Но мнѣ не дали далеко отойти. Я сейчасъ же услышалъ, что меня зовутъ, я долженъ былъ вернуться, хотя сдѣлалъ это безъ особенной торопливости. Незнакомецъ стоялъ въ дверяхъ и—Боже мой!—до чего исказилось его блѣдное лицо! Онъ кричалъ, чтобы я шелъ сейчасъ же назадъ, и такъ ужасно ругался, что я въ одну минуту очутился въ залѣ. Какъ только я подошелъ къ нему, онъ снова сдѣлался насмѣшливо-мягокъ въ обращеніи и даже положилъ мнѣ руку на плечо, ласково говоря, что я славный мальчигъ и что онъ очень меня полюбилъ съ перваго же раза.

— У меня у самого есть сынишка твоихъ лѣтъ,—прибавилъ онъ,—и я имъ очень горжусь. И право, вы оба съ нимъ ужасно похожи другъ на друга. А знаешь, мальчуганъ, какое самое первое правило для мальчиговъ? Послушаніе. Да. Великое это дѣло. Еслибы ты хотя разъ поплавалъ съ другомъ Биллемъ, ты никогда ужъ не сталъ бы доводить до того, чтобъ тебѣ два раза повторили одно и то же. Такъ-то, другъ. Съ нимъ шутки плохія... Э, да вотъ онъ и самъ, благослови его Богъ, съ своимъ телескопомъ подъ мышкой! Послушай, мальчуганъ, давай спрячемся оба за дверь, чтобы сдѣлать другу Биллю сюрпризъ.

Мы отошли въ сторону и спрятались за входною дверью. Мнѣ было не по себѣ; я немного струсилъ; безпокойство мое увеличилось еще больше, когда я замѣтилъ, что и незнакомецъ мой тоже какъ будто боится. Онъ то и дѣло нащупывалъ свой кортикъ и

я слышалъ, какъ онъ вздыхалъ, глотая слону, точно у него колы стоять въ горлѣ.

Наконецъ вошелъ *капитанъ*, шумно растворивъ передъ собою двери, и, не глядя въ нашу сторону, прямо направился къ столу, гдѣ я приготовилъ для него завтракъ.

— Билль!—произнесъ незнакомецъ, стараясь поддѣлаться подъ самый густой басы.

Капитанъ живо обернулся и увидалъ насъ. Загорѣлое лицо его вдругъ поблѣднѣло, такъ что остался сизымъ одинъ носъ. Точно онъ увидалъ или привидѣніе, или самого чорта, или даже что-нибудь еще хуже. Онъ какъ-то разомъ состарѣлся лѣтъ на двадцать, и я испугался, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ упадетъ въ обморокъ.

— Что, Билль, узналъ меня? Не забылъ стараго товарища?—вскричалъ незнакомецъ.

— Черный Песъ!—въ ужасѣ пробормоталъ *капитанъ*.

— А то кто же?—возразилъ тотъ, собираясь съ духомъ по мѣрѣ того какъ росло смущеніе нашего постояльца.—Черный Песъ, пришедшій навѣстить своего стараго товарища. Да, дружище Билль, навидались мы съ тобой разныхъ видовъ съ тѣхъ поръ какъ я лишился двухъ пальцевъ на рукѣ.

И незнакомецъ протянулъ впередъ свою изувѣченную руку.

— Ты таки нашелъ меня, отыскалъ, чортъ тебя дери,—произнесъ наконецъ не своимъ голосомъ *капитанъ*,—Скажи по крайней мѣрѣ, зачѣмъ я тебѣ понадобился?

— Ай да Билль, узнаю тебя, дружище! Ты все такой же, какъ былъ, попрежнему рубишь напрямикъ. Люблю тебя за это. У меня у самого такая же привычка. Я сейчасъ спрошу себѣ стаканчикъ рому,—этотъ прелестный мальчигъ, котораго я уже успѣлъ полюбить, принесетъ мнѣ его конечно,—и мы съ тобой побесѣдуемъ какъ старые друзья. Неправда ли, Билль, вѣдь мы съ тобой старые друзья, да?

Когда я вернулся съ ромомъ, они оба сидѣли у стола, накрытаго для одного *капитана*. Черный Песъ сидѣлъ спиной къ двери, искоса поглядывая на своего „стараго друга“, какъ будто готовился дать стрекача въ сторону, лишь только это окажется нужнымъ.

Онъ велѣлъ мнѣ уйти и оставить за собой двери настежь, причемъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее внушеніе:

— Знай, мальчуганъ, что я никогда не позволяю подсматривать или подслушивать за мной въ замочную скважину.

Я ушелъ въ буфетъ и сталъ прислушиваться, надѣясь услышать хотя что-нибудь изъ ихъ разговора. Первое время до меня доносилось только одно шшуканье. Потомъ голоса стали возвышаться и мнѣ удалось различить нѣсколько отдѣльныхъ словъ. То были все больше крѣпкія слова, вылетавшія изъ капитанскихъ устъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Сказано, нѣтъ!—вскричалъ вдругъ капитанъ, разражаясь гнѣвомъ.—Ступайте вы все на висѣлицу!

Посыпался цѣлый градъ крѣпкихъ словъ, зазвенѣла разбитая посуда, полетѣли на полъ стулья, столы, затѣмъ звякнула сталь, раздался крикъ боли и мимо меня промчался съ кортикомъ въ рукѣ и съ окровавленнымъ плечомъ Черный Песъ, спасаясь отъ ярости капитана, который гнался за нимъ тоже съ кортикомъ. Видя, что ему не догнать своего противника, уже вбѣжавшаго въ дверь, капитанъ бросилъ ему вслѣдъ кортикъ, мѣтая прямо въ голову, но къ счастью не попалъ. Кортикъ задѣлъ за нашу огромную вувѣску *Адмирала Бенбо*, которая такимъ образомъ приняла на себя ударъ, назначавшійся Черному Псу. На вувѣскѣ навсегда остался знакъ, а раненый невредимо выбѣжалъ на улицу.

Драка кончилась. Бѣглець пустился бѣжать по дорогѣ во все лопатки и скоро скрылся за мостомъ на поворотѣ. *Капитанъ* стоялъ у дверей и туло глядѣлъ на поврежденную имъ вувѣску. Поставъ еще немного, онъ протеръ себѣ глаза и вернулся въ домъ.

— Джимъ,—приказалъ онъ мнѣ,—рому!

Я замѣтилъ, что онъ пошатнулся и придержался за стѣнку, чтобы не упасть.

— Вы ранены, капитанъ!—вскричалъ я.

— Рому!—повторилъ онъ.—Я сейчасъ уѣзжаю отсюда... Рому мнѣ!.. Рому!

Я побѣжалъ за ромомъ, но у меня такъ дрожали руки, что я разбилъ стаканъ. Не успѣлъ я налить второй, какъ въ залѣ послышалось паденіе тѣла. Прибѣжавъ туда, я увидалъ, что капитанъ лежитъ на полу.

Тѣмъ временемъ матушка моя тоже услышала шумъ и драку и постѣшила сойти съ лѣстницы въ залу. Она помогла мнѣ поднять капитана. Мы замѣтили, что онъ дышетъ тяжело и хрипитъ. Глаза у него были закрыты, лицо посинѣло.

— Боже мой,—кричала матушка,—что только у насъ дѣлается! Позоръ нашему дому!.. А тутъ еще мужъ захворалъ!.. Господи, Господи!..

Мы разумѣется думали, что *капитанъ* раненъ, и не знали, что мы будемъ съ нимъ дѣлать. Я попробовалъ влить ему въ ротъ немножко рому, но это мнѣ не удалось. Зубы у него были крѣпко сжаты, точно тиски. Къ счастью пріѣхалъ докторъ Лайвей съ обычнымъ визитомъ къ моему отцу. Мы ему обрадовались какъ дорогому гостю.

— Докторъ, что намъ дѣлать?.. Куда онъ раненъ!—воскликнула матушка.

— Раненъ? Онъ-то? полноте, что вы!—отвѣчалъ докторъ.—У него просто апоплексическій ударъ, о чемъ я уже предупреждалъ его. Вернитесь къ вашему мужу, мистрисъ Гоукинсъ, и не говорите ему ничего, если можно. Я сейчасъ приведу этого господина въ чувство... Джимъ, голубчикъ, принеси мнѣ тазъ.

Когда я вернулся съ тазомъ, докторъ уже успѣлъ разорвать у *капитана* рукавъ и обнажилъ его большую мускулистую руку. Вся она была покрыта выжженными клеймами въ родѣ: „Добрый путь“, или „Счастливаго успѣха“, или „Причуда Билли-Бунса“ и т. п. На верху, подъ самымъ плечомъ, былъ сдѣланъ рисунокъ висѣлицы и, насколько могу судить, очень удачный.

— Это его собственный гороскопъ!—улыбнулся докторъ, указывая ланцетомъ на висѣлицу.—А теперь, мистеръ Билли-Бунсъ,—такъ стало быть васъ зовутъ,—теперь мы посмотримъ, какого цвѣта у васъ кровь... Джимъ,—обратился онъ ко мнѣ,—тебѣ не страшно глядѣть, какъ пускаютъ кровь?

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣчалъ я.

— Такъ поддержи мнѣ тазъ, мальчикъ, а я открою ему жилу.

Много пришлось выпустить крови *капитану*, прежде чѣмъ онъ открылъ наконецъ глаза. Онъ былъ видимо очень недоволенъ, когда узналъ доктора Лайвей, но лицо его смягчилось, когда онъ увидалъ меня. Потомъ онъ вдругъ поблѣднѣлъ, заметался и вскричалъ:

— Гдѣ Черный Песъ?

— Нѣтъ здѣсь никакого Чернаго Пса,—жестоко возразилъ ему докторъ.—Вы пили слишкомъ много рому, вотъ съ вами и сдѣлался ударъ. Я вѣдь вамъ говорилъ, предостерегалъ васъ. Вы не послушались. Къ моему великому сожалѣнію, мнѣ на этотъ разъ

пришлось выручить васъ изъ бѣды по обязанности врача. А теперь, мистеръ Бунсъ...

— Меня вовсе не такъ зовутъ,—перебилъ *капитанъ*.

— А мнѣ все равно, по правдѣ сказать,—спокойно продолжалъ докторъ.—И Бунсъ имя хорошее, оно къ вамъ очень идетъ. Но дѣло не въ этомъ, а вотъ въ чемъ: отъ стакана рому вы не умрете; но, выпивъ одинъ, вы выпьете и другой, и третій, и четвертый... И тогда вамъ капутъ. Понимаете?.. И вы отправитесь туда, гдѣ васъ давно ожидаютъ... Попробуйте встать на ноги, я помогу вамъ лечь на постель...

Мы съ докторомъ помогли *капитану* подняться по лѣстницѣ въ спальню, гдѣ онъ у насъ жилъ, и уложили его въ постель. Положивъ голову на подушки, онъ сейчасъ же впалъ какъ будто въ забытье.

— Смотрите же,—повторилъ еще разъ докторъ.—На будущій разъ я умываю руки. Если вы теперь хотя дотронетесь губами до рому, то вамъ смерть.

И докторъ, взявъ меня за руку, пошелъ къ моему отцу.

— Это ничего,—сказалъ онъ мнѣ, когда дверь за ними затворилась.—Я выпустилъ ему крови много, теперь онъ успокоится на нѣсколько дней. Для него и для васъ будетъ лучше, если онъ полегитъ въ постели недѣли двѣ. Но если ударъ повторится, то *капитану* вашему конецъ. За это я ручаюсь.

ГЛАВА II.

Черная марка.

Часу въ двѣнадцатомъ я поднялся наверхъ въ спальню *капитана* и принесъ ему прохладительнаго питья и разныхъ лѣкарствъ, прописанныхъ докторомъ Лайвей. Больной лежалъ въ томъ же положеніи, какъ мы его оставили, только взобрался немного повыше на подушки.

Онъ былъ очень слабъ, но до крайности возбужденъ.

— Джимъ, — сказалъ онъ мнѣ, какъ только меня увидалъ, — ты здѣсь единственный порядочный человѣкъ. Ты помнишь, я къ тебѣ всегда хорошо относился и даже давалъ тебѣ каждый мѣсяцъ по четыре пенса. Теперь я слабъ, я боленъ, я несчастенъ, такъ надѣюсь, ты не откажешься принести мнѣ стаканчикъ рому? Вѣдь не откажешься, дружокъ, неправда ли?

— Развѣ вы не слышали, что сказалъ докторъ, — возразилъ было я.

Но онъ меня перебилъ, пославъ доктора ко всѣмъ чертамъ, и закричалъ насколько хватило голоса:

— Что такое всѣ докторишки? Старыя швабры, вотъ что они такое! Ну, что твой докторъ можетъ смыслить въ моряхахъ? Увѣрю тебя, я бывалъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ жарко какъ въ печкѣ, гдѣ люди мрутъ отъ жестокой лихорадки какъ мухи. Видалъ ли что-нибудь подобное твой докторъ? А знаешь чѣмъ я спасался тамъ отъ болѣзни и смерти? Ромомъ и больше ничѣмъ. Ромъ замѣнялъ для меня и хлѣбъ, и вино, и мясо, и друга, и

семью. Неужели же мнѣ теперь бросить этотъ цѣлительный бальзамъ? Да я не выдержу, Джимъ, я умру и смерть моя ляжетъ на твою душу. Грѣхъ будетъ тебѣ и этому доктору, чтобъ его...

Тутъ послѣдовалъ цѣлый перечень отборнѣйшей ругани. Затѣмъ мой капитанъ перешелъ въ печальный тонъ.

— Посмотри, Джимушка, какъ дрожать мои пальцы. Да и весь я дрожу какъ осиновый листъ. Подумай только; вѣдь у меня во весь день не было во рту ни капли. Повѣрь мнѣ, дружокъ, твой докторъ болванъ. Если ты не дашь мнѣ рому, я сойду съ ума, тѣмъ и кончится. Со мной и то ужъ начинается что-то не хорошее. Мнѣ мерещатся все какія-то рожи. Вонъ сзади тебя стоитъ старый Флинтъ. Я его вижу какъ тебя. Если такъ пойдетъ дальше, то я за себя не ручаюсь. Я сдѣлаюсь хуже Каина, и въ этомъ виноваты будете вы всѣ, а не я. Да наконецъ и самъ вашъ поганый докторъ сказалъ, что отъ одного стакана ничего не сдѣлается. Принеси мнѣ одинъ стаканъ, Джимъ, только одинъ! Я тебѣ дамъ золотую гинею, слышишь? Принеси ради всего на свѣтѣ!

Онъ возбуждался все больше и больше. Я подумалъ, что ужъ лучше будетъ отъ него отвязаться, тѣмъ болѣе, что самъ докторъ сказалъ, что одинъ стаканъ рому капитану не повредить. Но я все-таки оскорбился тѣмъ, что меня хотѣли подкупить деньгами.

— Не нужно мнѣ вашей гинеи,—отвѣчалъ я съ негодованіемъ,— отдайте мнѣ только то, что вы должны моему отцу по счету, а стаканъ рому я принесу вамъ и такъ, съ условіемъ, что вы больше не будете просить.

Когда я принесъ ему ромъ, онъ жадно схватилъ стаканъ и выпилъ все залпомъ.

— А! — произнесъ онъ съ наслажденіемъ. — Вотъ мнѣ ужъ и лучше. Скажи, мальчикъ, долго ли, по мнѣнію твоего доктора, придется мнѣ пролежать въ постели?

— По крайней мѣрѣ съ недѣлю,—отвѣчалъ я.

— Громъ и молнія!... Недѣлю!... Ни за что!—вскричалъ онъ съ тревогой.—Этимъ временемъ они успѣютъ прислать мнѣ черную марку. Чего добраго, они уже бродятъ тутъ гдѣ-нибудь около меня, ослы! Не умѣли беречь того, что было у нихъ въ рукахъ!... Поступали бы какъ я, было бы и у нихъ. А теперь на что они рассчитываютъ? Не меня ли думаютъ запугать? Такъ нѣтъ, шалишь!... Не проведешь! Мы и не такихъ дурачили!

... «я замѣтилъ, какъ слѣпой сунулъ что-то въ руку капитану»... (Стр. 28.)

Говоря это, онъ страшно волновался, потомъ привсталъ, оперся на мое плечо, такъ что мнѣ тяжело сдѣлалось, и попробовалъ пройти по комнатѣ. Но ноги его не слушались. Онъ остановился и присѣлъ на постель.

— Уморилъ меня этотъ проклятый докторъ,—сказалъ онъ.— Въ головѣ шумъ такой, что просто чортъ знаетъ... Помоги мнѣ лечь.

Я исполнилъ его желаніе и онъ нѣсколько времени полежалъ молча.

— Джимъ, — сказалъ онъ наконецъ, — ты не видалъ сегодня этого матроса?

— Чернаго Пса?

— Чернаго Пса. Я тебѣ скажу, онъ большой негодяй. Да и остальные не лучше. Слушай, Джимушка. Если мнѣ почему-нибудь нельзя будетъ скоро уѣхать и если они сюда придуть и принесутъ мнѣ *черную марку*, то не забудь, что имъ нуженъ мой старый сундукъ. Тогда ты не теряй ни минуты времени, садись на первую лошадь и скачи къ тому... какъ его?... къ доктору къ этому окаянному... Скажи ему, чтобы онъ собралъ какъ можно больше народу, понятыхъ, полицейскихъ, и спѣшилъ въ здѣшнюю гостинницу ловить остатокъ шайки стараго Флинта: я былъ у него когда-то помощникомъ... *я одинъ знаю, гдѣ спрятано...* Онъ открылъ мнѣ эту тайну на *Саваннѣ*, когда умиралъ... какъ вотъ я теперь... *Саванна*, знаешь, корабль, на которомъ мы разбойничали... Ты слыхалъ о старомъ Флинтѣ?... Такъ вотъ онъ самый... Но ты никому про это не говори, если они не принесутъ *черной марки...* Слышишь?

— Что вы говорите, капитанъ? Какая *черная марка*?

— Это призывъ, требованіе отъ нашей шайки. Они, чего добраго, пришлютъ, такъ я тебя предупреждаю. Смотри въ оба, Джимъ, не зѣвай!

Онъ побредилъ еще нѣсколько минутъ. Голосъ его становился все слабѣе и слабѣе. Я подаль ему питье. Онъ напился точно ребенокъ, приговаривая:

— Такъ, такъ!... Вотъ и лѣчиться пришлось на старости лѣтъ.

Послѣ того онъ заснулъ тяжелымъ сномъ. Я подождать немного и вышелъ.

Не знаю, какъ бы я поступилъ, если бы дѣла шли обыкновеннымъ порядкомъ. Вѣришь всего, что я рассказалъ бы все доктору,

потому что до смерти боялся, какъ бы *капитанъ* не раскаялся въ своей откровенности и не постарался отправить меня на тотъ свѣтъ. Но дѣло въ томъ, что въ этотъ же самый вечеръ мой отецъ совершенно неожиданно умеръ. Горе, хлопоты съ похоронами и разныя неурядицы совсѣмъ вышибли у меня изъ головы память о недавнемъ разговорѣ съ *капитаномъ*. Мнѣ было совсѣмъ не до него.

На другой день утромъ онъ сошелъ внизъ какъ обыкновенно, хотя ѣлъ безъ аппетита. За то шлъ онъ, какъ я думаю, гораздо больше обыкновеннаго, такъ какъ онъ весь этотъ день самъ хозяйничалъ за буфетомъ, ворча и фыркая какъ тюлень. Вечеромъ, накануне похоронъ, онъ напился до того, что сталъ опять распѣвать свои удалыя пѣсни, отлично зная, что въ домѣ покойникъ. Насъ это возмущало, но мы все еще боялись страшнаго *капитана* и не рѣшались замѣтить ему, что такое поведеніе неприлично, постыдно. Только одинъ докторъ могъ бы его остановить, но къ сожалѣнію онъ уѣхалъ далеко къ одному опасному больному и не былъ у насъ съ самой смерти батюшки.

Капитанъ былъ однако все еще очень слабъ. Онъ еле бродилъ по комнатамъ, придерживаясь за стѣны, чтобы не упасть. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, кромѣ меня, и мнѣ всегда казалось, что онъ успѣлъ забыть о своемъ признаніи. Но характеръ его сталъ еще раздражительнѣе. У него явилась опасная привычка, садясь за столъ, всякій разъ класть возлѣ себя кортикъ. Страстью его сдѣлалось слѣдить за проѣзжающими и вообще онъ какъ будто немного помѣшался.

Въ этотъ же вечеръ послѣ ряда матроскихъ пѣсенъ мы вдругъ съ удивленіемъ услышали, что онъ напѣваетъ чрезвычайно странный мотивъ, какого онъ еще ни разу у насъ не пѣлъ. То былъ какой-то веселенькій регурнель, далеко не похожій на его обычныя пѣсни. Вѣроятно онъ пѣвалъ его когда-нибудь очень давно, когда еще не былъ морякомъ.

На другой день послѣ похоронъ я вышелъ часу въ четвертомъ на крыльцо гостиницы. День былъ туманный и холодный. Я стоялъ въ печальномъ раздумьи и вдругъ замѣтилъ, что по дорогѣ медленно идетъ какой-то человѣкъ. То былъ очевидно какой-нибудь слѣпой, потому что на глазахъ у него былъ зеленый зонтикъ, а въ рукахъ большой костыль, которымъ онъ поминутно щупалъ дорогу. Онъ шелъ, согнувшись подъ бременемъ дряхлости

и болѣзни и кутаясь въ дырявый, безобразный плащъ съ капюшономъ. Въ жизнь свою я не видываль ничего ужаснѣе этого лица съ тусклыми глазами безъ взгляда. У крыльца гостиницы онъ остановился и, плачевно растягивая слова, обратился къ пустому пространству:

— Милостивые, жалостливые, христiane добрые, скажите слѣ-
пому матросу его величества, гдѣ онъ теперь находится.

Я немедленно отвѣчалъ:

— Вы у гостиницы *Адмиралъ Бенбо*, возлѣ Блеэгилльской бухты.

— Слышу голосокъ тоненькій, голосокъ молоденькій, — возразилъ слѣпецъ тѣмъ же заунывнымъ голосомъ. — Голубчикъ миленькій, мальчикъ мой хорошенькій, не подашь ли ты мнѣ руку свою, не поможешь ли войти?

Въ простотѣ души я предупредительно протянулъ руку и вдругъ почувствовалъ, что ужасный слѣпецъ сейчасъ же сжалъ ее какъ тисками. Испугавшись до смерти, я сталъ вырываться, но безглазый ницѣй съ силою привлекъ меня къ себѣ и сказалъ уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— Веди-ка меня къ *капитану*, мальчуганъ!

— Ей-Богу, сэръ, я не смѣю... ну, право же не смѣю, видитъ Богъ.

— О!... о!... — зарычалъ слѣпой, — такъ ты не слушаешься?... Сейчасъ веди, не то я тебѣ руку выверну.

И съ этими словами онъ такъ жестоко повернулъ мнѣ руку, что я громко закричалъ.

— Сэръ, я о васъ же забочусь? *Капитанъ* послѣднее время очень опасенъ. Онъ не разстается съ своимъ кортикомъ. Къ нему просто подойти нельзя и къ тому же онъ боленъ... Недавно дру-
гой джентельменъ...

— Цыцъ, замолчи! Веди меня къ нему и конецъ! — перебилъ меня слѣпой.

Голосъ былъ грубый, жестокий, однимъ словомъ ужасный. Онъ подѣйствовалъ на меня хуже боли въ рукѣ. Я подчинился. Мы пошли въ залу, гдѣ у камина сидѣлъ *капитанъ*, попивая ромъ. Слѣпецъ, не выпуская моей руки, навалился мнѣ на плечо всею тяжестью.

— Веди меня прямо къ нему, — сказалъ онъ, — и когда подойдешь совсѣмъ близко, крикни: „Билль! Вотъ и мы!“ Не крикнешь — берегись!

При этомъ онъ, какъ бы предостерегая, сдвинулъ мнѣ руку такъ больно, что у меня пропалъ весь страхъ къ *капитану*. Я быстро распахнулъ двери общей залы и громко произнесъ то, что мнѣ велѣлъ слѣпой.

Бѣдный *капитанъ* вздрогнулъ съ головы до ногъ и испуганно взглянулъ на насъ. Хмѣль разомъ выскочилъ у него изъ головы и на лицѣ изобразился ужасъ, смѣшанный съ крайнимъ отвращеніемъ. Онъ хотѣлъ встать, но не могъ.

— Оставайся на мѣстѣ, Билль!—сказалъ убогій.—Я слѣпъ, но носъ у меня тонкій, и я сейчасъ узнаю, сидишь ты смирно или нѣтъ. Дѣло дѣломъ... Подай сюда лѣвую руку. Мальчикъ, возьми его лѣвую руку и приблизь ее къ моей правой рукѣ.

Мы оба машинально повиновались. Я замѣтилъ, что послѣдній сунулъ что-то *капитану* въ руку и тотъ сейчасъ же зажалъ эту вещь въ кулакъ.

— Дѣло сдѣлано!—объявилъ слѣпой.

Онъ меня выпустилъ и съ невѣроятною быстротою и увѣренностью выскользнулъ вонъ изъ гостиницы. Я видѣлъ, какъ онъ торопливо пошелъ по дорогѣ и исчезъ, постукивая своимъ костью-лемъ.

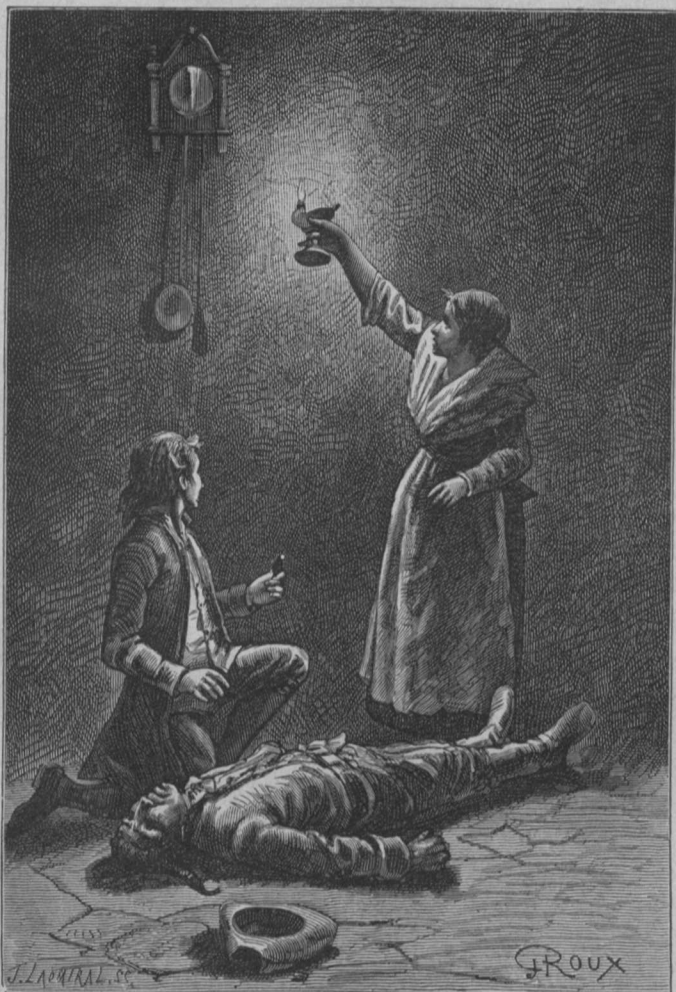
Мы съ *капитаномъ* были въ оцѣпенѣніи. Я стоялъ около него и безсознательно держалъ его за руку. Наконецъ я ее выпустилъ и тогда онъ взглянулъ на свою ладонь.

— Въ десять часовъ!—вскричалъ онъ.—У насъ осталось еще цѣлыхъ шесть!... Мы еще успѣемъ сыграть съ ними штуку.

Онъ вскочилъ на ноги, но пошатнулся, схватился рукою за горло и во весь ростъ растянулся на полу. Я подбѣжалъ къ нему, началъ горько звать матушку. Но звать было не зачѣмъ. *Капитанъ* былъ мертвъ: его убилъ нервный ударъ.

Странная вещь: я не любилъ *капитана*, хотя подъ конецъ и сталъ чувствовать къ нему жалость; теперь же, видя его мертвымъ, я не могъ удержаться отъ слезъ. Вѣроятно потому, что нервы у меня были разстроены недавнею смертью отца.

Не откладывая въ долгій ящикъ, я рассказалъ матушкѣ то, что было бы гораздо лучше сказать ей раньше. Мы очутились съ нею въ очень затруднительномъ, даже въ опасномъ положеніи. Часть денегъ нашего постояльца принадлежала намъ неотъемлемо и безспорно, но сомнительно было, чтобы его товарищи, захвативъ его достояніе, согласились намъ ее выплатить. По крайней мѣрѣ мы

... «капитанъ лежалъ на полу съ раскинутыми руками»... (Стр. 32).

такъ судили о нихъ о всѣхъ по Черному Псу и по слѣпому, о которыхъ мы имѣли достаточное понятіе. Мнѣ вспомнилось приказаніе *капитана* сѣсть въ извѣстномъ случаѣ на лошадь и немедленно скакать къ доктору Лайвей. Впрочемъ сдѣлать это *теперь* значило оставить мать одну въ гостинницѣ на произволь судьбы.

Но и оставаться въ гостинницѣ намъ обоимъ было страшно, все насъ пугало: и трескъ угля въ каминѣ, и тиканье часовъ. Черная дорога, уходившая въ безконечную даль, невольно заставляла насъ думать о томъ, что вотъ быть можетъ по ней приближаются наши губители. Видъ мертваго *капитана* на полу въ залѣ и воспоминаніе объ ужасномъ слѣицѣ обдавали меня холодомъ, такъ что кровь стыла въ жилахъ. Нужно было на что-нибудь рѣшиться, и мы придумали обратиться за помощію въ сосѣднюю деревню. Придуманно—сдѣлано, и вотъ мы, въ чемъ были, побѣжали по дорогѣ, несмотря на холодъ, туманъ и вечернюю темноту.

Деревня была по счастью недалеко, за скалами, на противоположномъ концѣ бухты. Мы добѣжали до нея, захывавшись. Все кругомъ было тихо, только волны плескались о берегъ и вороны каркали гдѣ-то въ лѣсу.

Въ деревнѣ уже зажглись огни и я никогда не забуду, съ какимъ удовольствіемъ увидалъ я освѣщенные окна. Я ободрился, но этимъ все и ограничилось. Никакой серьезной помощи мы не нашли. Никто не рѣшился идти съ нами въ гостинницу *Адмиралъ Бенбо*. Къ стыду мужчинъ, всѣ они трусили и ссылались на женъ и дѣтей...—Кто такой *капитанъ*, кто такіе его товарищи?—Ужъ не изъ шайки ли они Флинта?... — Оказалось, что имя Флинта извѣстно имъ какъ нельзя лучше. Къ довершенію бѣды съ поля вернулось нѣсколько крестьянъ, которые заявили, что встрѣтили по дорогѣ какихъ-то подозрительныхъ личностей. Нѣсколько другихъ крестьянъ стали увѣрять, что видѣли какой-то ботъ, бросившій якорь въ маленькой заводи, которую у насъ называли *Киттской норой*. Однимъ словомъ мы получили массу предложеній немедленно сѣздить къ доктору Лайвей, но ни одинъ человекъ не согласился защищать гостинницу *Адмиралъ Бенбо*.

Трусость говорить заразительна, но съ другой стороны вѣрно и то, что споръ нерѣдко придаетъ храбрость. Такъ случилось съ моею матерью. Когда всѣ высказались, она заговорила сама и объявила, что не посмотритъ ни на что и попробуетъ, нельзя ли спасти сиротскія деньги.

— Если вы не хотите намъ помочь, такъ и Богъ съ вами,— сказала она. — Мы съ Джимомъ пойдемъ одни и что бы ни случилось, а ужъ сундукъ я отопру. Объ одномъ попрошу я васъ, мистриссъ Краули,—обратилась она къ одной сосѣдкѣ,—одолжите намъ мѣшокъ, чтобы положить въ него деньги, принадлежащія намъ съ Джимомъ по праву.

Я разумѣется объявилъ, что готовъ идти съ матерью, и всѣ разумѣется начали кричать, что это ни на что не похоже. И все-таки никто не согласился пойти съ нами. Дали только мнѣ заряженный пистолетъ на всякій случай и обѣщали приготовить намъ осѣдланыхъ лошадей для бѣгства, если насъ будутъ преслѣдовать. Кромѣ того, одинъ парень взялся немедленно ѣхать къ доктору Лайвей и попросить у него для насъ вооруженной помощи.

Сердце у меня сильно билось, когда мы съ матерью пустились въ опасный путь. Ночь была темная, луна не успѣла взойти и только красноватый край ея диска чуть-чуть свѣтился сквозь густую, тяжелую мглу. Мы бѣжали чуть не бѣгомъ, стараясь производить какъ можно меньше шума. Наконецъ мы благополучно добрались до гостинницы и съ облегченіемъ вздохнули, когда заперли за собой тяжелую дверь.

Я притаилъ дыханіе, вспомнивъ, что мы съ матушкой въ домѣ одни и что тамъ лежитъ покойникъ. Мать зажгла свѣчку и, держась за руки, мы робко вошли съ нею въ общую залу. Мертвецъ лежалъ все въ томъ же положеніи на спинѣ и съ раскинутыми руками.

— Опусти стору, Джимъ, сказала мнѣ матушка, — а то насъ могутъ увидеть съ улицы.

Я исполнилъ приказаніе матушки и она продолжала:

— Теперь нужно снять съ него ключъ отъ сундука... [придется до него дотронуться...

Я сталъ возлѣ трупа на колѣна. На полу у лѣвой руки мертвеца лежалъ вырѣзанный изъ бумаги кружочекъ, одна сторона котораго была была выкрашена въ черный цвѣтъ. Я понялъ, что это и есть *черная марка*. Поднявъ кружокъ, я увидаль [на бѣлой сторонѣ крупную и четкую надпись: *сегодня вечеромъ, въ десять часовъ*.

— Матушка!—вскричалъ я.—Только до десяти часовъ...

Только что я ей это сказалъ, какъ наши стѣнные часы стукнули, готовясь бить. У обоихъ у насъ замерло сердце... Часы прозвонили. О, счастье! Оказалось только шесть часовъ.

— Ну, Джимъ,—сказала матушка,—доставай ключъ.

Я ощупалъ всѣ карманы покойника, нашель тамъ серебряную медаль, нитки, иголки, наперстокъ, ножикъ, огниво, табакъ, карманный компасъ, но ключа не отыскалъ.

— Нѣтъ ли на шеѣ,—подсказала мнѣ матушка.

подавляя отвращеніе, я растегнулъ у мертвеца воротъ и пощупалъ шею. Ключъ дѣйствительно висѣлъ на шнуркѣ, пропитанномъ дегтемъ. Я вынулъ ножикъ и разрѣзалъ шнурокъ.

Удача насъ ободрила. Мы побѣжали въ капитанскую спальню, гдѣ стоялъ знаменитый сундукъ, ни разу не сдвигавшійся съ мѣста.

Сундукъ былъ обыкновенный матроскій, сдѣланный изъ очень прочнаго дерева, обтершійся по угламъ отъ долгой службы и съ большой металлической буквой *B* на крышкѣ.

— Дай мнѣ ключъ,—сказала матушка.

Замокъ отпирался туго, но она,—откуда сила взялась,—въ одну секунду повернула ключъ и открыла крышку.

Изъ сундука запахло табакомъ и дегтемъ. Прежде всего мы увидели полную новую пару платья, тщательно вычищенную и аккуратно уложенную. Матушка сдѣлала предположеніе, что это платье ни разу не надѣвано. Подъ платьемъ лежало множество мелкихъ вещей самага разнообразнаго характера: тутъ были транспортиры, пачки съ табакомъ, старинные испанскіе часы, мѣдный компасъ, разные дешевыя рѣдкости, какъ напримѣръ пять или шесть американскихъ раковинокъ и т. п. Все это для насъ покуда не представляло интереса и мы продолжали рыться въ сундукѣ. На днѣ оказался старый матроскій плащъ, весь потертый и выцвѣтшій. Мать съ досадою вытащила его вонъ и мы увидели подъ нимъ двѣ послѣднія вещи: какой-то пакетъ повидимому съ бумагами, завернутый въ клеенку, и полотняный мѣшокъ, въ которомъ звенѣли монеты, когда я взялъ его въ руки.

— Покажемъ этимъ негодяемъ, что мы честные люди,—сказала матушка. — Я возьму только то, что намъ слѣдуетъ, ни гроша больше. Давай сюда мѣшокъ, что мнѣ дала мистриссъ Краули.

И она принялась отсчитывать монеты, кладя ихъ въ мѣшокъ, который я держалъ передъ нею. Ей хотѣлось взять изъ капитанскихъ денегъ, ровно столько, сколько слѣдовало по счету, но это оказалось далеко не такъ просто, какъ она думала; монеты были го большей части иностранныя, дублоны, луидоры, унціи, и все

въ этомъ родѣ. Англійскихъ монетъ было меньше всего, а матушка только имъ и знала цѣну.

Мы не сдѣлали еще и половины дѣла, какъ вдругъ я остано-вилъ матушку, дотронувшись до ея руки. Въ тишинѣ ночи я услы-халъ явственно звукъ, отъ котораго у меня застыла кровь въ сердцѣ; услыхалъ стукъ палки слѣпаго по мерзлой землѣ... Стукъ приближался... Мы съ матушкой слушали, не дыша. Вотъ палка стукнула въ дверь, негодяй повернулъ дверную ручку и началъ неистово ломиться въ домъ. Потомъ все смолкло. Затѣмъ костыль опять застучалъ по землѣ, медленно удаляясь отъ дома, и къ на-шей радости стукъ постепенно замеръ въ отдаленіи.

— Матушка,—вскричалъ я,—возьмемъ все и убѣжимъ!

Я былъ увѣренъ, что запертая дверь навела слѣпаго на подо-зрѣніе и что скоро къ намъ въ домъ нахлынетъ вся шайка. И все-таки я былъ безконечно радъ, что догадался запереть задвижку. Ужъ очень былъ страшень этотъ слѣпой, такъ страшень, что и рассказать нѣтъ словъ.

Очень испугалась матушка, а все-таки не хотѣла взять ни одной копѣйки меньше, чѣмъ слѣдуетъ.

— Еще нѣтъ семи часовъ,—сказала она.—Я своего упускать не намѣрена.

Не успѣла она договорить, какъ гдѣ-то вдали, на холмѣ должно быть, раздался протяжный свистъ. Остаться было немислимо.

— Нечего дѣлать,—вдохнула матушка, торопясь встать и уйти,— ужъ возьму только то, что успѣла отсчитать.

— А я для круглаго счета возьму вотъ и это,—вскричалъ я, хватая клеенчатый пакетъ.

Мы побѣжали по лѣстницѣ въ темнотѣ, бросивъ свѣчку возлѣ пустаго сундука, выбѣжали на улицу и пустились по дорогѣ. Ту-манъ сталъ рѣдѣть и луна уже вполнѣ ярко озаряла окружающія высоты. Къ счастью дорога шла вниз и потому оставалась по-гружена въ относительный мракъ. На первое время намъ было хорошо, но съ половины дороги намъ предстояло идти по освѣ-щенному пространству. Хуже всего было то, что сзади насъ уже раздавались шаги многочисленныхъ ногъ. Къ гостинницѣ прибли-жалась толпа мужчинъ, изъ которыхъ у одного былъ фонарь.

— Дитя мое,—сказала мнѣ вдругъ матушка,— бери деньги и бѣги! Я чувствую, что скоро выбьюсь изъ силъ.

— Конечно!—подумалъ я.—Теперь насъ поймають.

И меня взяло страшное зло на низкую трусость сосѣдей, которые отказались намъ помочь. Къ счастью мы уже почти дошли до мостика черезъ небольшую канаву. Я кое-какъ довелъ матушку до края канавы, но тутъ она тяжело вздохнула и безъ чувствъ склонилась ко мнѣ на плечо. Не знаю, какъ достало у меня силы стащить матушку внизъ въ канаву и положить возлѣ мостика. Больше этого я ничего не могъ сдѣлать; мостъ былъ очень низокъ и я могъ подъ нимъ спрятаться только самъ, такъ какъ былъ очень тонокъ и худъ. Я подползъ подъ него на животѣ и мы оба остались въ этомъ опасномъ положеніи: я подъ мостомъ, а матушка—возлѣ него и совершенно на виду съ дороги. Отъ гостиницы, въ которую ломились разбойники, мы успѣли уйти всего на разстояніе человѣческаго голоса.

ГЛАВА III.

Бумаги капитана.

Несмотря на опасность моего положенія, любопытство пересилило во мнѣ страхъ. Прошло нѣсколько минутъ и я потерялъ всякое терпѣніе. Мнѣ просто не лежалось подъ мостомъ; желаніе посмотрѣть, что дѣлается въ гостиницѣ, такъ и подмывало меня встать. Я выползъ изъ канавы и притаился за кустомъ шильника, откуда можно было видѣть дорогу и крыльцо гостиницы. Только что я усѣлся за кустомъ, какъ на дорогѣ показался авангардъ нападающихъ; ихъ было человѣкъ семь, одинъ изъ нихъ несъ фонарь и шелъ впереди. Трое шли рядомъ, взявшись за руки, и сквозь туманъ я разглядѣлъ, что одинъ изъ этой троицы — мой старый знакомый, слѣпецъ. Вскорѣ я слышалъ и его голосъ, убѣдившись такимъ образомъ, что не ошибся.

— Ломайте дверь!—кричалъ онъ.

— Сейчасъ!—отвѣтило ему нѣсколько голосовъ.

Гостиница *Адмиралъ Бенбо* подверглась штурму. Дверь оказалась не запертою и разбойники въ удивленіи остановились, не входя въ домъ. Они стали шептаться, но слѣпой прикрикнулъ на нихъ:

— Что-жь вы, къ мѣсту приросли что ли? Чего вы ждете? Идите!

Пятеро пошли въ домъ, двое остались при слѣпцѣ. Настала тишина, потомъ раздался возгласъ удивленія и крикъ:

— Билль умеръ!..

Слѣпой только пуще разсердился и началъ браниться:

— Ахъ, ослы! Ну, такъ что же? Ну, и общите его, да сундукъ не забудьте взять. Недогадливые остолопы! Всюду васъ нужно носомъ ткнуть.

Я услыхалъ, какъ злодѣи, стуча своими тяжелыми башмаками, пошли по лѣстницѣ и какъ наша старая лѣстница закрипѣла и затрещала отъ ихъ шаговъ. Спустя немного времени, раздался опять возгласъ удивленія. Въ окнѣ капитанской комнаты зазвенѣли и посыпались на землю разбитыя стекла и при яркомъ свѣтѣ луны изъ окна высунулся человѣкъ. Онъ обратился къ слѣпому, который стоялъ внизу:

— Пью, насъ обжулили, въ сундукъ кто-то рылся прежде насъ.

— А цѣло ли то... знаешь что?

— Деньги тутъ.

— А, ну тебя съ деньгами! Я говорю о бумагахъ Флинта.

— Ихъ что-то не видно.

— А вы, тамъ нашли ихъ на Биллѣ или нѣтъ? — крикнулъ слѣпецъ.

Одинъ изъ оставшихся для обыскиванія мертваго капитана вышелъ на крыльцо и сказалъ:

— Билля должно быть обшарили прежде насъ. На немъ ничего нѣтъ.

— Это все здѣшніе хозяева, — заоралъ слѣпой. — Это все эготъ поганый мальчишка, больше некому... Какъ жаль, что я не вырвалъ у него глазъ!.. Да время еще не ушло... Они сейчасъ были тутъ, потому что, когда я приходилъ, дверь была заперта... Ступайте, ребята, ищите ихъ!..

— Они оставили тутъ зажженную свѣчку, — сказалъ человѣкъ, стоявшій у окна.

— Ищите! Всюду ищите! Камня не оставляйте на камнѣ! — снова крикнулъ Пью, стуча о землю костылемъ.

Въ гостиницѣ поднялась невыразимая кутерьма; по всему дому стучали тяжелые башмаки, хлопали двери, звенѣли разбитыя стекла, ломалась мебель. Наконецъ разбойники одинъ за другимъ вышли изъ дому и объявили, что ничего нѣтъ.

Въ ту же минуту снова раздался свистъ и повторился два раза. Я замѣтилъ, что разбойники встревожились, и заключилъ изъ этого, что ихъ предостерегаютъ.

— Это Диркъ свиститъ... и два раза. Надо, ребята, утекать, — сказалъ одинъ изъ разбойниковъ.

.. «Слепой понагъ прямо подь ноги первой лошади»... (Стр. 41).

— Кто это хочет утекать? — зарычалъ слѣпой Пью. — Куда утекать?.. Зачѣмъ утекать?.. Оттого что трусь Диркъ чего-нибудь испугался?.. Ахъ, вы, идиоты! Ничего не умѣли найти!.. Я увѣренъ, что просто вы прозѣвали... И зачѣмъ только я слѣпой!..

Два разбойника принялись шарить въ кустахъ, но какъ-то вяло и не охотно, видимо смущаясь слышаннымъ свистомъ. Остальные стояли въ нерѣшимости.

— Ослы!—ругался слѣпой.—Стоило протянуть руку за милліонами и взять ихъ, а вы прозѣвали!.. Труссы, скоты!.. И всего-то нужно отыскать этихъ людей да хорошенько приступить!..

— Да чего тебѣ еще надо, Пью? Вѣдь дублионы мы взяли,—старался урезонить его одинъ изъ разбойниковъ.

— И почему ты знаешь, что бумаги были здѣсь? Можетъ быть ихъ тутъ и не было никогда,—возразилъ другой.—Возьми свои гинеи, Пью, и перестань *базилить*.

Базилить—это было сказано очень мѣтко. Пью остервенился и началъ колотить своихъ товарищей костью направо и налево. Разбойники въ свою очередь стали ругаться и вырывать у него костью; тотъ не давалъ и продолжалъ буйнить. Эта ссора насъ спасла, то-есть меня и матушку. За холмомъ, со стороны деревни, слышался лошадиный топотъ и вслѣдъ затѣмъ сверкнулъ и грохнулъ пистолетный выстрѣлъ. Разбойники немедленно пустились на утекъ, кто къ бухтѣ, кто въ поле. Въ полминуты всѣ они изчели, остался одинъ старый Пью. Ужъ не знаю, отъ страха или изъ мести за грубость бросили его товарищи на произволъ судьбы, но только онъ оказался позади всѣхъ и бѣжалъ ощушь, отчаянно стучая костью и крича товарищамъ, чтобы они подождали. Тѣ не слушались и вскорѣ слѣпой, повернувъ не туда, куда слѣдуетъ, побѣжалъ по дорогѣ въ деревню, пройдя мимо меня въ двухъ шагахъ и крича что есть мочи:

— Джонни!.. Черный Песъ!.. Диркъ!.. Неужели вы хотите бросить старика Пью?.. Не можетъ быть!

Лошадиный топотъ слышался все ближе и ближе. На холмѣ, освѣщенномъ луною, показались четыре или пять всадниковъ, галопомъ мчавшихся въ нашу сторону. Пью замѣтилъ свою ошибку и, сдѣлавъ крутой поворотъ, побѣжалъ прямо къ канавѣ, въ которую и свалился. Онъ всталъ и выбрался изъ нея, но, растерявшись, попалъ прямо подъ ноги передней лошади, налетѣвшей на него съ разбѣга.

Всадникъ хотѣлъ остановить своего коня, но не успѣлъ. Съ ужаснымъ крикомъ Пью упалъ на землю и острия подковы прошли по его тѣлу. Первое время онъ оставался въ сидячемъ положеніи, какъ упалъ, а потомъ медленно свалился лицомъ на дорогу и замеръ, не шевелясь.

Я успѣлъ выйти изъ своего убѣжища и кричалъ всадникамъ, которые останавливались, подѣвжая одинъ за другимъ. То была конная таможенная стража, которую встрѣтилъ нарочный, посланный къ доктору Лайвей, и догадался извѣстить о нападеніи на гостинницу. Начальникъ стражи, таможенный надзиратель Дэнсъ, уже зналъ о ботѣ, приплывшемъ въ Киттсову Нору, и на всякій случай сдѣлалъ объѣздъ нашей мѣстности. Этому счастливому обстоятельству мы съ матушкой и обязаны своимъ спасеніемъ.

А старый Пью былъ мертвъ, совершенно мертвъ.

Матушку сырсынули водой и привели въ чувство. Оправившись отъ страха и придя въ деревню, она немедленно принялась вздыхать о деньгахъ, которыя она не успѣла взять.

Тѣмъ временемъ надзиратель Дэнсъ скакалъ во весь опоръ въ Киттсовой Норѣ, но когда онъ доскакалъ до нея, то ботъ уже снялся съ якоря, хотя еще не успѣлъ отплыть далеко. Надзиратель окликнулъ судно, но въ отвѣтъ только пуля просвистѣла у него надъ ухомъ. Ботъ вышелъ изъ бухты и скрылся, а мистеръ Дэнсъ, по собственному его выраженію, остался на берегу какъ рыба, выброшенная приливомъ. Все что онъ могъ сдѣлать, это послать въ Бристоль нарочнаго съ донесеніемъ о видѣнномъ ботѣ, но и такая мѣра въ сущности ни къ чему не могла привести.

Я рассказалъ Дэнсу всю исторію и мы съ нимъ вмѣстѣ вернулись въ гостинницу, въ которой точно варвары побывали. Въ злобѣ на насъ, разбойники поломали и побросали на полъ все, что только попало имъ подъ руки, даже и стѣнные часы. Хотя съ собой они не взяли ничего, кромѣ мѣшка съ золотомъ, принадлежавшаго капитану, тѣмъ не менѣе, для насъ этотъ разгромъ равнялся полному разоренію. Мистеръ Дэнсъ совершенно не понималъ, чѣмъ объяснить такую злобу.

— Вы говорите, что деньги они взяли, такъ чего же они искали еще? Другихъ денегъ?—спрашивалъ онъ въ недоумѣніи.

— Нѣтъ, сэръ, не думаю. Мнѣ сдается, что они искали кое-чего другаго... того, что я спряталъ къ себѣ въ карманъ...

— Отличная мысль пришла тебѣ, мальчикъ. Ты не дашь мнѣ эту вещь, а?

— Я думалъ отдать ее доктору Лайвей.

— Отлично, чего же лучше, — согласился со мной надзиратель безъ малѣйшаго неудовольствія. — Кому же вы можете скорѣе довѣриться, какъ не своему мировому судьѣ? А теперь, я думаю, не худо мнѣ пойти и донести о смерти этого Пью. На насъ, на таможенныхъ, такъ много клеветцуютъ... Не лучше ли и вамъ со мною отправиться, Гоукинсъ?

Я отъ души поблагодарилъ мистера Дэнса и пошелъ съ нимъ въ деревню, гдѣ насъ ждали лошади. Переговоривъ съ матушкой, я, по указанію мистера Дэнса, сѣлъ на лошадь позади одного изъ объѣздчиковъ, у котораго лошадь была покрѣпче, и мы крупную рысью поскакали къ жилищу доктора.

У доктора во всѣхъ окнахъ было темно. Мистеръ Дэнсъ велѣлъ мнѣ сойти съ лошади и постучать у крыльца. Вышла горничная и сказала, что доктора нѣтъ дома. Онъ въ этотъ вечеръ обѣдалъ въ замкѣ у сквайра Трелонэ.

Мистеръ Дэнсъ рѣшилъ немедленно ѣхать туда. Замокъ былъ недалеко, такъ что я не сѣлъ опять на лошадь, а побѣжалъ въ припрыжку рядомъ съ всадниками, затрусившими мелкой рысцой. Такъ мы въѣхали въ ворота парка и проѣхали длинную въѣздную аллею. Миссеръ Дэнсъ велѣлъ сейчасъ же о себѣ доложить и мы немедленно были приняты. Черезъ длинную галерею насъ провели въ большую библіотеку, по стѣнамъ которой тянулись многочисленныя полки съ книгами, а на кронштейнахъ стояло около дюжины мраморныхъ бюстовъ. Сквайръ и докторъ сидѣли у пылающаго камина, мирно бесѣдуя и покуривая трубки.

Я до сихъ поръ ни разу не видалъ сквайра Трелонэ вблизи. Онъ былъ рослый мужчина, футовъ шести, въ мѣру полный и очень сильный, съ добрымъ, открытымъ лицомъ, загорѣлымъ отъ далекихъ путешествій. Брови у него было очень густыя и часто хмурились. Это придавало ему нѣсколько непріятный видъ, хотя въ сущности онъ былъ человѣкъ добрѣйшей души; портили его лишь нѣкоторая горячность и надменность.

— Добро пожаловать, мистеръ Дэнсъ, — сказалъ онъ важно и привѣтливо.

— Добраго вечера, Дэнсъ, — сказалъ докторъ, кивая головою. — Здравствуй и ты, другъ Джимъ. Что скажете хорошенькаго?

Таможенный надзиратель, держась чопорно и неуклюже, рассказал все дѣло, какъ вытверженный урокъ. Оба джентльмена слушали съ такимъ интересомъ, что даже позабыли курить. Когда рассказъ дошелъ до того мѣста, какъ моя мать съ удивительнымъ мужествомъ пустилась одна въ гостиницу, докторъ Лайвей въ знакъ одобренія хлопнулъ себя по колѣнкѣ, а сквайръ воскликнулъ „браво!“ и такъ сильно стукнулъ трубкой о каминь, что трубка разбилась. Не дожидаясь конца рассказа, мистеръ Трелонэ вскочилъ съ своего глубокаго кресла и крупными шагами заходилъ по залѣ. А докторъ, такъ тотъ даже стащилъ съ себя пудренный парикъ, словно для того, чтобы лучше слышать, и не пропускалъ ни одного слова, не забываясь о томъ, что его бритая черная голова имѣла чрезвычайно смѣшной видъ.

Наконецъ мистеръ Дэнсъ окончилъ свой обстоятельный докладъ.

— Хвалю, мистеръ Дэнсъ, хвалю! — вскричалъ сквайръ. — Вы можете гордиться своимъ поведеніемъ. И маленькій Гоукинсъ тоже молодецъ. Да... Не позвонишь ли ты, мой милый?.. Мистеръ Дэнсъ, я думаю, не откажется выпить стаканъ пива.

— И ты увѣренъ, Джимъ, — сказалъ докторъ, — что въ карманѣ у тебя та самая вещь, которую искали злодѣи?

— Вотъ она, сэръ, — отвѣчалъ я, передавая доктору клеенчатый пакетъ.

Докторъ повертѣлъ пакетъ во всѣ стороны, словно у него чесались пальцы его распечатать, но удержался и только положилъ его въ карманъ.

— Вотъ что, сквайръ, — сказалъ онъ, — когда Дэнсъ выпьетъ свое пиво, онъ разумѣется уѣдетъ отсюда, у него ночью много дѣла. Но Джима Гоукинса мнѣ бы хотѣлось задержать до завтра, и если вы ничего не имѣете противъ, то я бы васъ попросилъ приказать, чтобы ему принесли холоднаго пирога и дали поужинать.

— Съ удовольвіемъ, дорогой Лайвей, — отвѣчалъ сквайръ, — Гоукинсъ такой молодецъ!

Мнѣ принесли большой паштетъ съ голубями и накрыли приборъ на маленькомъ столикѣ. Я поужиналъ по-княжески, тѣмъ болѣе, что былъ голоденъ какъ волкъ, а мистеръ Дэнсъ откланялся и уѣхалъ.

— Такъ какъ же, сквайръ? — спросилъ докторъ.

— Такъ какъ же, дорогой Лайвей? — въ тонъ ему возразилъ сквайръ.

... «Сквайръ осторожно вскрылъ пакетъ»... (Стр. 47).

— Начнемъ по порядку, — засмѣялся докторъ. — Вы, полагаю, слышали о старомъ Флинтѣ, помощникомъ котораго называлъ себя покойный Билли Бунсъ?

— Слыхалъ ли я о Флинтѣ? — вскричалъ сквайръ. — Какъ же не слышать!... Самый свирѣпый разбойникъ, какой только есть на землѣ... Синяя Борода въ сравненіи съ нимъ младенецъ. Испанцы такъ его боялись, что я даже чуть-чуть не возгордился, что онъ англичанинъ... Ъхали мы на испанскомъ кораблѣ... Дѣло было около Тринидата. Собака-капитанъ такъ перепугался, что сейчасъ же скомандовалъ право на бортъ и мы вернулись въ гавань.

— Ну, это, положимъ, и въ Англійи бывало, — возразилъ докторъ. — Но дѣло вотъ въ чемъ: были у Флинта деньги или нѣтъ?

— Деньги-то! Еще бы! Да изъ-за чего же эти негодяи и разбойничаютъ, какъ не изъ-за денегъ? Изъ-за чего шкурой рискуютъ?

— Все это мы разубнаемъ потомъ, — замѣтилъ докторъ, — но теперь я долженъ вамъ сказать, что вы такъ горячитесь и такъ часто и много восклицаете, что нѣтъ никакой возможности съ вами разсуждать. Скажите мнѣ вотъ что: положимъ, что у меня въ карманѣ находится указаніе, гдѣ спрятанъ кладъ стараго Флинта; какъ вы думаете: велико это сокровище или нѣтъ?

— Велико ли, сэръ?... Вотъ вамъ мой отвѣтъ: если это указаніе дѣйствительно у васъ есть, то я берусь зафрахтовать въ Бристоль корабль на свой счетъ, сяду на него съ вами и съ молодымъ Гоукинсомъ, и мы поѣдемъ отыскивать деньги Флинта, хотя бы для этого намъ пришлось проѣздить цѣлый годъ.

— Прекрасно, — согласился докторъ. — А теперь съ позволенія Джима, давайте вскроемъ пакетъ.

И онъ выложилъ пакетъ на столъ.

Клеенка была сшита съ боковъ. Докторъ досталъ изъ кармана футляръ, вынулъ изъ него докторскія ножницы и разрѣзалъ швы. Въ пакетѣ оказались двѣ вещи: записная книжка и какая-то бумага, запечатанная сургучемъ.

— Посмотримъ сначала, что въ книжкѣ, — сказалъ докторъ.

Мы съ сквайромъ стали смотрѣть черезъ плечо доктора, который, видя, что я уже поужиналъ, любезно разрѣшилъ мнѣ подойти и посмотрѣть.

На первой страницѣ было какое-то царапанье отъ нечего дѣлать, должно быть „проба пера“ или что нибудь въ этомъ родѣ. На другой страницѣ былъ тотъ же рисунокъ, что я видѣлъ на рукѣ

капитана, и тѣ же слова: „прихоть Билли Бунса“. На третьей стоялъ полный титулъ: „Мистеръ Вильямъ Бунсъ, подшиперъ“. Далѣе значилось: „Брошу пить ромъ“. Потомъ еще: „Онъ поймалъ его въ океанѣ“. Далѣе опять шло неразборчивое парпанье.

— Все это ничего не разъясняетъ, — замѣтилъ докторъ, продолжая перелистывать книжку.

Десять или двѣнадцать слѣдующихъ страницъ были наполнены цѣлымъ рядомъ кикихъ-то непонятныхъ замѣтокъ. Онѣ шли въ два столбца, на одномъ концѣ каждой строчки стояло число а на другомъ сумма денегъ, ни дать, ни взять какъ въ приходо-расходныхъ книгахъ. Но вмѣсто объясненій противъ каждаго числа стояли только кресты. Противъ числа 12 июня 1745 года стояло сумма въ 70,000 футовъ стерлинговъ (около 700,000 руб.), но значеніе этой суммы объяснялось только шестью крестами. Иногда стояло названіе мѣста, въ родѣ „недалеко отъ Каракаса“, или означеніе широты и долготы, какъ напримѣръ: „62⁰17⁰20⁰—19⁰2⁰40⁰“.

Эти счета обнимали собою огромный періодъ времени лѣтъ въ двадцать, причемъ внизу у каждой страницы былъ вписанъ итогъ. Итоги постоянно возрастали и въ концѣ послѣдняго итога былъ еще общій итогъ всѣмъ суммамъ, а въ самомъ низу стояла подпись: „Бунсъ. Его кладъ“.

— Ничего не понимаю, — сказалъ докторъ, окончивъ чтеніе.

— Что вы! Да это ясно какъ день! — вскричалъ сквайръ. — Неужели вы не видите, что это счетная книга злодѣя?.. Кресты — это имена ограбленныхъ шайкою городовъ или потопленныхъ кораблей. Денежныя суммы — это призы, доставшіеся на его долю. Когда онъ боялся спутаться, онъ прибавлялъ слова, какъ напримѣръ „около Каракаса“. Вѣроятно тутъ рѣчь идетъ о какомъ-нибудь ограбленномъ кораблѣ. Бѣдные тѣ, кто на немъ ѣхалъ!..

— Вы правы, сквайръ, — согласился докторъ. — Что значить попутешествовать! Сейчас догадались. И замѣтите: итоги растутъ по мѣрѣ усиленія шайки. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

Въ тетрадкѣ не оказалось больше ничего, кромѣ нѣсколькихъ мореходныхъ замѣтокъ и сравнительной таблицы монетъ различныхъ европейскихъ государствъ.

— Молодецъ! Свое дѣло зналъ! — воскликнулъ докторъ. — Злодѣю не хотѣлось переплачивать лишнее при размѣнѣ.

— Ну, теперъ давайте смотрѣть остальное, — напомнилъ сквайръ.

Остальное была бумага съ нѣсколькими сургучными печатами, запечатанными обыкновеннымъ швейнымъ наперсткомъ, быть можетъ тѣмъ самымъ, что я вытащилъ изъ кармана у покойнаго Бунса. Докторъ тщательно вскрылъ это подобіе конверта и вытащилъ самодѣльную карту какого-то острова съ обозначеніемъ широты, долготы, лотовыхъ измѣреній, удобныхъ пристаней, бухтъ и проливовъ, — однимъ словомъ самую подробную въ морскомъ отношеніи карту. Судя по масштабу, островъ должно быть имѣлъ миль девять въ длину и пять въ ширину. Формою своей онъ напоминалъ стоящаго на заднихъ лапахъ дракона, на берегу замѣтны были двѣ природныя гавани, а въ серединѣ холмъ, отмѣченный названіемъ *Далекій Видъ*. Съ виду карта была очень старинная, но на ней видѣлось нѣсколько помѣтокъ очевидно недавнихъ, какъ напримѣръ три сдѣланныхъ красными чернилами креста, одинъ на сѣверѣ острова, другой на югѣ, и рядомъ съ этой помѣткой другая, сдѣланная тоже красными чернилами, но болѣе изящнымъ почеркомъ, чѣмъ неуклюже-дѣтское маранье *капитана*: „Здѣсь главный кладъ“.

На оборотѣ той же рукою были начертаны дополнительныя указанія: *Большое дерево на ребрѣ „Далекаго Вида“; отъ N до N—N—E. Островъ Скелета E.—I.—E черезъ E.*

Десять футовъ.

Деньги въ сѣверной ямкѣ. Идти нужно Восточной долиной десять сажень къ югу отъ черной скалы.

Оружіе и припасы не трудно найти въ песокъ, пунктъ N сѣвернаго мыса.

Больше ничего не было. Но какъ ни кратки были эти указанія, однако они привели въ восторгъ и доктора, и сквайра. Я разумѣется ничего не понималъ и только удивлялся, чему они радуются.

— Лайвей!—вскричалъ мистеръ Трелонэ.—Завтра же бросайте свою жалкую медицину! Я не медля ѣду въ Бристоль и зафрахтовываю прелестный карабикъ съ отборнымъ экипажемъ... Мы возьмемъ юнгой Гоукинса... хорошій юнга у насъ будетъ... Вы, Лайвей, будете судовымъ врачомъ, а я.... я адмираломъ. Возьмемъ съ собой Редрута, Джойса, Гунтера... Вѣтеръ будетъ попутный... мы благополучно приплывемъ къ острову, гдѣ золото бери сколько хочешь, и вернемся назадъ богачами...

Такъ фантазировалъ сквайръ, а докторъ молчалъ и сидѣлъ насупившись.

— Вы забываете, Трелонэ, — произнесъ онъ вдругъ, — что это золото не наше и что оно добыто грабежомъ и убійствомъ...

— Правда, я объ этомъ не подумалъ, — вскричалъ съ обычной своей прямою сквайръ. — Но что же изъ этого! Не лежать же этому золоту на островѣ безъ всякой пользы, съ нимъ можно много добра сдѣлать.

Докторъ задумался, взвѣсивая возраженія сквайра.

— Да, это такъ, добра можно много сдѣлать, на землѣ столько гора!... Знаете, Трелонэ, что я вамъ предложу? Условимся такъ: будемъ смотрѣть на это золото какъ на обыкновенный кладъ старинныхъ монетъ и поступимъ съ нимъ по закону о кладахъ, то-есть одну половину отдадимъ въ казну его величества короля Георга, а другую, какъ нашедшіе, возьмемъ по праву себѣ. Хорошо такъ?

— Это... очень умно, — сказалъ мистеръ Трелонэ не безъ легкаго вздоха.

— Что касается до другой половины, то условимся, прежде чѣмъ приступить къ дѣлежу, пожертвовать изъ нея примѣрно третью долю на бѣдныхъ... На бѣдныхъ, Трелонэ, на больницы и пріюты...

— Вотъ это такъ, — вскричалъ сквайръ Трелонэ, — это мнѣ гораздо больше нравится, чѣмъ первое. Помогать бѣднымъ я никогда не прочь, а казна что?..

— Ну, такъ на этихъ условіяхъ я съ вами ѣду, — возразилъ докторъ, переставая хмуриться. — Я возьму Джима и надѣюсь, что мы оба разбогатѣемъ отъ этой экспедиціи... Сказать по правдѣ, есть тутъ одинъ человѣкъ, котораго я очень боюсь.

— Кого это? — спросилъ сквайръ. — Интересно бы знать.

— Васъ, — отвѣчалъ докторъ. — У васъ къ несчастью такой ужасный языкъ, вы совершенно не умѣете держать его на привизи, а между тѣмъ для успѣха нашего предпріятія необходима абсолютная тайна. Знайте, дорогой Трелонэ, что мы ставимъ на карту жизнь. Злодѣи, нападавшіе на гостиницу, тоже вѣроятно желаютъ отыскать кладъ и намъ необходимо сбить ихъ съ толку. До послѣдней минуты не нужно говорить рѣшительно никому о цѣли нашей поѣздки... и не только говорить, даже намекать никому не слѣдуетъ.

— Лайвей, — объявилъ торжественно сквайръ, — вы совершенно правы. Даю вамъ слово молчать какъ могила.

ГЛАВА IV.

Корабельный поварь.

Приготовленія къ отъѣзду заняли гораздо больше времени, чѣмъ разсчитывалъ сквайръ, уѣзжая въ Бристоль. Докторъ Лайвей, изъ боязни, чтобы я не проболтался, сначала хотѣлъ держать меня все это время у себя на глазахъ, но по необходимости оставилъ свое намѣреніе. Ему нужно было ѣхать въ Лондонъ отыскивать къкого-нибудь начинающаго врача, чтобы передать ему свою практику, и онъ не сталъ дожидаться возвращенія сквайра, который замѣшкался въ Бристоль среди хлопотъ о снаряженіи корабля. Я остался въ замкѣ съ старикомъ-доѣзжачимъ Редрутомъ и сидѣлъ почти подъ арестомъ, но не унывалъ а все время бредилъ путешествіями, приключеніями, страшными и вмѣстѣ чарующими пустынями. Цѣлыми днями я почти только и дѣлалъ, что изучалъ карту острова, которую запомнилъ до мельчайшихъ подробностей. Сидя у камина въ комнатѣ экономки, я мысленно причаливалъ къ острову у всѣхъ его береговъ, мысленно обходилъ его по всѣмъ направленіямъ, разъ двадцать взбирался на холмъ „Далекій Видъ“ и наслаждался чудной панорамой, открывшейся съ его вершины. То представлялись мнѣ на островѣ дикари, которыхъ мы разбивали и обращали въ бѣгство; то чудились мнѣ на немъ страшные звѣри, которые всюду гонялись за нами. Но всѣ эти мечты и грезы были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мнѣ впоследствии довелось вынести на яву, во время поѣздки за кладомъ стараго Флинта.

Проходили недѣли. Въ одинъ прекрасный день изъ Бристоля пришло письмо на имя доктора Лайвей съ такимъ примѣчаніемъ на конвертѣ:

„Въ случаѣ отсутствія адресата, пусть прочитаютъ письмо Томъ Редрутъ или молодой Гоукинсъ“.

Мы распечатали письмо и прочитали въ немъ или, вѣрнѣе, прочиталъ одинъ я (потому что доѣзжачій умѣлъ читать только по печатному), слѣдующія важныя новости:

„Бристоль, гостинница *Старый Якорь*, 1 марта 1761 г.

„Любезный Лайвей.

„Предполагая возможнымъ, что вы въ Лондонѣ, я посылаю свое письмо въ двухъ экземплярахъ и съ двумя адресами.

„Корабль снаряженъ, вооруженъ и готовъ къ отплытію. Прелестная шкуна по имени *Испаньола*, водоизмѣщеніемъ въ двѣсти тоннъ. Находку эту сосваталъ мнѣ мой пріятель Бландли, оказавшійся на этотъ разъ чрезвычайно услужливымъ господиномъ. Впрочемъ, со мной въ Бристоль всѣ очень любезны, особенно съ тѣхъ поръ какъ сдѣлалась извѣстною цѣль моего путешествія“.

— О, о!...—вскричалъ я, дочитавъ до этого мѣста.—Докторъ Лайвей будетъ очень недоволенъ. Сквайръ обѣщался ничего не говорить и все разболталъ.

— Вотъ еще!—проворчалъ доѣзжачій.—Захотѣлъ—и рассказалъ. Неужто же сквайру молчать изъ угожденія доктору Лайвей?

Я не сталъ спорить и продолжалъ чтеніе:

„Бландли самъ отыскалъ для меня *Испаньолу* и устроилъ такъ, что я получилъ ее почти даромъ. Это, разумѣется, не мѣшаетъ людямъ выдумывать Богъ знаетъ что. У Бландли много враговъ и нѣкоторые изъ нихъ даже позволяютъ себѣ говорить, будто *Испаньола* принадлежала ему самому, будто онъ содралъ съ меня нехристіанскую цѣну и тому подобныя враки. Разумѣется, на весь этотъ вздоръ я неизмѣнно отвѣчаю просьбою указать мнѣ другую шкуну, и такъ какъ никто сдѣлать этого не можетъ, то я утѣшаюсь вполнѣ.

„До сихъ поръ все шло какъ по маслу. Правда, нанятые мною рабочіе дьявольски долго тянули починку кое-какихъ поврежденных у шкуны, но теперь все это уже кончено. Съ чѣмъ мнѣ пришлось поплясать, такъ это съ наборомъ экипажа. Требовалось не меньше двадцати человѣкъ, такъ какъ на островѣ мы можемъ встрѣтиться съ дикарями, а на морѣ съ проклятыми французами,

и я чуть не плакалъ, съ трудомъ набравъ шесть матросовъ и не зная, гдѣ взять остальныхъ, какъ вдругъ счастливый случай свелъ меня съ однимъ подходящимъ человѣкомъ. Этотъ человѣкъ держитъ въ Бристолѣ гостиницу для матросовъ и потому знаетъ ихъ чуть не всѣхъ. Я узналъ, что онъ находитъ пребываніе на твердой землѣ вреднымъ для своего здоровья и ищетъ мѣста на какомъ-нибудь кораблѣ. Я познакомился съ нимъ, встрѣтивъ его гуляющимъ по берегу, чтобы подышать морскимъ воздухомъ, и былъ очень тронутъ его рассказомъ. Я поспѣшилъ пригласить его въ повара на *Испаньолу*; будь вы на моемъ мѣстѣ, вы сдѣлали бы то же самое. Его зовутъ Джономъ Сильверомъ и у него нѣтъ одной ноги. Последнее обстоятельство еще больше возвышаетъ его въ моихъ глазахъ, потому что ноги онъ лишился, сражаясь за родину, подъ командой знаменитаго Гока. И подумайте только, Лайвей: онъ не получаетъ никакой пенсіи!... Что за время мы переживаемъ!... Просто возмутительно, что у насъ дѣлается!

„Слушайте до конца. Я думалъ, что нашелъ только повара, а оказалось, что набралъ цѣлый экипажъ, Сильверъ помогъ мнѣ все устроить. Экипажъ великолѣпный: молодець къ молодцу, на подборъ опытные морскіе волки. Некрасивы, правда, — загорѣлые, грубые, — но молодцы. Сердце радуется, глядя на нихъ. Можете быть увѣрены, что эти удалыцы не испугаются даже фрегата.

„Джонъ Сильверъ совѣтывалъ мнѣ отпустить двоихъ, изъ нанятыхъ мною раньше, матросовъ, говоря, что они прѣсноводные и для моря не годятся, а будутъ намъ только мѣшать. Я, разумѣется, послушался и сдѣлалъ такъ, какъ онъ мнѣ сказалъ:

„Я нахожусь въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, сплю какъ сурокъ, ѣмъ какъ акула, а впрочемъ съ нетерпѣніемъ жду, скоро ли мы выйдемъ въ море... Въ море!... Только бы въ море!... Не столько даже кладъ меня тянетъ, какъ собственно плаванье... Чудо!... Прелесть!... Докторъ, докторъ, пріѣзжайте скорѣе въ Бристоль, если хоть немного меня любите!

„Вашъ Джонъ Трелонъ“.

„P. S. Ахъ, забылъ: Бландли, въ августѣ, выплетъ корабль искать насъ, если мы къ тому времени не вернемся или не дадимъ о себѣ вѣстей. Такъ мы уговорились. Джонъ Сильверъ рекомендовалъ мнѣ весьма способнаго офицера на должность подкипера. Офицера зовутъ мистеръ Арро. Нашъ будущій боцманъ мастеръ

играть на рожкѣ. Вотъ увидите, дорогой докторъ, на *Испаньолъ* все будетъ, какъ на военномъ кораблѣ.

„Надо вамъ также сказать, что Джонъ Сильверъ человекъ солидный. Я навѣрное знаю, что у него есть текущій счетъ съ одной банкирской конторой. Онъ женатъ, и его жена, пока онъ ѣздитъ, будетъ завѣдывать гостинницей. Дама эта цвѣтной масти и вы легко можете догадаться, что не одна забота о здоровьи побуждаетъ Джона Сильвера тряхнуть стариной и пуститься въ море.

„Дж. Т.“

„P.P.S.S. Гоукнса отпустите къ матери, съ позволеніемъ ночевать у нея одну ночь“.

Можете себѣ представить, въ какое пришелъ я возбужденіе, когда прочелъ это письмо. Отъ радости я не помнилъ себя. За то старикъ Редрутъ ворчалъ и жаловался на судьбу. Я увѣренъ, что другіе доѣзжачіе охотно помѣнялись бы мѣстомъ съ Редрутомъ, но сквайръ рѣшилъ такъ, а его слово было закономъ. Никто, кромѣ самого Редрута, не смѣлъ ему противорѣчить.

На другой день утромъ мы отправились въ гостинницу *Адмиралъ Бенбо* и я нашелъ матушку въ добромъ здоровьи и въ веселомъ расположеніи духа. Мучившій ее *капитанъ* переселился въ тѣ края, гдѣ злые безсильны дѣлать зло, и горизонтъ ея жизни прояснился. Сквайръ велѣлъ починить нашъ домъ и заново подрисовать и подкрасить нашу вивѣску. Онъ прислалъ также нѣсколько мебели и между прочимъ хорошее, покойное кресло, на которомъ матушка засѣдала теперь въ буфетѣ. Въ помощь ей и на замѣну мнѣ, сквайръ позаботился подыскать мальчика, котораго отдали матушкѣ для обученія трактирному дѣлу. Все было устроено такъ, чтобы наши дѣла не пострадали въ мое отсутствіе.

Мнѣ было ужасно тяжело, что чужой будетъ на моемъ мѣстѣ, около матушки. Видѣ неловкаго мальчика, дѣлавшаго поминутно промахъ за промахомъ, раздражалъ меня чрезвычайно и я все время, пока былъ дома, придирался къ моему замѣстителю.

Переночевавъ у матушки, мы съ Редрутомъ пошли на другой день послѣ обѣда назадъ въ замокъ. Я нѣжно простился съ матушкой и дорогой нѣсколько разъ оборачивался, чтобы взглянуть на гостинницу, новая вивѣска которой такъ и лоснилась на солнце свѣжими красками.

Вечеромъ мы сѣли въ дилижансъ и поѣхали въ Бристоль. Мнѣ пришлось сидѣть на имперіалѣ, между Редрутомъ и какимъ-то

... «Капитанъ схватилъ меня пребольно за ухо»... (Стр. 64).

толстымъ господиномъ. Несмотря на холодъ, ѣзда укачала меня и я скорехонько заснулъ. Я проспалъ все станціи и проснулся не прежде, чѣмъ Редрутъ энергично растолкалъ мнѣ бока. Протеревъ глаза, я увидаль, что мы ѣдимъ по широкой улицѣ мимо такихъ высокихъ и богатыхъ домовъ, какихъ мнѣ еще ни разу не приходилось видѣть. Было совсѣмъ свѣтло.

— Гдѣ это мы?—спросилъ я.

— Въ Бристолѣ,—отвѣчали мнѣ.

Дилижансъ остановился и мы сошли.

Гостинница, гдѣ стоялъ мистеръ Трелонэ, находилась на самой пристани. Мы, разумѣется, прежде всего, отправились посмотрѣть на корабли, которыхъ было видимо-невидимо. Я все время таращилъ глаза, съ гордостью помышляя о томъ, какъ я поѣду въ далекое плаванье на настоящемъ кораблѣ и съ настоящими матросами. Позѣвавъ на пристани, мы пошли въ гостинницу, у дверей которой встрѣтились съ мистеромъ Трелонэ. Сквайръ успѣлъ облечься въ какой-то синій суконный сюртукъ съ галунами, въ родѣ офицерскихъ, и я замѣтилъ, что онъ сталъ ходить въ раскачку, подражая морякамъ. Увидавъ насъ, онъ вскричалъ съ веселой улыбкой:

— Наконецъ-то!... А докторъ еще вчера пріѣхалъ. Теперь мы все въ сборѣ.

— О, сэръ!—спросилъ я.—Скоро ли мы отправимся?

— Завтра,—отвѣчалъ сквайръ.

Послѣ завтрака мистеръ Трелонэ послалъ меня съ порученіемъ къ Джону Сильверу, въ гостинницу *Далекій Видъ*. Безъ труда отыскавъ послѣднюю, я вошелъ въ залу, наполненную табачнымъ дымомъ. Публики было много, всего больше матросовъ. Они говорили громко и въ комнатѣ стоялъ такой шумъ, что я невольно остановился у входа. Изъ противоположной двери вышелъ Джонъ Сильверъ, котораго я сейчасъ же узналъ, потому что лѣвая нога у него была отнята до колѣна. Онъ опирался на костыль, которымъ дѣйствовалъ замѣчательно ловко. Онъ былъ высокъ ростомъ и хорошо сложенъ, лицо имѣлъ широкое, точно юркширскій окорокъ, и некрасивое, но умное и довольно пріятное. Вообще онъ держалъ себя добродушнымъ весельчакомъ, напѣвалъ, насвистывалъ и постоянно шутилъ.

Признаться, наружность Сильвера меня немного смутила. При первомъ взглядѣ на него, мнѣ сейчасъ же представился *одноногий*

морякъ, котораго я дожидался въ гостинницѣ *Адмираль Бенбо*. Впрочемъ я скоро успокоился. Я видѣлъ Пью, видѣлъ Чернаго Пса, видѣлъ капитана и имѣлъ понятіе о пиратахъ. Джонъ Сильверъ былъ, какъ мнѣ показалось, совершенно на нихъ не похожъ.

Я подошелъ къ Сильверу и подалъ ему письмо сквайра, говоря:

— Вы мистеръ Сильверъ, сэръ?

— Да, мальчикъ, я мистеръ Сильверъ. А вы кто такой?

Увидавъ почеркъ сквайра, онъ сейчасъ же воскликнулъ:

— А, знаю! Вы нашъ новый юнга! Радъ, очень радъ познакомиться.

Онъ горячо пожалъ мнѣ руку. Въ ту же самую минуту одинъ изъ посѣтителей стремительно всталъ и кинулся въ двери. Онъ выбѣжалъ вонъ очень скоро, но поспѣшность, съ которою онъ скрылся, обратила на него мое вниманіе и я сейчасъ же узналъ въ немъ одного изъ злодѣевъ, нападавшихъ на гостинницу *Адмираль Бенбо*.

— Стойте! Держите!...—вскричалъ я.—Это Черный Песъ!

— Не въ томъ дѣло, — возразилъ Джонъ Сильверъ, — но онъ ушелъ, не заплативши, вотъ что не хорошо... Гарри, бѣги догони его!

Одинъ изъ людей, сидѣвшихъ возлѣ двери, пустился въ погоню за бѣглецомъ.

— Будь это самъ адмираль Гогъ, я и тому не спустилъ бы подобной выходки,—проговорилъ Джонъ Сильверъ.—Какъ вы назвали этого негодяя, дитя мое? Псомъ кажется?...

— Его зовутъ Черный Песъ. Сквайръ Трелонэ вѣроятно вамъ рассказывалъ о пиратахъ...

— Да, знаю, знаю... Какая дерзость!... Смѣлъ явиться ко мнѣ въ гостинницу!... Ну, да Гарри его навѣрное поймаетъ.

Такъ говоря, онъ расхаживалъ со мной по залѣ, ловко управляя своимъ костылемъ. Встрѣтивъ Чернаго Пса въ гостинницѣ Сильвера, я снова почувствовалъ подозрѣніе къ нашему будущему повару и сталъ внимательно за нимъ слѣдить. Но онъ былъ слишкомъ хитеръ, чтобы выдать себя, а я былъ слишкомъ молодъ, чтобы понять, что онъ притворяется. Онъ ходилъ и все время увѣрялъ, какъ ему будетъ пріятно, когда злодѣя поймаютъ, и какъ онъ самъ передастъ его въ руки правосудія. Черезъ нѣсколько времени вернулся человекъ, посланный въ погоню за Чернымъ Псомъ, и сказалъ, что бѣглеца никакъ нельзя было поймать.

— О, чортъ возьми! — вскричалъ Джонъ Сильверъ. — И мои деньги пропали... какъ жаль! Впрочемъ, оставимъ это. Долгъ прежде всего. Нужно идти къ сквайру и доложить ему обо всемъ. Ахъ, Черный Песъ,—такъ кажется вы его назвали?—Ахъ, негодий! Ловко надулъ меня. Никогда себѣ этого не прощу... И какого знатнаго стрекача онъ задалъ! Просто и смѣхъ, и грѣхъ.

Дорогой, проходя со мной по пристани, онъ называлъ мнѣ всѣ корабли, о которыхъ я спрашивалъ, объяснялъ значеніе разныхъ снастей, и я не замѣтилъ, какъ мы дошли до нашей гостинницы.

Сквайръ и докторъ сидѣли въ столовой, собираясь распить вдвоемъ добрую кварту эля. Джонъ Сильверъ разсказалъ происшествіе съ Чернымъ Псомъ, постоянно ссылаясь на меня, какъ на очевидца.

— Вѣдь такъ это было, Гоукинсъ?—спрашивалъ онъ то и дѣло.

Я подтверждалъ, что такъ, потому что разсказъ дѣйствительно былъ точный и вѣрный. Оба джентльмена искренно пожалѣли, что Черному Псу удалось улизнуть. Однако потужили, потужили, да такъ и оставили. Дѣлать было нечего. Получивъ благодарность отъ сквайра за распорядительность, Джонъ Сильверъ взялъ костыль, раскланялся и ушелъ.

— Не забудьте: въ четыре часа всѣ должны быть на борту!—крикнулъ ему вслѣдъ сквайръ Трелонэ.

— Слушаю, сэръ!—отозвался поваръ.

— Говоря откровенно, сквайръ, — замѣтилъ докторъ по уходѣ Сильвера, — ваши находки мнѣ вообще что-то не нравятся, но этотъ человѣкъ внушаетъ довѣріе даже и мнѣ.

— Я вѣдь говорю вамъ, что это настоящій перлъ!

— Сходимте-ка еще разъ взглянуть на шкуну, все ли тамъ въ порядкѣ. Гоукинса, я думаю, тоже можно взять съ собою?

— Конечно,—отвѣчалъ сквайръ.—Надѣнь шляпу, мальчигъ, и пойдемъ съ нами.

Мы вышли на пристань, сѣли въ шлюпку и поѣхали на *Испаньолу*, которая стояла недалеко отъ берега. На палубѣ насъ встрѣтилъ подкиперъ мистеръ Арро, загорѣлый морякъ съ непріятно-косыми глазами и съ серьгами въ ушахъ. Онъ почтительно приложилъ руку къ шляпѣ. Сквайръ и онъ уже успѣли сдѣлаться друзьями, но я скоро замѣтилъ, что нельзя было того же сказать объ отношеніяхъ сквайра къ капитану. Послѣдній былъ человѣкъ въ высшей степени самоувѣреннаго вида, вѣчно раздражавшійся

и ничѣмъ недовольный на кораблѣ. Причина этого раздраженія и недовольства скоро объяснилась. Едва мы сошли въ маленькую гостинную, какъ за нами пришелъ матросъ и доложилъ:

— Капитанъ Смоллетъ желаетъ имѣть честь поговорить съ мистеромъ Трелонэ.

— Милости просимъ капитана пожаловать сюда, — отвѣчалъ сквайръ.

Капитанъ немедленно явился и первымъ дѣломъ старательно заперъ за собою дверь.

— Что скажете хорошенькаго, капитанъ? — обратился къ нему сквайръ. — Надѣюсь, все обстоитъ благополучно и нѣтъ препятствій къ отъѣзду?

— Я думаю, сэръ, вы противъ откровеннаго разговора ничего не имѣете?—прямо приступилъ капитанъ къ дѣли своего прихода.— Въ такомъ случаѣ я долженъ вамъ сказать, что мнѣ эта экспедиція очень не нравится. Экипажъ мнѣ подозрителенъ, а помощникъ, котораго вы мнѣ назначили, на мой взглядъ совершенно ненадежный человѣкъ. Надѣюсь, я высказался ясно?

— Быть можетъ вамъ и сама шкуна тоже не нравится, сэръ?—возразилъ сквайръ тономъ человѣка, начинающаго сердиться.

— Про шкуну я ничего не могу сказать, я на ней еще не плавалъ,—сказалъ капитанъ.—Повидимому она построена хорошо и слушается руля; вотъ все, что я покуда замѣтилъ.

— Такъ можетъ быть вамъ не нравится хозяинъ шкуны?—снова спросилъ сквайръ съ прежнею ѣдкостью.

Тутъ вмѣшался докторъ Лайвей.

— Зачѣмъ, господа, припутывать личности къ дѣловому разговору?—сказалъ онъ.—По моему, капитанъ сказалъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Пусть онъ объяснится хорошенько. Вы сказали, капитанъ, что вамъ не нравится экспедиція. Позвольте узнать, почему?

— Вотъ почему, сэръ. Я принялъ такъ называемое запечатанное порученіе, то-есть уговорился командовать кораблемъ, обязуясь вести его туда, куда прикажетъ джентльменъ, которому корабль принадлежитъ. Прекрасно. Вдругъ что же? Приѣзжаю я на корабль и вижу, что команда моя знаетъ о дѣли [путешествія] больше меня самого. Справедливо это по вашему или нѣтъ?

— Конечно несправедливо,—согласился докторъ.—Нельзя противъ этого спорить.

— Затѣмъ, — продолжалъ капитанъ, — я узнаю, что мы ѣдемъ отыскивать какой-то кладъ. Замѣйте: я узнаю это отъ матросовъ... Экспедиція за кладами вообще не моя специальность, притомъ же и дѣло это очень рискованное. Тѣмъ болѣе, если секретъ подобной экспедиціи извѣстенъ всѣмъ и каждому, даже попугаймъ...

— Это вы намекаете на попугая, принадлежащаго Джону Сильверу? — иронически спросилъ сквайръ.

— Я говорю безъ всякаго личнаго намека, — возразилъ капитанъ. — Я только убѣжденъ, что никто изъ васъ не подозрѣваетъ опасности, на которую вы оба идете съ легкимъ сердцемъ... Хотите, я буду совершенно откровененъ? Ну, вотъ: вы просто на просто идете на смерть.

— Это дѣйствительно очень ясно, — отвѣчалъ докторъ. — Но мы вѣдь и сами это знаемъ, капитанъ. Безъ риска нельзя же... Но перейдемъ ко второму пункту: вы недовольны экипажемъ. Развѣ матросы наши такъ дурны?

— Они на мой взглядъ не годятся, не нравятся мнѣ, вотъ и все... Не говоря уже о томъ, что наборъ экипажа слѣдовало бы поручить мнѣ...

— Разумѣется, мистеръ Трелонэ сдѣлалъ бы лучше, еслибы посоветывался съ вами, — согласился докторъ, — но это было упущено безъ намѣренія, могу васъ увѣрить... Вамъ и помощникъ вашъ, мистеръ Арро, тоже не нравятся?

— Не нравится, сэръ. Дѣло свое онъ кажется знаетъ, но онъ слишкомъ фамильяренъ съ матросами. Подкиперъ долженъ держать себя сообразно съ званіемъ и не пить запросто съ своими подчиненными.

— Развѣ онъ пьяница? — удивился сквайръ.

— Кто говоритъ, что пьяница? Я только говорю, что онъ за панибрата съ матросами.

— Подведемъ же итогъ вашимъ требованіямъ, капитанъ, — сказалъ докторъ. — Чего вы собственно желаете?

— Джентльмены, вы рѣшительно намѣрены ѣхать?

— Безповоротно! — вскричалъ сквайръ.

— Такъ позвольте дать вамъ совѣтъ. Порохъ собираются нагрузить въ носовую часть; почему не сдѣлать арсенала въ кормовой части, подъ гостиной? Тамъ много свободнаго мѣста... Это одно. Второе: при васъ есть четыре вполне надежныхъ человѣка,

а вы хотите помѣстить ихъ въ одной каютѣ съ матросами. Почему не позволить имъ спать на свободныхъ диванахъ въ гостиной?

— Еще что скажете, сэръ?—спросилъ сквайръ Трелонэ.

— Только одно, — отвѣчалъ капитанъ, — а то мы и такъ ужъ много говорили.

— Слишкомъ даже много, — замѣтилъ докторъ.

— Повторяю вамъ оиать, что слышалъ отъ другихъ, — продолжалъ капитанъ Смоллетъ. — Кажется у васъ есть карта какого-то острова и на этой картѣ красными крестами отмѣчены мѣста, гдѣ спрятаны деньги, а островъ находится подъ такой-то широтой и такой-то долготой...

— Я не говорилъ этого ни одному человѣку! — вскричалъ сквайръ.

— А между тѣмъ, сэръ, оно извѣстно всему экипажу, — возразилъ капитанъ.

— Лайвей, это либо вы, либо Гоукинсъ, — протестовалъ сквайръ.

— Ну, да это не важно, кто бы ни сказалъ, — отвѣчалъ докторъ.

Я видѣлъ, что ни онъ, ни капитанъ не повѣрили заявленію сквайра. Очень ужъ онъ былъ болтливъ! Но мнѣ почему-то казалось, что на этотъ разъ сквайръ тутъ не при чемъ, что тайна узналась помимо его болтливости.

— Повторяю, господа, — продолжалъ капитанъ, — что мнѣ неизвѣстно, существуетъ ли эта карта и у кого она въ рукахъ, но я формально требую, чтобы ее не сообщали ни мнѣ, ни мистеру Арро. Иначе я долженъ буду подать въ отставку...

— Понимаю, чего вы желаете, — сказалъ докторъ. — Вы хотите сложить съ себя всякую отвѣтственность и требуете, чтобы мы изъ кормовой части судна сдѣлали цитадель съ гарнизономъ изъ слугъ мистера Трелонэ и съ правомъ исключительнаго пользованія арсеналомъ... Другими словами, вы опасаетесь бунта.

— Сэръ, — возразилъ капитанъ, — я не сержусь на васъ, но все-таки прошу не приписывать мнѣ того, чего я не говорилъ. Развѣ капитанъ имѣетъ право выйти въ море, если опасается чего-нибудь подобнаго? Я увѣренъ, что мистеръ Арро честный человѣкъ. На одну часть матросовъ я тоже полагаюсь, а объ остальныхъ, которыхъ не знаю, не имѣю права дѣлать дурныхъ предположеній. Но вѣдь я отвѣчаю за корабль и за жизнь всѣхъ безъ исключенія, кто на немъ находится. Я нахожу, что на кораблѣ многое не ладно, и прошу принять кое-какія мѣры предосторожности, иначе считаю долгомъ отказаться отъ мѣста, вотъ и все.

— Капитанъ Смоллетъ, — засмѣялся докторъ, — помните басню о томъ, какъ гора родила мышь?.. Ни дать, ни взять какъ вы теперь... Сознайтесь, что, входя сюда, вы готовились не къ такому окончанію бесѣды?

— Правда, сэръ, — отвѣчалъ капитанъ, — я готовился къ полному разрыву, потому что не разсчитывалъ, что сквайръ согласится терпѣливо меня выслушать.

— И не сталъ бы слушать, еслибы не докторъ Лайвей, — сказалъ сквайръ. — Но теперь я васъ выслушалъ и сдѣлаю по вашему. Только не думайте: мое довѣріе къ вамъ нисколько черезъ это не увеличилось.

— Это какъ вамъ будетъ угодно, сэръ, — сказалъ капитанъ. — Я исполнилъ свой долгъ и достаточно.

Съ этими словами онъ простился и вышелъ.

— Трелонэ, — сказалъ докторъ, давъ капитану уйти, — вы превзошли всѣ мои ожиданія. Вы наняли двухъ честныхъ людей: Смоллета и Джона Сильвера.

— Относительно Джона Сильвера я съ вами согласенъ, — возразилъ сквайръ, — но этотъ капитанъ по моему просто несносенъ и его поведеніе недостойно англійскаго моряка.

— Увидимъ, — сказалъ докторъ, — увидимъ.

Мы вышли на палубу. Матросы подъ руководствомъ капитана уже принялись за перестановку, вытребованную послѣднимъ у сквайра. Мистеръ Арро видимо одобрялъ это распоряженіе. Быть можетъ онъ тоже нѣсколько сомнѣвался въ благонадежности нашего экипажа? Это осталось неизвѣстнымъ, потому что вскорѣ мы лишились его просвѣщенныхъ услугъ.

Въ самый разгаръ хлопотъ къ шкунѣ подлѣхала шлюпка, въ которой сидѣли два или три матроса и Джонъ Сильверъ. Поваръ вбѣжалъ по трапу съ замѣчательною для большаго ловкостью. Увидавъ суету, онъ чрезвычайно удивился и спросилъ:

— Эй, ребята! Что это вы дѣлаете?

— Порохъ въ другое мѣсто переносимъ, — отвѣчалъ одинъ изъ матросовъ.

— Чортъ возьми!.. Этакъ мы пропустимъ отливъ, — вскричалъ Джонъ Сильверъ.

— Я здѣсь начальникъ, — оборвалъ его капитанъ. — Ступайте лучше къ печкѣ, почтенный, и не мѣшайтесь не въ свое дѣло. Матросамъ не худо бы закусь.

— Иду, капитанъ, иду,—отвѣчалъ поваръ, дергая себя за прядь волосъ вмѣсто поклона и направляясь къ лѣстницѣ.

— Онъ человѣкъ хорошій, капитанъ,—замѣтилъ докторъ.

— Очень пріятно,—отвѣчалъ Смолетъ.— Легче, легче, ребята,—отнесся онъ къ матросамъ, таскавшимъ пороховыя бочки.

Я въ это время стоялъ около одной изъ двухъ пушекъ, которыми была вооружена наша шкуна, и съ любопытствомъ разсматривалъ ихъ. Вдругъ капитанъ увидалъ меня, подошелъ и отвелъ за ухо въ сторону, прикрикнувъ:

— Эй, юнга! Дѣла развѣ у тебя нѣтъ, что ты здѣсь воронъ считаешь? Прочь отсюда! Ступай на кухню и спроси себѣ работу...

Я стрѣлою пустился прочь отъ капитана, но успѣлъ разслышать, какъ суровый начальникъ сказалъ мнѣ вслѣдъ, обращаясь къ доктору Лайвей:

— У себя на кораблѣ я не допускаю любимцевъ!

Я въ душѣ согласился съ сквайромъ, что капитанъ Смолетъ препротивный человѣкъ, и возненавидѣлъ его отъ всего сердца.

ГЛАВА V.

П л а в а н і е.

Ночь прошла въ хлопотахъ по приведенію всего въ порядокъ. Къ шкунѣ поминутно подъѣзжали лодки, привозившія пріятелей сквайра. Въ числѣ множества гостей былъ и мистеръ Бландли, пріѣхавшій пожелать своему другу счастливаго пути и благополучнаго возвращенія. Мнѣ то и дѣло приходилось откупоривать бутылки и полоскать стаканы. Я не помню, чтобы у меня было когда-нибудь столько дѣла въ гостиницѣ *Адмиралъ Бенбо*. Ни разу въ жизни я такъ не уставалъ.

На разсвѣтѣ боцманъ затрубилъ въ рожокъ и матросы взялись за шпиль. Будь я утомленъ во сто разъ больше, я и тогда бы не согласился уйти съ палубы ни за что на свѣтѣ. Все здѣсь для меня было ново, все занимало меня: и отрывистыя слова команды и рѣзкіе звуки свистка, и толкотня людей, старавшихся протѣсниться поближе къ фонарямъ, и суета въ носу корабля, гдѣ люди копошились въ темнотѣ точно тѣни,—однимъ словомъ вся корабельная обстановка.

— Джонъ, спой намъ что-нибудь!—крикнулъ чей-то голосъ.

— Ту, знаешь, старую!—сказалъ еще чей-то.

— Радъ стараться, братцы!—отвѣчалъ Джонъ Сильверъ, который стоялъ тутъ же, опираясь на костыль.

Онъ запѣлъ хорошо знакомую мнѣ пѣсню,—любимый мотивъ покойнаго *капитана*:

Было насъ, матросиковъ, пятнадцать человекъ,

Пятнадцать матросовъ, морскихъ волковъ,

Морскихъ волковъ, удалыхъ молодцовъ...

Весь экипажъ подхватилъ оглушительнымъ хоромъ:

Ю-го-го! Ю-го-го!

Захотѣлось намъ, матросамъ, бутылочку распить...

И подѣ этотъ громкій и стройный пригѣвъ якорный канатъ началъ ровно и медленно навиваться, уступая дружнымъ усиліямъ матросовъ.

Несмотря на то, что любопытство мое было напряжено до послѣдней крайности, звуки этой пѣсни невольно заставили меня перенестись мыслью въ нашу убогую гостиницу. Среди хора незнакомыхъ голосовъ мнѣ показалось, что я слышу голосъ *капитана*. Но вотъ якорь поднялся изъ воды и повисъ подлѣ форштевня шкуны; паруса начали надуваться; вотъ берегъ и сосѣдніе корабли въ гавани какъ будто побѣжали отъ насъ. Когда я наконецъ сошелъ въ каюту и, не помня себя отъ усталости, бросился на койку, *Испаньола* была уже въ открытомъ морѣ и на всѣхъ парусахъ летѣла къ Острову Сокровищъ.

Не стану подробно описывать нашего плаванія. Оно было довольно благополучно. Шкуна ходила подѣ парусами превосходно, матросы были люди опытные, а капитанъ зналъ свое дѣло великолѣпно. Поэтому я отмѣчу лишь два или три крупныхъ событія, случившихся у насъ на кораблѣ до прибытія къ острову.

Прежде всего мистеръ Арро въ совершенствѣ оправдалъ приговоръ о немъ капитана Смоллета. Онъ не имѣлъ ровно никакого вліянія на экипажъ и матросы дѣлали съ нимъ что хотѣли. Это бы еще ничего, но дѣло въ томъ, что не успѣли мы выйти въ море, какъ онъ сталъ показываться на палубѣ въ совершенно пьяномъ образѣ, съ мутными глазами, краснымъ лицомъ, заплетающимся языкомъ и неровной походкой. Лишь временами на него находили свѣтлыя минуты, когда онъ бросалъ пить и дня два ходилъ трезвый, довольно сносно исполняя свои обязанности.

Мы никакъ не могли понять, откуда онъ беретъ водку. Это была корабельная тайна. За нимъ слѣдили, допытывались и все-таки ничего не узнали. Когда объ этомъ спрашивали его самого, то онъ или посмѣивался себѣ въ усы, — если былъ пьянъ, или торжественно завѣрялъ, что не беретъ въ ротъ ни капли, — если былъ трезвъ.

Онъ не только не приносилъ никакой пользы какъ офицеръ, но прямо вредилъ дѣлу тѣмъ, что развращалъ своимъ примѣромъ

экипажъ. Наконецъ, будучи постоянно пьянъ, онъ могъ каждую минуту упасть какъ-нибудь и убитъ до смерти, что дѣйствительно вскорѣ и случилось. Въ одну темную ночь его хватились во время довольно сильной качки и нигдѣ не нашли. Никто не удивился и никто не опечалился. Что съ нимъ сдѣлалось, мы такъ никогда и не узнали.

— Должно быть онъ упалъ въ море,—сказалъ капитанъ.—Это избавляетъ меня отъ необходимости посадить его на цѣпь, такъ какъ я серьезно собирался это сдѣлать.

Мы остались безъ подкипера, и потому пришлось дать повышение одному изъ матросовъ. Исправленіе подкиперскихъ обязанностей поручили боцману Джону Андерсону, впрочемъ безъ присвоенія ему соотвѣтственнаго званія. Мистеръ Трелонэ много путешествовалъ, имѣлъ кое-какія свѣдѣнія по морскому дѣлу и могъ въ случаѣ надобности брать на себя вахту; этимъ онъ бывалъ намъ часто очень полезенъ. Наконецъ младшій боцманъ нашъ Израиль Гандсъ былъ опытный старый морякъ и, въ случаѣ нужды, на него тоже можно было положиться.

Онъ былъ большой пріятель съ Джономъ Сильверомъ и это обстоятельство побуждаетъ меня сказать о нашемъ поварѣ нѣсколько словъ.

Чтобы имѣть свободными обѣ руки, Джонъ Сильверъ привязалъ свой костыль ремнемъ къ шеѣ и во время работы замѣчательно ловко опирался на него, не употребляя въ дѣло рукъ. Онъ ни разу не упалъ за все время плаванія и исполнялъ свои обязанности на шкунѣ такъ же успѣшно, какъ еслибъ это было на твердой землѣ. Но всего любопытнѣе было смотрѣть на него во время качки. Для него нарочно протянули вдоль бортовъ веревки и онъ нерѣдко ходилъ по кораблю, цѣпляясь только за нихъ и не пользуясь костылемъ, который праздно болтался у него на шеѣ, но ходилъ всегда такъ скоро, какъ ни одинъ матросъ. Тѣмъ не менѣе матросы, плававшіе съ нимъ прежде, глубоко сожалѣли о его несчастіи.

— Джонъ замѣчательный человѣкъ,—сказалъ мнѣ разъ Израиль Гандсъ.—Онъ въ молодости получилъ хорошее образованіе и, когда захочетъ, умѣетъ говорить какъ книга. И какой онъ храбрый при этомъ! Настоящій левъ. Разъ при мнѣ на него, безоружнаго, напали четверо... Такъ что-жъ бы вы думали? Взялъ онъ ихъ, стукнулъ головами другъ о друга и разбилъ имъ башки...

Всѣ матросы очень уважали его и даже слушались. Онъ умѣлъ каждому угодить какой-нибудь мелкой услугой. Ко мнѣ онъ относился прекрасно и всегда бывалъ мнѣ радъ, когда я приходилъ въ камбузь *), гдѣ у него вся посуда сіяла чистотой и висѣла клѣтка съ попугаемъ.

— А, Гоукинсъ, милости просимъ,—скажетъ онъ мнѣ бывало.— Пожалуйте сюда, пожалуйста, побесѣдуйте съ старымъ Джономъ Сильверомъ. Вы всегда пріятный для меня гость... Вы такой умный мальчикъ, гораздо умнѣ своихъ лѣтъ... Вотъ мой капитанъ Флинтъ... Я, знаете, окрестилъ своего попку именемъ этого знаменитаго пирата... Послушаемъ, что онъ намъ скажетъ. Кажется, онъ все пророчить намъ благополучное путешествіе... Неправда ли, капитанъ?

— Червонцы!.. Червонцы!.. Червонцы!—пронзительно закричить всякій разъ попугай и такъ бывало надоѣсть, заладивъ одно и то же, что Джонъ Сильверъ наброситъ на клѣтку платокъ, чтобы унять крикуна.

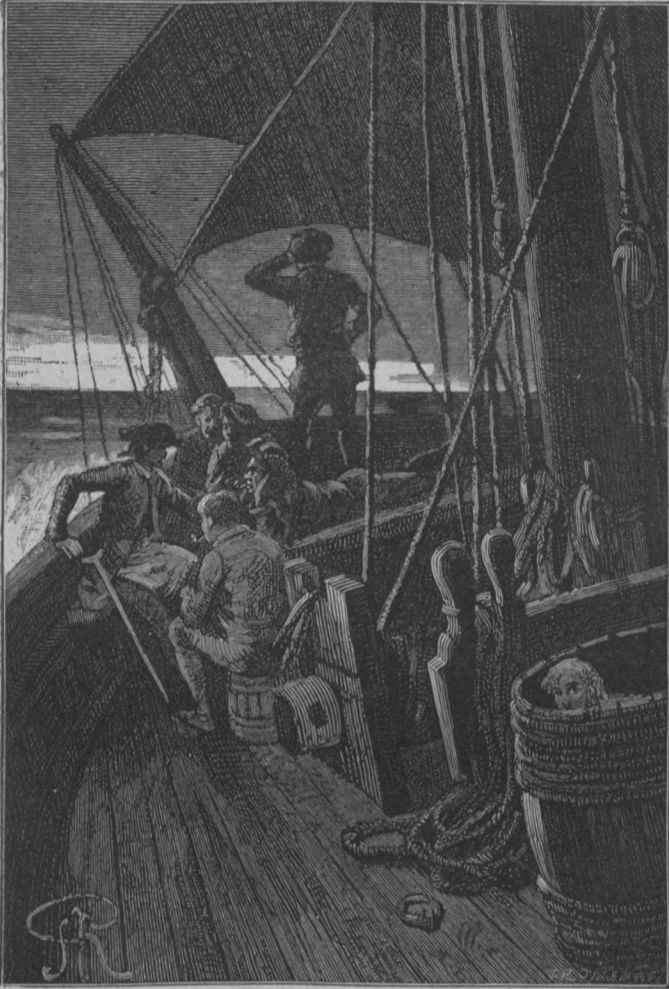
— Знаете сколько лѣтъ этой птицѣ? Лѣтъ двѣсти, я думаю, если не больше; попугай ужасно живучи. Ни одинъ человѣкъ не видалъ въ жизни такъ много разныхъ событій, какъ этотъ попка. Представьте только себѣ, что онъ плавалъ съ Инглэндомъ, знаменитымъ пиратомъ, капитаномъ Инглэндомъ! Онъ побывалъ и на Мадагаскарѣ, и на Малабарѣ, и въ Суринамѣ, и въ Порто-Белло. Онъ присутствовалъ при поднятіи со дна бухты Виго затопленных испанскихъ галіотовъ. Тамъ онъ и выучился кричать: „червонцы!... червонцы!“ И немудрено: ихъ тамъ выловили изъ воды цѣлыхъ триста пятьдесятъ тысячъ... Такъ-то, милый мой Гоукинсъ. Онъ былъ при abordажѣ фрегата *Вице-король Индіи* въ водахъ Гоа. А вѣдь посмотрѣть на него: попка, маленький, невзрачный. Нельзя подумать, что онъ такой старикъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ понюхали пороху, товарищи въ нѣкоторомъ родѣ; вѣдь такъ, капитанъ?

— Смиррно!.. На abordажъ!—трещить попугай.

— Ахъ, ты, мой матросикъ!—говорить Джонъ Сильверъ, поднося къ клѣткѣ кусокъ сахара.

Попугай начинаетъ биться и царапаться въ клѣткѣ, ругаясь какъ извощикъ.

*) Корабельная кухня.

...«Притаившись въ бочкѣ, я подслушалъ рѣчи матросовъ»...
(Стр. 72).

— Каковъ разбойникъ!—съ сокрушеніемъ отзовется бывало на эту выходку Джонъ Сильверъ и продолжаетъ:—Да, милый мой Гоукинсъ, возлѣ сажи всегда замараешься. Съ кѣмъ поведешься, такой и будешь. Мой бѣдный попка бывалъ въ ужасной компаніи и дурное знакомство оставило на немъ слѣдъ. Но онъ разумѣется, самъ не понимаетъ, какіе гадости онъ говоритъ. Именно потому его ужъ и не отучишь.

Скажетъ это бывало Джонъ Сильверъ и съ самымъ торжественнымъ видомъ проведетъ рукою по своей косѣ, а я-то умиляюсь и думаю: „вотъ какой добродѣтельный человѣкъ“.

Между тѣмъ сквайръ и капитанъ Смолетъ были другъ съ! другомъ попрежнему въ холодныхъ отношеніяхъ. Сквайръ не скрывалъ своего мнѣнія и неуважительно отзывался объ умѣ и храбрости капитана. Послѣдній, съ своей стороны, тоже держалъ себя сухо и никогда не заговаривалъ первый, а лишь отвѣчалъ на вопросы, да и то неохотно, отрывисто, безъ лишнихъ словъ. Когда его приперли однажды къ стѣнѣ, онъ признался, что ошибся на счетъ экипажа, что матросы работаютъ исправно и ведутъ себя вообще хорошо. О шкунѣ онъ выразился, что она превосходное судно и повинуется рулю, какъ самая примѣрная жена своему мужу, что ему въ первый разъ еще приходится командовать такимъ безупречнымъ кораблемъ.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ потомъ всякій разъ, когда сквайръ снова заводилъ объ этомъ рѣчь,—плаваніе еще не кончилось, а я опять-таки скажу, что мнѣ наша экспедиція совсѣмъ, совсѣмъ не нравится.

Тогда недовольный сквайръ поворачивался къ нему спиной и начиналъ шагать по палубѣ, ворча про себя:

— Кончится тѣмъ, что этотъ человѣкъ серьезно выведетъ меня изъ терѣнія.

Случались съ нами и бури, но онѣ только еще болѣе отѣняли высокія качества *Испаньолы*. Всѣ на кораблѣ казались довольными, да и не было причины для недовольства; я убѣжденъ, что со временъ Ноева ковчега, ни на одномъ кораблѣ не жилось экипажу такъ привольно, какъ на *Испаньолы*. Матросовъ положительно баловали. Придирались къ малѣйшему предлогу, чтобы удвоить имъ порцію водки, пуддингъ подавался чуть ли не каждый день и на палубу всегда ставилась бочка съ яблоками, открытая для каждого желающаго.

— Прескверная система,— замѣчалъ не разъ капитанъ Смолетъ доктору Лайвей.— Вы набалууете матросовъ до того, что съ ними послѣ и не сладить. Хуже тигровъ сдѣлаются. Не дай вамъ только Богъ убѣдиться въ справедливости моего мнѣнія.

Но доктвръ на этотъ разъ ошибся. Бочка съ яблоками сослужила намъ хорошую службу. Она избавила насъ отъ послѣдствій самой гнусной, самой ужасной измѣны. Вотъ какъ было дѣло.

Мы вышли изъ-подъ пассатовъ и плыли подѣ вѣтромъ, который несъ насъ уже прямо къ Острову Сокровищъ. О дальнѣйшихъ подробностяхъ я умолчу, чтобы не сообщить данныхъ о положеніи острова. Съ минуты на минуту мы ждали сигнала съ вахты, о близости земли. Дѣйствительно, всѣ признаки указывали намъ, что мы приближаемся къ цѣли своего путешествія, и мы рассчитывали на другой день, въ полдень, быть уже въ виду *NO* острова. Курсъ нашъ былъ на *SSW*. Вѣтеръ дулъ по пути и шкуна шла довольно ходко, по временамъ то ныряя бугшпритомъ въ волны, то поднимаясь вверхъ на сѣдыхъ гребняхъ пѣны. Каждый изъ насъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на распущенные паруса *Испаньолы*, предвкусная близкую развязку предпріятія и счастливое возвращеніе домой.

Случилось такъ, что вечеромъ, возвращаясь къ себѣ въ каюту, мнѣ вдругъ захотѣлось полакомиться яблочкомъ. Я поднялся на палубу. Вахтенные стояли всѣ на носу, вглядываясь въ даль, не покажется ли островъ. Одинъ изъ нихъ насвистывалъ что-то сквозь зубы, и это былъ единственный звукъ, нарушавшій тишину, если не считать слабаго плѣска волнъ, разрѣзаемыхъ шкуной.

Въ бочкѣ почти ничего не было, лишь два-три яблока виднѣлись на днѣ. Чтобы ихъ достать, мнѣ пришлось прыгнуть въ бочку. Попавши въ нее, я сѣлъ, такъ какъ очень усталъ отъ дневной работы, и принялся за ѣду. Очень можетъ быть, что я такъ бы тутъ и уснулъ, убаюканный качкой и однообразнымъ гуломъ волнъ, но мимо бочки кто-то прошелъ и, тяжело опершись на нее во время прохода, сильно тряхнулъ ее. Я хотѣлъ выгѣзть вонъ, какъ вдругъ услышалъ голосъ Джона Сильвера, сказавшаго такую ужасную вещь, что я поскорѣе опустилсѣ на дно бочки и притавивъ дыханіе. Страхъ меня леденилъ, за то жгло любопытство. Я рѣшился выслушать все до конца, понимая, что если меня замѣтятъ, то мнѣ конецъ. Отъ меня теперь зависѣла участь всѣхъ честныхъ людей на шкунѣ.

— Да нѣтъ, говорятъ тебѣ!—возражалъ кому-то Джонъ Сильверъ.—Нами командовалъ Флинтъ. Я былъ боцманомъ и ходилъ еще на обѣихъ ногахъ. Я лишился ноги въ тотъ же самый день, какъ старый Пью выжегъ себѣ оба глаза. Насъ лѣчилъ одинъ и тотъ же хирургъ. Искусный былъ человѣкъ, ученый, изъ университета, а висѣлицы не миновалъ вмѣстѣ съ прочими, которые погибли въ Корсо-Кэстлѣ... Но то, о чемъ вы рассказываете, случилось съ людьми Робертса и все оттого, что они то и дѣло мѣняли названіе своего корабля. То онъ былъ у нихъ *Королевское счастье*, то какъ-нибудь иначе назывался... Никогда не нужно такъ дѣлать... По моему, разъ кораблю дано какое-нибудь имя, ужъ и не нужно его мѣнять. Такъ всегда дѣлалъ капитанъ Инглэндъ; и что же? Развѣ мы не прошли на *Кассандрѣ* прѣблагополучно въ Малабаръ послѣ захвата *Вице-короля Индіи*?.. Такъ дѣлалъ и старый Флинтъ, никогда не измѣнявшій своей *Саваннѣ*, и за то какіе грузы золота поднимала у него эта *Савинна*.

— Что за молодецъ былъ капитанъ Флинтъ!—сказалъ голосъ одного изъ молодыхъ матросовъ.

— Съ нимъ могъ, говорятъ, равняться только одинъ Дэвисъ,—продолжалъ Джонъ Сильверъ,—но Дэвиса я не знаю. Я съ нимъ не плавалъ. Сперва съ Инглэндомъ, а потомъ съ Флинтомъ,—вотъ и вся моя біографія. Отъ Инглэнда у меня осталось 900 фунтовъ стерлинговъ, а отъ Флинта — 2,000. Недурно для простаго матроса. Эти деньги у меня цѣлы и лежатъ въ надежномъ банкѣ. Гдѣ теперь люди Инглэнда? Чортъ ихъ знаетъ. Флинтовы матросы почти всѣ здѣсь и объѣдаются пуддингомъ. Многимъ изъ нихъ пришлось пониженствовать. Первый примѣръ подалъ старый Пью. Самъ виноватъ: кто ему велѣлъ мотать деньги? Теперь онъ умеръ и зарытъ въ землю... Да одинъ ли онъ!... Всѣ хороши. Стоило ли тридцать лѣтъ ѣздить по морю, чтобы послѣ такъ кончить?

— Конечно не стоило!—отвѣчалъ молодой матросъ.

— Дураку ничто въ прокъ не идетъ. Слушай, голубчикъ. Ты молодецъ, но ты уменъ. Я это съ перваго раза увидаль...

Каково мнѣ было слышать, какъ негодяй расточалъ матросику точно такую же лесть, какъ и мнѣ! Какъ мнѣ хотѣлось вырвать языкъ у этой гадины!

Но Сильверъ продолжалъ, не догадываясь, что я его слышу:

— Такъ вотъ я доскажу тебѣ все. Конечно мы, пираты, каждую минуту рискуемъ попасть на висѣлицу, но за то мы на сво-

емъ корабль катаемся какъ сыръ въ маслѣ, а по окончаніи поѣздки получаемъ хорошій кушъ. Къ несчастію большинство сейсчаъ же все пропиваетъ до нитки... Я никогда такъ не дѣлалъ, я сберегалъ и обезпечилъ себя подь старость. А какъ ты думаешь, съ чего я началъ? Съ того же, что и ты теперь: съ матроса на бакъ.

— За то ваши денежки теперь плакали. Вѣдь ужъ вы конечно не рѣшитесь вернуться въ Бристоль?

— А гдѣ мои деньги, по твоему?—насмѣшливо спросилъ Сильверъ.

— Въ Бристоль, я думаю, въ банкѣ.

— Ищи ихъ тамъ!—вскричалъ поваръ.—Онѣ ужъ взяты. Моя старуха продала гостинницу со всѣмъ обзаведеніемъ и вѣроятно теперь ужъ ѣдетъ ко мнѣ, везя съ собой деньги... Мы съѣдемся съ ней въ... Я бы сказалъ тебѣ гдѣ, потому что я вполнѣ тебѣ довѣряю, но другіе пожалуй вломятся въ претензію, а всякому я говорить не хочу.

— А вдругъ она васъ обманетъ и убѣжитъ съ вашими деньгами?

— Ну, братъ, нѣтъ, еще не родился такой человѣкъ, которому бы удалась подобная штука съ Джономъ Сильверомъ. Я былъ у Флинта боцманомъ. Матросы наши были далеко не овечки, а спроси кого хочешь, можно ли было шутить съ Джономъ Сильверомъ.

— Признаться, Джонъ, мнѣ до настоящей минуты это дѣло не нравилось,—сказалъ молодой матросъ,—но теперь я поговорилъ съ вами и успокоился. Я вашъ, давайте по рукамъ!

— Молодецъ!—одобрилъ Джонъ Сильверъ, ударяя съ матросомъ по рукамъ и такъ сильно, что бочка моя покачнулась.—Изъ тебя выйдетъ кажется прокъ...

Я началъ понимать языкъ пиратовъ и всѣ ужасные термины, имѣлъ цѣлью завербовать молодаго матроса въ шайку. Попытка удалась. Джонъ легонько свистнулъ. Къ бесѣдующимъ подошелъ третій матросъ и сѣлъ около нихъ на палубу. Когда они заговорили, я узналъ голосъ Израиля Гандса.

— Дикъ нашъ,—сказалъ поваръ.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ,—отвѣчалъ Израиль Гандсъ.— Дикъ не дуракъ и свою выгоду понимаетъ.

Онъ перемѣстилъ языкомъ табачную жвачку изъ одного угла рта въ другой, сплюнулъ и продолжалъ:

— Скажи ты мнѣ наконецъ, Джонъ, долго ли мы будемъ еще ждать?... Мнѣ до смерти надоѣлъ капитанъ Смоллетъ. Хотѣлось бы поспать въ ихъ каютахъ, попить ихъ вина, отвѣдать ихъ пикблей и всего прочаго.

— Израиль,—сказалъ Сильверъ,—у тебя никогда не было разсудка ни на грошъ. Но ты, я думаю, все-таки можешь слышать, что тебѣ говорятъ, потому что уши у тебя длинные... Такъ слушай же. Ты будешь спать, гдѣ тебѣ приказано, обходиться безъ вина и пикблей и держать себя вѣжливо, пока я тебѣ не скажу: пора. Заруби это себѣ на носу, дружокъ.

— Да я, что же? Я вѣдь ничего не говорю. Я только спрашиваю: скоро ли.

— Скоро ли?—вскричалъ Сильверъ.—Изволь, я тебѣ скажу: очень долго. Какъ! У насъ такой прекрасный, способный капитанъ, у насъ сквайръ и докторъ, владѣющіе хорошей картой, которой мы не знаемъ, а ты хочешь отказаться отъ ихъ услугъ? Ну не глупо ли это? Нѣтъ, пусть сперва сквайръ и докторъ отыщутъ намъ кладъ и нагрузятъ его на корабль, тогда мы увидимъ. Да, знаете ли, ослы вы этакіе, чтобы я сдѣлалъ, еслибы могъ на васъ положиться? Я преспокойно далъ бы капитану Смоллету довести насъ до половины дороги, а до тѣхъ поръ пальцемъ бы до него не дотронулся.

— А мы-то развѣ не моряки здѣсь?—сказалъ Дикъ.

— Еще бы! Матросы съ бака?—возразилъ Сильверъ.—Руль вертѣтъ мы конечно умѣемъ, но кто же будетъ вести корабль? Ужь не вы ли?... Нѣтъ, друзья, мое мнѣніе таково, что капитана Смоллетта не слѣдуетъ трогать до тѣхъ поръ, покуда мы не дойдемъ хоть до пассатовъ... Тогда можно будетъ обойтись пожалуй и безъ него... Но я знаю васъ, знаю, что вы за гуси. Гдѣ вамъ выдержать такъ долго! Поэтому я покончу съ ними со всѣми еще на островѣ, какъ только сокровище будетъ погружено на корабль... Тѣмъ хуже для насъ. А жаль... Жаль, что всѣ вы такіе идіоты.

— Не сердитесь, Джонъ!—смирненно вымолвилъ Гандсъ.

— Какъ же мнѣ не сердиться? Вѣдь я видывалъ виды. Знаю я, какъ люди гибнутъ изъ-за излишней поспѣшности. Я человѣкъ опытный. Еслибы вы меня послушались, то черезъ полгода навѣрное стали бы развѣзжать въ каретахъ... Да гдѣ! Знаю я васъ. Сегодня ромъ, а завтра висѣлица,—вотъ ваше дѣло.

— Проповѣдывать-то вы мастеръ, Джонъ, это что говорить,— возразилъ наконецъ Израиль. — Но вѣдь на одной болтовнѣ не выѣдешь. Видали мы и такихъ, которые умѣли дѣло дѣлать не хуже вашего, а болтали гораздо меньше. При случаѣ они умѣли быть хорошими товарищами и это ничему не мѣшало.

— Такъ! А гдѣ теперь эти хорошіе товарищи? Пью былъ изъ ихъ числа; и что же? Умеръ нищимъ. Да и съ самимъ Флинттомъ было не лучше; ромъ его сгубилъ, онъ умеръ отъ рома... О, много ихъ было, да только гдѣ они?

— Скажите же наконецъ,— вмѣшался Дикъ, которому надоѣлъ этотъ споръ,— что мы будемъ дѣлать съ тѣми, когда...

— Хвалю! — вскричалъ поваръ. — Молодецъ! — Это называется поставить вопросъ ребромъ. Какъ ты самъ объ этомъ думаешь, мальчикъ? Не высадить ли ихъ на какой-нибудь необитаемый островъ? Такъ всегда дѣлалъ Инглэндъ. Или не убить ли ихъ просто на просто? Такъ дѣлали Флинтъ и Билли Бунсъ.

— Билли былъ умница, — сказалъ Израиль. — Онъ говорилъ: мертвые не кусаются. Суровый былъ человѣкъ. Его теперь тоже нѣтъ въ живыхъ.

— Не спорю, что онъ былъ умница, — возразилъ Сильверъ, — но грубость не въ моемъ вкусѣ. Я самый обходительный человѣкъ на свѣтѣ, можно даже сказать воплощенная вѣжливость. Всякій съ этимъ согласится. Но теперь не до шутокъ. Долгъ прежде всего, я подаю голосъ за смерть. Я надѣсь современемъ ѣздить въ каретѣ и быть членомъ парламента. Я вовсе не желаю, чтобъ эти господа явились когда-нибудь въ Англію и начали совать носъ въ мои дѣла. Я полагалъ бы подождать удобной минуты, но за тѣмъ обязательно смерть.

— Вотъ за это люблю, — вскричалъ Израиль Гандсъ, — ты молодецъ Джонъ!

— Подожди хвалить, пока не увидишь меня за дѣломъ. Я беру на себя только одного человѣка — Трелонэ, но за то какъ же я его обработаю!... Дикъ, голубчикъ, — спохватился онъ вдругъ, — достань мнѣ пожалуйста яблоко, у меня въ горлѣ пересохло.

Вообразите себѣ мой ужасъ! Мнѣ очень хотѣлось выскочить изъ бочки, но я не могъ. Я услышалъ, что молодой человѣкъ встаетъ и хочетъ идти. Но онъ остановился и голосъ Израила Гандса произнесъ:

— Вотъ еще! Очень нужно яблоки! Угости-ка насъ лучше ромомъ.

— Дикъ,—отвѣчалъ Сильверъ,—я тебѣ вѣрю. Возьми ключъ, отыщи бочку съ ромомъ и налей изъ нея въ жбанъ, а потомъ принеси сюда.

При всемъ своемъ ужасѣ я невольно подумалъ: не этимъ ли путемъ доставалъ себѣ мистеръ Арро крѣкіе напитки, которые его сгубили?

Дикъ долго не возвращался и Джонъ съ Израилемъ успѣли шепотомъ обмѣняться нѣсколькими словами. Я слышалъ фразу: „больше ни одинъ не идетъ“ — и понялъ, что на корабль еще осталось нѣсколько вѣрныхъ матросовъ.

Когда Дикъ вернулся, собесѣдники поочереды отпили изъ жбана, причемъ одинъ произнесъ тостъ „за наше общее дѣло!“, другой— „за упокой души стараго Флинта“, а третій (самъ Джонъ Сильверъ)— „за нашу безпечальную старость“.

Вдругъ прямо на меня упала яркая полоса свѣта и освѣтила всю внутренность бочки. Я поднялъ голову и увидалъ взшедшую дуну, которая серебрила верхушку гротъ-мачты и наводила снѣговую бѣлизну на вздутую середину большого паруса. Почти въ ту же минуту раздался крикъ вахтенныхъ:

— Земля!...

ГЛАВА VI.

Военный совѣтъ.

Я услыхалъ на палубѣ сильную бѣготню. Всѣ спѣшили изъ каютъ на верхъ, чтобы убѣдиться въ справедливости извѣстiя, поданнаго вахтой. Я подъ шумокъ выбрался украдкой изъ бочки и, причась за парусами, никѣмъ не замѣченный, подошелъ къ Гунтеру и доктору Лайвей.

Головы всѣхъ были обращены на море. Одновременно съ мѣсяцемъ надъ горизонтомъ всплыло сѣрое кольцо мглы, но тѣмъ не менѣе на юго-востокѣ можно было различить два холма въ милѣ разстоянiя одинъ отъ другаго и между ними гору, вершина которой тонула въ густомъ туманѣ.

Я смотрѣлъ на все это какъ во снѣ, такъ какъ еще находился подъ впечатлѣнiемъ испытаннаго мною ужаса. Какъ сквозь сонъ донесся до меня голосъ капитана Смоллета, командовавшаго матросамъ. *Испаньола* нѣсколько измѣнила курсъ, чтобы оставить островъ у себя на востокѣ.

— Кто-нибудь изъ васъ знаетъ эту землю?—спросилъ капитанъ, обращаясь къ матросамъ.

— Я знаю, господинъ капитанъ,—отвѣчалъ Джонъ Сильверъ.— Я даже одинъ разъ съѣзжалъ на этотъ островъ за водою, когда служилъ поворомъ на одномъ купеческомъ кораблѣ.

— Гдѣ тутъ якорное мѣсто? Не на югѣ ли, за островкомъ?—продолжалъ капитанъ.

— Точно такъ, господинъ капитанъ, за Скелетовымъ островкомъ, какъ его называютъ. Тутъ должно быть прежде былъ вертепъ разбойниковъ. У насъ на кораблѣ былъ матросъ, который

хорошо зналъ островъ и помнилъ названія всѣхъ мѣстностей на немъ. Вотъ этотъ холмъ, который по-сѣвернѣе, называется Бизань-Мачтой и Фокъ-Мачтой. Всѣ холмы находятся почти на одной линіи и средній повыше другихъ, оттого ихъ такъ и прозвали. Впрочемъ средній холмъ извѣстенъ больше подъ именемъ *Далекаго Вида*. Кажется разбойники наблюдали съ него за своими кораблями, стоявшими на якорѣ.

— Вотъ карта, — сказалъ капитанъ Смоллетъ, — взгляните, не узнаете ли вы мѣстность.

Глаза у Джона Сильвера загорѣлись какъ угли, когда онъ взялъ въ руки карту, но я при первомъ взглядѣ на нее понялъ, что онъ сейчасъ же разочаруется. Карта была не та, что мы нашли въ сундукѣ у Билли Бунса; это была только копія съ нея, очень точная и подробная, но безъ красныхъ крестовъ и письменныхъ замѣтокъ. Однако хитрый Сильверъ сумѣлъ превосходно скрыть свою досаду.

— Да, это именно здѣшній островъ, — сказалъ онъ какъ ни въ чемъ не бывало. — И какая великолѣпная карта! Кто бы это чертить ее?.. Не думаю, чтобы пираты; они были люди необразованные... А, вотъ она, *пристань капитана Кидда*, какъ называлъ ее нашъ матросикъ. Тутъ довольно сильное береговое теченіе, идущее къ югу, потомъ къ сѣверу, потомъ къ западу. Вы хорошо сдѣлали, капитанъ, что оставили островъ влѣво, если только вы хотите причалить въ этой бухтѣ... Лучшей пристани здѣсь вы не найдете...

— Хорошо, любезный, — отвѣчалъ капитанъ. — Ступайте. Если мнѣ понадобится вашъ совѣтъ, я васъ позову.

Я удивился, съ какою смѣлостью Джонъ Сильверъ признался, что островъ ему извѣстенъ. Отойдя отъ капитана, онъ сейчасъ же подошелъ ко мнѣ. Конечно я понималъ, что онъ не можетъ знать о моемъ подслушиваньи въ яблочной бочкѣ, но все-таки невольно задрожалъ, когда онъ положилъ мнѣ на плечо свою руку. Очень ужъ противны и страшны были мнѣ жестокость и его ужасающее лицемѣріе.

— Этотъ островъ настоящій рай для мальчика твоихъ лѣтъ, — сказалъ онъ. — Тебѣ будетъ тамъ раздолье лазить по деревьямъ, купаться, гоняться за дикими козами, взбираться на горы. Я самъ молодѣю при мысли обо всемъ этомъ и забываю даже про свой костыль. Право, хорошо быть молодымъ и имѣть цѣлыми обѣ ноги.

Когда ты поѣдешь на землю, мальчикъ, не забудь зайти къ старому Джону; онъ наполнить тебѣ карманы разными лакомствами.

Онъ ласково погладилъ меня по плечу и, ковыляя, спустился внизъ.

Капитанъ Смоллетъ, докторъ и сквайръ расположились побесѣдовать на скамьяхъ; я не рѣшался заговорить съ ними прямо, хотя горѣлъ нетерпѣніемъ рассказать имъ то, что мнѣ удалось подслушать. Пока я придумывалъ предлогъ, чтобѣ подойти къ нимъ, докторъ Лайвей подозвалъ меня и велѣлъ принести трубку. Я воспользовался случаемъ, наклонился къ самому его уху и сказалъ:

— Докторъ, у меня есть для васъ ужасныя новости. Скажите, пожалуйста, капитану и сквайру, чтобы они сошли въ гостиную и потомъ подъ какимъ нибудь предлогомъ пришлите за мной.

У доктора все лицо исказилось, но онъ быстро справился съ собой и сказалъ мнѣ громко, какъ будто я отвѣтилъ ему на вопросъ:

— Хорошо, Джимъ, спасибо. Больше мнѣ ничего не нужно.

Онъ спокойно продолжалъ бесѣду съ своими друзьями, но я понималъ, что онъ успѣлъ имъ сообщить мое требованіе. Никто изъ нихъ не выказалъ ни малѣйшаго безпокойства, ни малѣйшей тревожности. Капитанъ приказалъ что-то Джону Андерсену и тотъ затрубилъ сборъ на палубу.

— Ребята, — сказалъ капитанъ, когда матросы собрались, — мы прѣехали, куда хотѣли. Вамъ уже знакома щедрость мистера Тре-лорэ. Онъ спрашивалъ меня, доволенъ ли я вами, а такъ какъ я вами доволенъ, то мы и порѣшили выпить втроемъ за ваше здорье, съ тѣмъ чтобы вы выпили за наше двойную порцію грога. Какъ хотите, а со стороны сквайра это очень любезно. Если вы согласны съ этимъ, то, я думаю, не откажетесь прокричать ура джентельмену, который васъ такъ угощаетъ.

Ура прокричали и такъ охотно, съ такимъ радушнымъ видомъ, что я невольно спросилъ себя: неужели это кричатъ тѣ самые люди, которые затѣваютъ такую подлую измѣну?

— Ура капитану Смоллету! — предложилъ Джонъ Сильверъ, когда крики утихли.

Съ не меньшимъ восторгомъ крикнули ура и тому. Затѣмъ три джентельмена удалились въ гостиную, а вскорѣ туда позвали и меня.

Всѣ трое сѣдѣли у стола, на которомъ стояла бутылка хереса и тарелка съ изюмомъ. Докторъ курилъ трубку, положивъ на ко-

лѣна свой парикъ, что всегда служило у него признакомъ волненія. Окно въ каютѣ было открыто по случаю духоты и черезъ него виднѣлась луна, отражавшаяся въ зыбкомъ зеркалѣ моря.

— Ну, Гоукинсъ, говори, что хотѣлъ, — сказали мнѣ мистеръ Трелонэ.—Мы слушаемъ.

Я возможно короче и обстоятельнѣе рассказалъ, что со мной случилось, и передалъ содержаніе подслушанной бесѣды. Мои слушатели не перебили меня ни словомъ, ни жестомъ, но глаза ихъ все время были пристально устремлены на мое лицо. Когда я кончилъ, докторъ мнѣ сказалъ:

— Садись, Джимъ.

Онъ посадилъ меня рядомъ съ собою, налилъ мнѣ рюмку вина и далъ горсть изюму. Потомъ всѣ трое, низко мнѣ поклонившись, степенно вышли за мое здоровье, за мою заслугу передъ ними, за счастливый случай, помогшій мнѣ узнать намѣреніе злодѣевъ, и за оказанное мною мужество.

— Капитанъ,—сказалъ сквайръ,—вы были правы, а я ошибался. Сознаюсь, что я оселъ, и жду вашихъ распоряженій.

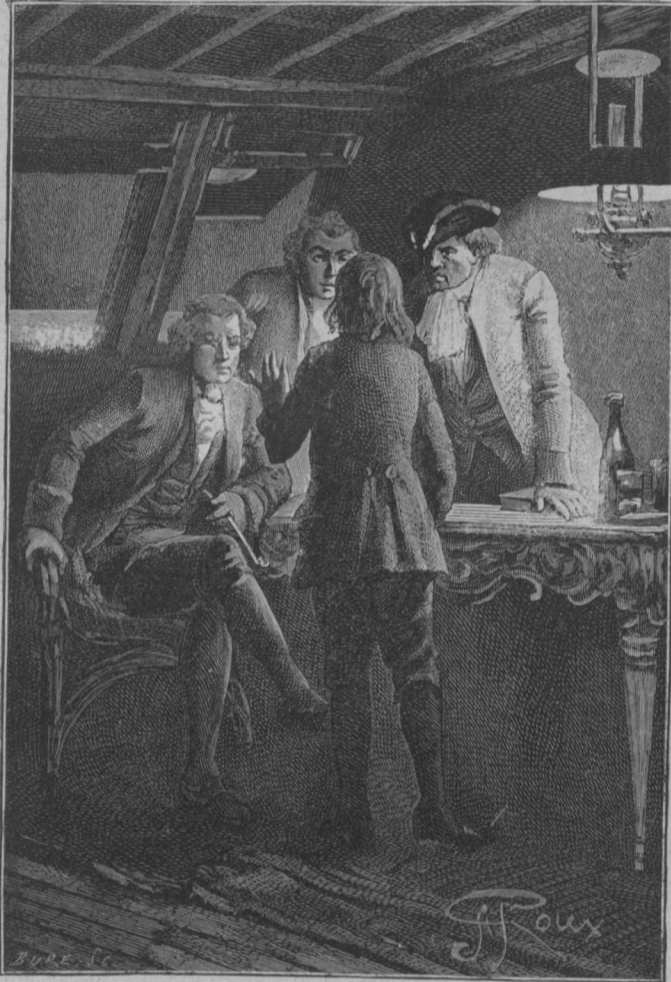
— Я такой же оселъ, какъ и вы, сэръ,—возразилъ капитанъ.— И нисколько не лучше. Первый примѣръ вижу, чтобы экипажъ затѣялъ бунтъ такъ ловко, что никто объ этомъ не догадался и ничего не вышло наружу. Я совершенно сбить съ толку. Я ничего не понимаю.

— Позвольте, капитанъ, — вмѣшался докторъ, — это очень не трудно объяснить. Всею виною Джонъ Сильверъ, а Джонъ Сильверъ, я думаю, вы и сами съ этимъ согласитесь, человѣкъ замѣчательный.

— Этотъ замѣчательный человѣкъ былъ бы замѣчательно хорошъ на большой реѣ, вздернутый туда на веревкѣ,—сердито возразилъ капитанъ.—Но мы болтаемъ, а это ни къ чему не ведетъ. Обсудимте-ка лучше дѣло какъ оно есть, неправда ли, мистеръ Трелонэ?

— Сэръ, вы нашъ начальникъ, говорите вы первый!—сказалъ съ великодушнымъ видомъ сквайръ.

— Хорошо, я буду говорить. Я нахожу, что изъ разсказа Джима проистекають три или четыре пункта. Во-первыхъ, намъ нужно плыть впередъ; если я поворочу корабль назадъ, то негодяи сейчасъ же взбунтуются. Во-вторыхъ, у насъ впереди есть время, пока не отыщется кладъ. Въ-третьихъ, не всѣ матросы измѣнники...

...«Я какъ можно обстоятельнѣе разсказалъ все, что случилось»... (Стр. 82).

Итакъ, не будемъ закрывать глаза на будущее: рано ли, поздно ли, а только схватки намъ не миновать. Я предлагаю воспользоваться первымъ пошавшимся случаемъ и напасть на злодѣевъ въ ту минуту, когда они всего менѣе будутъ этого ожидать,.. На вашихъ слугъ можно, я думаю, рассчитывать, мистеръ Трелонэ?

— Какъ на самого меня!—объявилъ сквайръ.

— Вотъ это ужъ трое, да насъ четверо, если Гоукинса считать за взрослого, то ужъ это стало быть семь. Что касается до другихъ не-измѣнниковъ...

— Это навѣрное тѣ люди, которыхъ Трелонэ нанялъ безъ посредничества Джона Сильвера,—замѣтилъ докторъ.

— Увы!—сказалъ мистеръ Трелонэ,—Гандсъ изъ ихъ числа.

— Я тоже думалъ, что на Гандса можно положиться,—сознался капитанъ Смоллетъ.

— Какъ только я подумаю о томъ, что эти мерзавцы англичане,—вскричалъ Трелонэ,—то у меня является желаніе взорвать корабль на воздухъ!

— Однимъ словомъ, господа,—продолжалъ капитанъ,—положеніе очень некрасивое. Лучше всего, что мы можемъ сдѣлать, это быть на сторожѣ и ждать случая. Конечно, это очень скучно, конечно гораздо пріятнѣе рѣшить все разомъ, но въ данномъ случаѣ поспѣшность была бы безуміемъ. Мы сами еще хорошенько не знаемъ своихъ силъ. Итакъ мое мнѣніе такое: лечь въ дрейфъ и ждать вѣтра.

— Джимъ можетъ принести намъ огромную пользу, — сказалъ докторъ.—Онъ такой ловкій и матросы ему довѣряютъ.

— Гоукинсъ,—прибавилъ отъ себя сквайръ,—я питаю къ вамъ самое безграничное довѣріе.

Мнѣ было это очень лестно, но я все-таки подумалъ, не слишкомъ ли рискованно такъ слѣпо довѣряться молодому мальчику. Я самъ сознавалъ, что я слишкомъ молодъ, что я неопытенъ. Однако странное стеченіе обстоятельствъ дѣйствительно превращало меня въ какое-то орудіе общаго спасенія.

Покуда что, а въ данную минуту, сколько бы мы ни считали, насъ было надежныхъ только семь человѣкъ изъ двадцати шести, и въ числѣ этихъ семи одинъ былъ почти ребенокъ. Такимъ образомъ насъ было семеро противъ девятнадцати.

Когда я утромъ вышелъ на палубу, вѣшній видъ острова былъ уже не тотъ, что наканунѣ. Несмотря на безвѣтріе, мы за ночь

все-таки прошли нѣкоторое разстояніе и теперь легли въ дрейфъ въ полумилѣ къ востоку отъ острова. Почва острова, насколько можно было окинуть взглядомъ, сплошь была покрыта дремучимъ лѣсомъ, темная окраска котораго особенно рельефно выдѣлялась на желтомъ пескѣ побережья. Тамъ и сямъ, то въ одиночку, то группами, возвышались большія деревья, похожія на сосны. Въ общемъ было довольно уныло и однообразно. Возвышенности острова имѣли какую-то странную форму и состояли изъ нагроможденныхъ амфитеатромъ утесовъ. Холмъ *Далекій Видъ*, возвышавшійся надъ другими футовъ на триста, былъ по формѣ своей страннѣе всѣхъ. Склоны его были очень круты, почти отвѣсны, а вершина гладко срубана, такъ что онъ походилъ на пьедесталь статуи.

Не знаю отчего, но островъ мнѣ съ перваго же раза ужасно не понравился. Несмотря на яркій блескъ солнца, высоко стоявшаго въ небѣ, несмотря на веселое чириканье птицъ и даже на удовольствіе, которое испытываетъ всякій мореплаватель, увидавъ землю послѣ долгаго плаванія, сердце у меня сжималось тоскою и на душѣ было ужасно тяжело. Невыносимо противенъ былъ мнѣ видъ этихъ скучныхъ, угрюмыхъ лѣсовъ, этихъ голыхъ скалъ, этого пѣнящагося шумнаго прибоя. Первое впечатлѣніе осталось навсегда и съ тѣхъ поръ я вспоминаю объ Островѣ Сокровищъ не иначе какъ съ крайнимъ отвращеніемъ.

Намъ предстоялъ тяжелый, трудный день. Вѣтра, какъ я уже сказалъ, не было вовсе и слѣдовательно приходилось спускать шлюпки, чтобы тянуть шкуну веслами на разстояніи трехъ или четырехъ миль до узкаго пролива, ведущаго въ гавань Скелета. Я вызвался ѣхать въ одной изъ лодокъ, гдѣ мнѣ разумѣется нечего было дѣлать. Жара была невыносимая и матросы ругались что есть мочи, потому что грести дѣйствительно было ужасно тяжело. Въ лодкѣ, гдѣ сидѣлъ я, старшимъ былъ Джонъ Андерсенъ, роптавшій громче другихъ, вмѣсто того чтобы поддерживать дисциплину.

— Ну, да не вѣкъ же такъ будетъ, — сказалъ онъ съ ругательствомъ, — и слава Богу.

Мнѣ показалось это очень дурнымъ признакомъ, потому что до той минуты матросы работали охотно и весело. Очевидно уже одной близости острова было достаточно, чтобы у нихъ закружились головы.

Во время этого труднаго маневра Джонъ Сильверъ, стоя въ передней лодкѣ, былъ за лоцмана; онъ видимо зналъ проливъ какъ свой карманъ и, хотя лотъ далеко не всегда показывалъ согласно съ отмѣтками на картѣ, нашъ хромоу поваръ ни разу не сталъ въ тупикъ.

Мы остановились въ томъ мѣстѣ, которое на картѣ было отмѣчено знакомъ якоря, между берегомъ острова и Скелетовымъ островкомъ. Дно было песчаное. Паденіе нашего якоря вспугнуло стаю птицъ, которыя тревожно закружились надъ лѣсомъ. Минуть черезъ пять онѣ однако успокоились и кругомъ опять водворилась тишина.

Маленькій рейдикъ былъ совершенно окруженъ землею и какъ бы терялся въ лѣсу, деревья котораго доходили до самаго прибрежья.

Въ этотъ рейдъ, похожій скорѣе на прудъ, впадали два болотистыхъ ручья, затопяя при устьяхъ своихъ довольно обширное пространство вязкой, влажной почвы; поэтому и растительность на берегу имѣла болотный характеръ.

Надѣво стоялъ маленький фортъ, окруженный полисадомъ, но со шкуны его не было видно за деревьями. Вообще еслибы не карта, то мы имѣли бы полное право подумать, что до насъ къ острову никто не подъѣзжалъ, до такой степени вѣяло отъ него чѣмъ то затхлымъ, нежилымъ. Не слышать было ни малѣйшаго шума, кромѣ воя буруновъ. Въ воздухѣ носился особенный запахъ стоячей воды, сгнившихъ листьевъ и гнилаго дерева. Я видѣлъ, какъ докторъ поморщился отъ этого запаха, словно понюхавъ гнилое яйцо.

— Не знаю, есть ли здѣсь кладъ, — сказалъ онъ, — но за лихорадку ручаюсь, что она есть.

Если настроеніе матросовъ было неутѣшительно въ лодкахъ, то на корабль оно окончательно приняло угрожающій характеръ. Они кучками толпились на палубѣ, шептались и спорили между собою. Самое простое приказаніе встрѣчалось сердитыми взглядами и исполнялось съ нескрываеваемой неохотой. Даже сравнительно болѣе надежные матросы заразились этимъ пагубнымъ духомъ. Въ воздухѣ чувствовался бунтъ, онъ носился надъ нами грозвою тучей, страшною только для однихъ насъ.

Джонъ Сильверъ порхалъ отъ одной кучки къ другой, изъ силъ выбиваясь, чтобы поддержать спокойствіе. Собою онъ подавалъ

наилучшій примѣръ, улыбался, держалъ себя вѣжливо и почтительно. По первому знаку Джонъ Сильверъ подскакивалъ на костыль и говорилъ: „Точно такъ, сэръ“. Уладивши все кое-какъ, онъ началъ пѣть, чтобы замаскировать общее недовольство, и прошѣлъ весь зашасъ своихъ гѣсенъ. Изъ всѣхъ тревожныхъ признаковъ худшимъ показалось намъ именно это безпокойство Джона Сильвера.

— Если я рѣшусь на другое приказаніе, на меня насядетъ весь экипажъ,—сказалъ капитанъ.—Грѣхъ таить нечего, мнѣ отвѣчаютъ невѣжливо. Какъ только я дамъ замѣтить, что вижу это, они сейчасъ же возмутся за топоры. Съ другой стороны, если я имъ это спущу, Джонъ Сильверъ тотчасъ увидитъ загвоздку и тогда все пропало. Въ сущности мы можемъ разсчитывать только на одного человѣка, и знаете на кого?

— На кого?—спросилъ сквайръ.

— На Джона Сильвера. Ему не меньше чѣмъ намъ хочется успокоить матросовъ. Быть можетъ для него будетъ достаточно перваго случая, чтобы образумить ихъ; я предлагаю доставить ему этотъ случай. Дадимъ всѣмъ имъ позволеніе съѣхать на берегъ. Если они съѣдутъ всѣ, то мы съумѣемъ защитить шкуну. Если откажутся, то мы запремся въ каютѣ и положимся на Господа. Если уѣдутъ самые отчаянные, то повѣрьте, что Сильверъ съумѣетъ ихъ укротить.

Мнѣніе капитана было принято. Надежнымъ людямъ роздали заряженные пистолеты. Джойсу, Гунтеру и Редруту разсказали все дѣло, причемъ ни тотъ, ни другой, ни третій не выказали особеннаго удивленія. Затѣмъ капитанъ вышелъ на палубу и обратился къ матросамъ.

— Ребята,—сказалъ онъ,—у насъ сегодня было трудное утро. Мы устали и раздражены. Хорошо бы теперь прогуляться на берегъ. Лодки еще спущены—возьмите ихъ. Кто желаетъ, пусть ѣдетъ на островъ и пробудетъ тамъ хоть до вечера. За полчаса до заката солнца я выстрѣлю изъ пушки, чтобы вы возвращались назадъ.

Глухие матросы должно быть вообразили, что они какъ только ступятъ на берегъ, такъ сейчасъ и найдутъ кладъ. Угрюмыя лица ихъ разомъ прояснились и раздалось оглушительное ура, далеко прокатившееся по окрестностямъ. Вспугнутыя птицы еще разъ прокружились надъ лѣсомъ и снова опустились.

Капитанъ догадался уйти съ палубы, предоставивъ Сильверу устроить отъѣздъ. Онъ поступилъ очень умно, потому что, оставаясь онъ еще одну минуту лишнюю, онъ не могъ бы не замѣтить того, что само бросалось въ глаза: Сильверъ не только былъ настоящимъ капитаномъ, но матросы даже начинали тяготиться его властью. Честные люди, если только они еще оставались, не могли не видѣть того, что было у нихъ подъ носомъ. Правильнѣе говоря, весь экипажъ былъ болѣе или менѣе зараженъ, но нѣкоторые изъ матросовъ, будучи въ душѣ людьми все-таки порядочными, не хотѣли идти слишкомъ далеко.

Одно дѣло лѣзнуть и говорить дерзости, другое дѣло бунтовать и убивать ни въ чемъ неповинныхъ людей.

Наконецъ все уладилось. Шесть человекъ остались на кораблѣ, а прочіе тринадцать стали садиться въ лодки съ Джономъ Сильверомъ во главѣ.

Тутъ мнѣ вдругъ пришла въ голову одна изъ тѣхъ безумныхъ фантазій, которыя впослѣдствіи такъ много содѣйствовали нашему спасенію. Такъ какъ Сильверъ оставилъ на шкунѣ шесть человекъ гарнизона, то слѣдовательно у насъ не было возможности защищаться противъ съѣхавшихъ на берегъ. Такъ какъ съ другой стороны гарнизонъ этотъ состоялъ всего изъ шести человекъ, то очевидно мои друзья не нуждались въ моихъ услугахъ. У меня явилась нелѣпная прихоть тоже отправиться на островъ.

Вздумано—сдѣлано. Я быстро спускаюсь по веревкѣ въ ближайшую шлюпку и забиваюсь въ уголокъ въ ту самую минуту, когда она отваливается отъ шкуны.

Меня никто не замѣтилъ кромѣ одного гребца, который сказалъ мнѣ:

— Это ты, Джимъ? Наклони голову.

Но Сильверъ, ѣхавшій на другой лодкѣ, вытаращилъ отъ удивленія глаза и спросилъ, неужели это я. Тутъ только я понялъ свою неосторожность и глупость.

Наша лодка была легче всѣхъ и пришла къ берегу первую. Мы проплывали подъ нависшими вѣтвями прибрежныхъ деревьевъ и я, не дожидаясь когда лодка причалитъ, привсталъ, схватился за сукъ и выпрыгнулъ на лѣсистый берегъ. Лодка Сильвера шла непосредственно сзади и онъ закричалъ мнѣ:

— Джимъ!.. Джимъ!..

Но я не отвѣчалъ. Прыгая черезъ кусты, продираясь сквозь чащу, я пустился бѣжать со всѣхъ ногъ, лишь бы уйти подальше отъ нашихъ матросовъ, и бѣжалъ до тѣхъ поръ, покуда не запыхался и не выбился изъ силъ.

Г Л А В А VII.

Первыя приключенія на островѣ.

Я былъ очень радъ, что избавился отъ Джона Сильвера, и съ любопытствомъ сталъ осматривать мѣстность, въ которую меня завела судьба.

Сначала я вступилъ въ болотистую долину, пороскую ивами, тростникомъ и какими-то незнакомыми мнѣ деревьями. Отсюда я вышелъ на песчаную поляну, гдѣ росли мѣстами сосны и зеленые дубы. Вдали виднѣлся одинъ изъ холмовъ, голый силуэтъ котораго ярко освѣщался полуденнымъ солнцемъ.

Итакъ, мнѣ суждено было сдѣлаться изслѣдователемъ! Островъ былъ необитаемъ. Отъ товарищей я убѣжалъ. Передо мной были только деревья да дикія звѣри. Все было ново для меня: и цвѣты, и птицы, и змѣи. Я увидалъ одну змѣю, она выставила голову изъ-за утеса, за которымъ лежала, и зашипѣла мнѣ прямо въ лицо. Ея шипѣнье было похоже на жужжанье волчка и я сейчасъ же понялъ, что наткнулся на смертельнаго врага. на знаменитую гремучую смѣю...

Вскорѣ я дошелъ до густой чащи деревьевъ, очень похожихъ на наши дубы и растущихъ всегда на пескѣ. Ихъ зелень очень густа и темна, а вѣтви сплетаются между собою, образуя непролазную чащу. Почва, на которой росъ этотъ лѣсъ, напоминала песчаную дюну и оканчивалась большимъ камышевымъ болотомъ, по которому лѣниво ползли въ море два замѣченные мною раньше ручья. Надъ болотомъ курились пары и утесы *Далекаго Вида* казалось какъ будто дрожали въ голубоватой мглѣ.

Вдругъ тростникъ зашумѣлъ и заколыхался. Вотъ крякнула и взлетѣла дикая утка, за ней другая, третья; затѣмъ вспорхнула

цѣлая стая и съ крикомъ закрутилась въ воздухѣ. Я подумаль, что къ болоту подошелъ кто нибудь изъ моихъ товарищей. Въ этомъ я не ошибся, потому что вскорѣ до меня издали донесся звукъ человѣческаго голоса. Говорившій былъ еще далеко, но по звуку голоса я заключилъ, что онъ быстро приближается къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ.

Я испугался и поспѣшилъ спрятаться за первый попавшійся дубъ. Закрывшись его густыми вѣтвями, я весь съежился и, удерживая дыханіе, притаился какъ мышь.

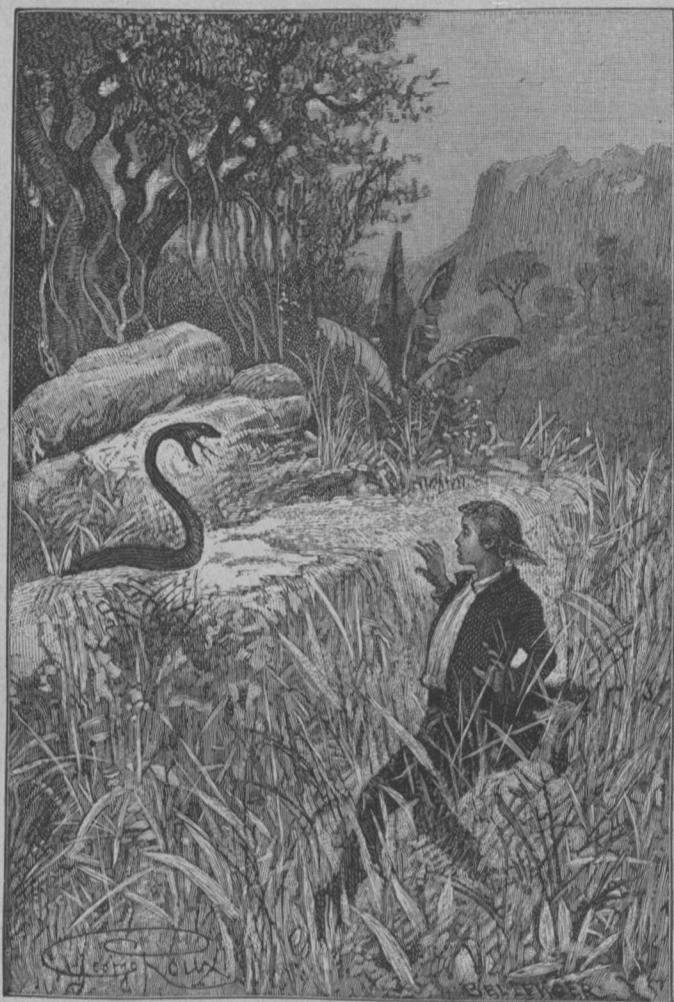
Вскорѣ первому голосу отвѣтилъ другой, потомъ опять заговорилъ первый голосъ, по которому я сейчасъ же узналъ Джона Сильвера. Онъ говорилъ долго, потомъ между собесѣдниками начался быстрый обмѣнъ возраженій. Тонъ разговора былъ одушевленный, почти азартный, но я не могъ разслушать ни одного слова.

Наконецъ собесѣдники, какъ мнѣ показалось, остановились. Должно быть они присѣли гдѣ нибудь, потому что голоса перестали приближаться, а птицы прекратили круженіе и, успокоившись мало по малу, опустились въ болото. Меня какъ будто кольнула немножко совѣсть. Мнѣ представилось, что я нарушилъ свой долгъ, пустившись въ безцѣльное шатаніе для собственной потѣхи, что если я безразсудно съѣхалъ съ негодыми на берегъ, то долженъ по крайней мѣрѣ подглядывать за ними и подслушивать ихъ совѣщанія. Однимъ словомъ я счелъ своей обязанностью подойти къ нимъ какъ можно ближе, прикрываясь тѣнью окружающихъ меня развѣсистыхъ деревьевъ.

По звуку голосовъ я безъ труда опредѣлилъ направленіе, куда мнѣ идти, а нѣсколько птицъ, кружившихся надъ болотомъ, безошибочно указали мнѣ мѣсто, гдѣ сидятъ разговаривающіе. Я безшумно поползъ на четверенькахъ по лѣсу и остановился, увидавъ сквозь вѣтви маленькую полянку возлѣ болота и на ней Джона Сильвера, который сидѣлъ рядомъ съ однимъ изъ нашихъ матросовъ и горячо о чемъ то разсуждалъ.

Солнце падало прямо на нихъ. Несмотря на то, Джонъ Сильверъ снялъ шляпу, которая лежала брошенная на землѣ и его гладкое, бѣлокурое, потное лицо почти съ умоляющимъ видомъ было устремлено на собесѣдника.

— Повѣрь, другъ,—говорилъ Сильверъ,—я дѣлаю это изъ одной любви къ тебѣ. Еслибы я тебя не любилъ, неужели я сталъ

...«Я увидѣлъ змѣю»... (Стр. 91).

бы тебя предупреждать? Все кончено и ты ничего не можешь сдѣлать... Мнѣ только тебя хочется спасти. Что со мной будетъ, если кто-нибудь изъ моихъ товарищей узнаетъ о моемъ поступкѣ?... Ну же, Томъ, скажи мнѣ что нибудь.

— Джонъ Сильверъ,—отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ матросъ, и я видѣлъ, какъ лицо его вспыхнуло и покраснѣло, — Джонъ Сильверъ, вы не ребенокъ и васъ считаютъ честнымъ человѣкомъ; у васъ и деньги есть, а этимъ не всякій матросъ можетъ похвалиться; вы человѣкъ храбрый, или я ничего не смыслю въ людяхъ... Зачѣмъ вы поддаетесь толпѣ негодяевъ?... Соберитесь съ духомъ и сбросьте съ себя ихъ иго... Это вовсе не трудно. Право, я скорѣе позволилъ бы отрубить себѣ обѣ руки, чѣмъ измѣнилъ бы своему долгу...

Онъ замолчалъ, услыхавъ громкую перебранку... Итакъ, передо мной былъ одинъ честный человѣкъ. Вскорѣ я узналъ, что на кораблѣ былъ еще и другой... За этимъ гнѣвнымъ возгласомъ послышался крикъ ярости, потомъ раздался протяжный, ужасный вопль боли, огласившій крутые утесы *Далекаго Вида* и вспугнувшій цѣлую стаю болотныхъ птицъ, которыя взлетѣли на воздухъ и на нѣсколько минутъ затемнили небо.

За этимъ воплемъ агоніи настала мертвая, тоскливая тишина. Лишь вдали уныло ронтали волны.

Томъ вскочилъ какъ ошаренный. Джонъ Сильверъ даже не шевельнулся. Онъ продолжалъ сидѣть, слегка опираясь на костыль и глядя на собесѣдника взглядомъ змѣи, готовый броситься на добычу.

— Джонъ!—вскричалъ матросъ, простирая къ нему руки.

— Прочь лапы!—возразилъ Джонъ Сильверъ, отскочивъ назадъ съ легкостью настоящаго акробата.

— Пожалуй, если вамъ этого хочется,—отвѣчалъ матросъ.— Вы стало быть меня боитесь?... Знаете что, Джонъ Сильверъ: это у васъ совѣсть не чиста... Но скажите пожалуйста, кто это кричалъ тамъ ужасно?

— Кто кричалъ?—переспросилъ Сильверъ, загадочно улыбаясь и не мѣняя оборонительной позы.—Аланъ вѣроятно... его должно быть убили.

Узенькіе глазки Сильвера блестяли какъ два уголька на широкомъ лицѣ его, принявшемъ какое то коварно-зловѣщее выраженіе.

Тотъ героически выпрямился во весь ростъ.

— Аланъ! — вскричалъ онъ. — Успокой Господи его душу!... Хорошій былъ морякъ и честный малый... А вы, Джонъ Сильверъ, вы теперь ужъ не товарищъ мнѣ. Я больше не знаю васъ и знать не хочу. Если мнѣ суждено умереть, то я умру, а ужъ долгу не измѣню... Вы убили Алана? да? Ну, такъ убейте и меня, если можете... Только предупреждаю: я даромъ себя не дамъ.

Храбрый матросъ подождалъ съ минуту, какой будетъ отвѣтъ отъ Джона Сильвера, но, видя, что тотъ не трогается съ мѣста и молчитъ, повернулся къ нему спиною и пошелъ къ берегу.

Но ему не пришлось далеко уйти. Взявшись рукой за древесный сукъ, чтобы не упасть, Джонъ Сильверъ схватилъ въ правую руку костьль и, зарывавъ отъ злобы, взмахнулъ этимъ неожиданнымъ оружіемъ. Костьль просвисталъ по воздуху и острымъ концомъ своимъ ударилъ бѣднаго Тома между плечъ въ самую середину спиннаго хребта. Несчастный поднялъ руку и съ глухимъ стономъ упалъ ничкомъ на землю.

Для меня такъ и осталось неразгаданнымъ: убилъ Тома этотъ ударъ до смерти или только ушибъ? Не давая матросу оправиться, Джонъ Сильверъ подскочилъ къ нему безъ костьля, но съ ловкостью обезьяны, и въ два приѣма всадилъ ему въ спину ножъ. Я слышалъ, какъ подлый убійца звѣрски пыхтѣлъ во время этого гнуснаго дѣла.

Не помню, что со мной было потомъ. Кажется я потерялъ сознание, потому что на нѣсколько минутъ все помутилось у меня въ глазахъ и я былъ какъ въ туманѣ. Джонъ Сильверъ, птицы, кружившіяся въ воздухѣ, вершина *Далекаго Вида*,—все завертѣлось, заплесало у меня въ гласахъ; въ ушахъ шумѣло; я пересталъ понимать, что вокругъ меня дѣлается.

Когда я пришелъ въ себя, злодѣй уже стоялъ прямо, опираясь на костьль и надѣвъ шляпу. У ногъ его лежалъ безъ движенія Томъ. Но убійца даже не глядѣлъ на него и преспокойно вытиралъ пучкомъ травы окровавленный кортикъ. Надъ ними равнодушно сіяло солнце, озаряя курящееся болото и вершины холмовъ. Никакъ нельзя было подумать, что здѣсь сію минуту безжалостно загублена молодая человѣческая жизнь...

Джонъ Сильверъ опустилъ въ карманъ руку, досталъ свистокъ и рѣзко свистнулъ.

Я не понялъ сигнала, но тѣмъ не менѣе застылъ отъ ужаса. Что если разбойники придутъ и найдутъ меня? Они уже убили двухъ честныхъ людей; не мудрено, что настанетъ и моя очередь.

Не теряя ни минуты, я раздвинулъ окружавшія меня вѣтви, стараясь какъ можно меньше шумѣть, и попрежнему на четверенькахъ поползъ къ большой полянѣ. Я слышалъ сзади себя крики стараго мерзавца и его товарищей и, подгоняемый страхомъ, несясь впередъ какъ на крыльяхъ. Выбравшись изъ чащи, я вскочилъ на ноги и побѣжалъ какъ никогда не бѣгалъ, побѣжалъ безъ оглядки, самъ не зная куда, лишь бы подальше отъ убійцы. И чѣмъ больше я бѣжалъ, тѣмъ сильнѣе росъ во мнѣ страхъ, доходя до какого-то сумасшествія.

И развѣ не ужасно было мое положеніе? При выстрѣлѣ зоревой пушки могъ ли я сѣсть въ одну лодку съ убійцами, покрытыми еще дымящеюся кровью? Не былъ ли готовъ каждый изъ нихъ свернуть мнѣ шею, какъ только увидитъ меня? Самое мое отсутствіе не обличало ли во мнѣ тревогу и подозрѣніе?

— Кончено! — говорилъ я себѣ. — Прощай, *Испаньола!* Прощайте, сквайръ, докторъ, капитанъ! Я осужденъ на гибель отъ голода и отъ рукъ злодѣевъ.

Среди такихъ горькихъ размышленій я все бѣжалъ и бѣжалъ. Самъ не помню, какъ я прибѣжалъ къ подножію одного изъ холмовъ въ той части острова, гдѣ зеленые дубы были не такъ густы и гдѣ виднѣлись мѣстами высокія, стройныя сосны. Воздухъ былъ тутъ свѣжѣе и чище, чѣмъ въ болотѣ.

Тутъ новая тревога и новый страхъ заставили мое бѣдное сердце еще сильнѣе забиться въ измученной груди.

Съ холма посыпался внизъ мелкій булыжникъ. Услыхавъ этотъ характерный шумъ, я невольно обернулся въ ту сторону, откуда онъ послышался, и увидалъ за сосною какое-то странное существо, тихонько кравшееся ко мнѣ. Я не могъ опредѣлить, что это за существо, не то медвѣдь, не то большая обезьяна, не то человѣкъ. Я замѣтилъ только, что оно было черное и косматое. Отъ страха я окончательно застылъ на мѣстѣ. Я понялъ, что погибаю: сзади меня были убійцы, а передо мной — это невѣдомое страшилище.

Я недолго колебался въ выборѣ и рѣшилъ, что ужъ лучше пусть убьетъ Сильверъ, чѣмъ этотъ подозрительный лѣсной житель.

Я повернулъ пятки и пустился старой дорогой, тревожно оглядываясь назадъ.

Судьба меня положительно преслѣдовала. Таинственный звѣрь, сдѣлавъ большой обходъ, снова появился передо мною и шелъ мнѣ прямо навстрѣчу.

Я падалъ отъ усталости, но будь это даже утормъ, когда я былъ свѣжъ и не утомленъ, я все равно не могъ бы состязаться въ быстротѣ съ подобнымъ соперникомъ. Онъ мелькалъ между деревьями какъ самая быстроногая лань, хотя имѣлъ всего двѣ ноги... Я наконецъ разсмотрѣлъ и убѣдился, что это странное существо былъ человѣкъ.

Мнѣ пришли на память рассказы о людодѣлахъ. Я уже хотѣлъ было закричать о помощи, но меня вдругъ успокоила мысль, что я имѣю дѣло все-таки съ человѣкомъ, хотя и съ дикимъ. Я подумалъ, что онъ быть можетъ все-таки не до такой степени свирѣпъ, какъ Сильверъ. Я остановился, чтобы обдумать, нельзя ли какъ нибудь вывернуться, и вспомнилъ, что у меня есть пистолеть. Ко мнѣ вернулась храбрость. Я рѣшительно повернулся и смѣло пошелъ навстрѣчу незнакомцу.

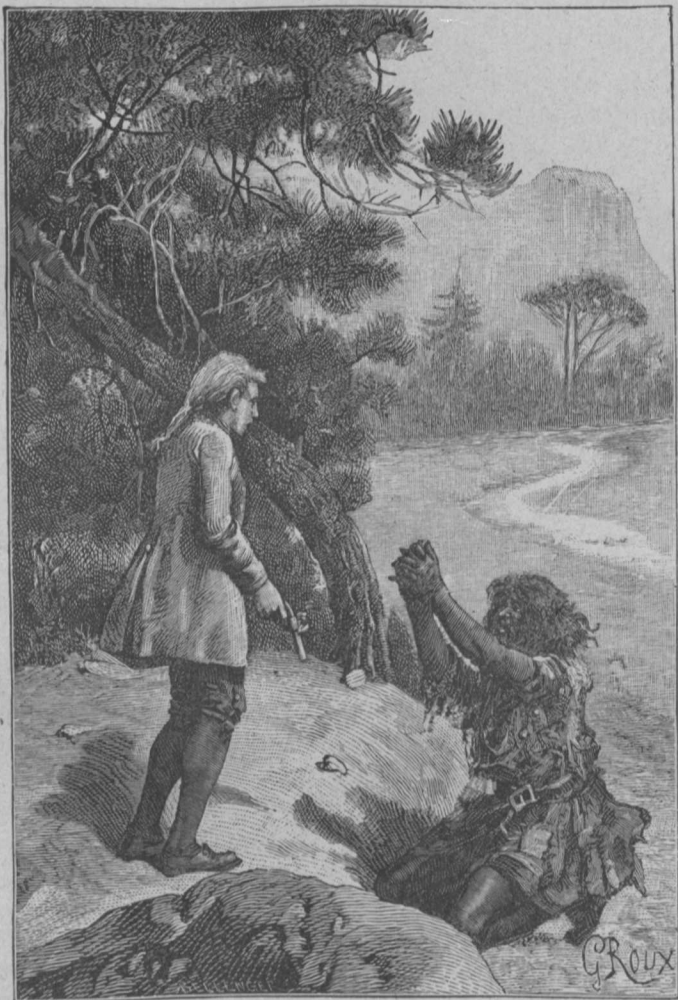
Послѣдній спрятался за древесный стволъ, но видно было, что онъ за мной наблюдаетъ, потому что, замѣтивъ мое движеніе, онъ сейчасъ же сдѣлалъ шагъ въ мою сторону. Нерѣшительно постоявъ на мѣстѣ, онъ отступилъ назадъ, потомъ вдругъ къ моему великому удивленію и конфузу бросился передо мной на колѣна и съ мольбою протянулъ ко мнѣ руки.

Я остановился какъ вкопанный,

— Кто вы такой?—спросилъ я.

— Бенъ Гуннъ,—оавѣчалъ незнакомецъ, хриплый голосъ котораго напомнилъ мнѣ звукъ заржавленнаго замка. — Я бѣдный Бенъ Гуннъ. Вотъ уже три года какъ я не говорилъ ни съ одной душой человѣческой.

Я взглянулъ и замѣтилъ, что незнакомецъ былъ такой же бѣлый человѣкъ, какъ и я, и съ довольно пріятнымъ лицомъ. Кожа на всемъ его тѣлѣ загорѣла до послѣдней возможности, такъ что даже губы почернѣли, и тѣмъ страннѣе было видѣть на такомъ смугломъ лицѣ совершенно свѣтлые, сѣверные глаза. Такихъ лохмотьевъ, какъ на этомъ чудакѣ, я въ жизнь свою не видывалъ. Его нарядъ состоялъ изъ курьезнѣйшаго соединенія остатковъ матроской одежды съ обрывками парусины. Соединеніе это подерживалось цѣлою системой самыхъ разнообразныхъ застежекъ: тутъ были и мѣдныя пуговицы, и маленькія деревяшечки, и ку-

...«Онъ бросился передо мной на колѣна»... (Стр. 98).

сочки пропитанной дегтемъ бичевки. Единственной солидной принадлежностью смѣхотворнаго костюма былъ старый кожаный поясъ съ широкою пряжкой, которымъ мой чудакъ былъ подпоясанъ поверхъ своего жалкаго отрепья.

— Три года!—вскричалъ я.—Вы должно быть потеряли крушеніе здѣсь?

— Нѣтъ, родной,—отвѣчалъ онъ,—я несчастный *марронъ*.

Слово было мнѣ знакомо. Оно относилось къ отвратительному наказанію, которое въ большомъ ходу у пиратовъ. Наказаніе состоитъ въ томъ, что виноватаго высаживаютъ на какойнибудь необитаемый островъ, даютъ ему небольшой запасъ пороха и пуль и оставляютъ такъ навсегда.

— Да,—продолжалъ онъ,—*марронъ*, и вотъ уже три года какъ я такъ живу. Все это время я питался мясомъ дикихъ козъ, дикими ягодами, да устрицами. Ужъ такъ человѣкъ устроенъ: куда бы онъ ни пональ, вездѣ отыщеть чѣмъ жить. Но только мнѣ эта собачья жизнь ужасно надоѣла, ужасно, ужасно... Какъ бы мнѣ хотѣлось съѣсть теперь кусочекъ сырку!... Нѣтъ ли съ вами кусочка, а?... Нѣтъ? Очень жаль. Я очень часто вижу по ночамъ во снѣ огромный кусокъ сыра и будто бы я ѣмъ его... Но, увы, все это только во снѣ...

— Если мнѣ когданибудь удастся вернуться на свой корабль,—сказалъ я,—то будьте увѣрены, что вы получите сыру вволю.

Все это время онъ то ощупывалъ матерію на моемъ кафтанѣ, то гладилъ мои руки, то любовался на мои башмаки, замѣтно радуясь, что видитъ передъ собой человѣка. Но при послѣднихъ моихъ словахъ онъ вздрогнулъ и поднялъ на меня глаза съ какимъ-то дикимъ испугомъ.

— Если вамъ удастся вернуться на корабль? — переспросилъ онъ.—А кто же вамъ не велитъ?

— Разумѣется не вы, я въ этомъ увѣренъ,—отвѣчалъ я.

— О, разумѣется... Но какъ васъ зовутъ, дорогой мой?

— Джимомъ.—отвѣчалъ я.

— Джимомъ!... Джимомъ! — повторилъ онъ съ восторгомъ. — Джимъ—прехорошенькое имя... Да, Джимъ, много лѣтъ я жилъ какъ собака. Неправда ли, вѣдь, глядя на меня, нельзя подумать, что и у меня была честная мать, какъ у всякаго другаго?

— По правдѣ сказать, да,—отвѣчалъ я простодушно.

— А между тѣмъ этому слѣдуетъ вѣрить. У меня была такая

мать... ну, словомъ, золото, а не мать. И самъ я былъ мальчижь очень умный и такъ всегда бойко отвѣчалъ уроки... При всемъ томъ, взгляните, Джимъ, до чего я дошелъ!... А все отчего! Оттого, что еще школьникомъ началъ играть на бильярдъ... Матушка вѣдь говорила мнѣ, пророчила. Въ ту пору я не слушался... Теперь я одумался. Въ ротъ больше никогда не возьму рому, честное слово. Развѣ рюмочку съ наперстокъ, и то при особенномъ случаѣ, если напримѣръ поздравить кого—нибудь придется или пожелать счастья. Примѣрно буду жить, помяните мое слово... И потомъ знаете, что я долженъ вамъ сказать, Джимъ? — Онъ оглянулся кругомъ и понизилъ голосъ. — Я вѣдь богатъ, очень богатъ.

— Бѣдняга помѣшался здѣсь на просторѣ-то,—подумалъ я про себя.

Должно быть онъ по выраженію моего лица угадалъ мою мысль, потому что повторилъ съ нетерпѣливою настойчивостью:

— Да, очень, очень богатъ, говорю вамъ. И знаете, что я придумалъ? Я и вамъ помогу разбогатѣть, Джимъ. Вы можете благодарить свою счастливую звѣзду за то, что она привела васъ ко мнѣ сюда перваго. Такъ-то, милый мой мальчижь!

Вдругъ онъ затуманился и, взявъ меня за руку, съ тревожнымъ видомъ поднялъ вверхъ свой указательный палець.

— Скажите мнѣ правду, Джимъ,—спросилъ онъ,—вы пріѣхали сюда не на Флинтговомъ кораблѣ?

На меня нашло вдохновеніе. Я подумалъ, что изъ бѣднаго кудака мы можемъ сдѣлать себѣ вѣрнаго союзника.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,— не на Флинтговомъ, Флинтъ умеръ. Но я скажу вамъ откровенно, что у насъ на кораблѣ есть нѣсколько человѣкъ изъ его матросовъ.

— Ужь не хромой ли одинъ, не одноногий-ли?—спросилъ упавшимъ голосомъ Бенъ Гуннъ.

— Джонъ Сильверъ?

— Да, Джонъ Сильверъ... его такъ звали...

— Увы, онъ у насъ на шкунѣ поваромъ и руководитъ всей шайкой.

Бѣднякъ, все время державшій меня за руку, крѣпко мнѣ ее стиснулъ.

— Если васъ послалъ Джонъ Сильверъ,—сказалъ онъ,—то я? погибъ, я ужъ знаю это... Но какъ вы думаете, гдѣ вы теперь

Чтобы поскорѣ его успокоить, я рассказалъ ему вкратцѣ исторію нашего путешествія и описалъ наше критическое положеніе. Онъ слушалъ меня съ глубокимъ участіемъ и по окончаніи моего разсказа возразилъ:

— Вижу, Джимъ, что ты честный, хорошій мальчикъ и что всѣ вы попали въ изрядную передрагу. Положитесь же на Бена Гунна, онъ васъ выручитъ. Только, мальчикъ, скажи мнѣ одно: хорошій ли человѣкъ твой сквайръ, достанетъ ли у него благородства, чтобы не обидѣть человѣка, который его спасетъ?

Я поспѣшилъ увѣрить, что сквайръ великодушнѣйшій, благороднѣйшій изъ людей.

— Да, знаю, все это такъ, — возразилъ Бенъ Гуннъ, — но я разсчитываю вовсе не на мѣсто доѣзжачаго или на что нибудь въ этомъ родѣ. Я, Джимъ, до подобныхъ вещей не охотникъ, онъ не по мнѣ. Но какъ ты думаешь, согласится твой сквайръ дать мнѣ... скажемъ... ну, хоть тысячу фунтовъ стерлинговъ изъ тѣхъ денегъ, которыя теперъ все равно что мои?

— Я увѣренъ, что согласится, — отвѣчалъ я. — Онъ намѣренъ каждому дать извѣстную долю.

— А возьмется ли онъ перевезти меня даромъ черезъ океанъ? — дипломатически продолжалъ Бенъ Гуннъ.

— Ручаюсь за это. Сквайръ никогда ни въ чемъ подобномъ не откажетъ. Къ тому же, вы будете намъ очень полезны какъ матросъ, если намъ удастся отдѣлаться отъ тѣхъ негодяевъ.

— Это правда, — сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ, особенно успокоенный послѣднимъ моимъ доводомъ. — Такъ постой же, я разскажу тебѣ мою исторію. Я былъ у Флинта матросомъ на *Саваннѣ*, когда онъ пріѣхалъ сюда съ шестью самыми сильными изъ насъ, чтобы закопать свой кладъ. Они провели на островѣ цѣлую недѣлю, а намъ было приказано дожидаться ихъ въ гавани. Въ одно прекрасное утро подали сигналъ и Флинтъ возвратился въ лодкѣ одинъ. Голова у него была перевязана синимъ фуляровымъ платкомъ. Возшедшее солнце прямо падало на его лицо и мы всѣ обратили вниманіе на его мертвенную блѣдность. Но замѣтъ, онъ возвращался одинъ, значить тѣ остальные были... убиты... и похоронены. Какимъ образомъ онъ это сдѣлалъ, изъ насъ такъ никто и не узналъ. Ссора ли была какая, убилъ ли онъ ихъ, или сами они умерли своей смертью, но только остался цѣлъ одинъ онъ, а прочіе погибли всѣ шестеро. Билли Бунсъ

былъ тогда подшхиперомъ, а Джимъ Сильверъ боцманомъ. Они спросили у него, куда онъ дѣвалъ кладъ. „Ступайте, ищите, если хотите,—отвѣчалъ онъ,—только знайте, что *Саванна* васъ ждать не станетъ и сейчасъ подниметъ паруса“. Такъ прямо и сказалъ... Три года спустя, я былъ уже на другомъ кораблѣ. Проходимъ мы разъ мимо острова, я и говорю: „Друзья, здѣсь зарытъ кладъ Флинта. Поѣдемте, отыщемте его“. Капитану это не понравилось, но дѣлать было нечего и онъ насъ отпустилъ. Искали мы, искали, дней двѣнадцать промучились, а такъ ничего и не нашли. Товарищи мои озлобились. Однажды вечеромъ они взяли да и сговорились уѣхать одни, а меня оставить на островѣ... Говорятъ мнѣ: „Слушай, Бенъ Гуннъ, вотъ тебѣ ружье, вотъ тебѣ заступъ, вотъ тебѣ ломъ. Оставайся и ищи себѣ Флинтонъ деньги какъ знаешь“... Сказали и уѣхали. И вотъ я живу здѣсь три года, три года не вижу ни кусочка хлѣба... Посмотри на меня, Джимъ развѣ я похожъ на простаго матроса?—Онъ подмигнулъ мнѣ и ущипнулъ меня за руку.—Я вѣдь и въ правду не простой матросъ, ты такъ сквайру и скажи. Я три года прожилъ на островѣ, видѣлъ и красные дни, и дождливые, и все думалъ о своей старушкѣ-матери... Не знаю, жива ли она... Ты и это скажи сквайру. Я и еще кое о чемъ думалъ... о многомъ... скажи ему это, Джимъ, и ущипни его за руку... вотъ такъ, какъ я тебя теперь...—И онъ меня опять ущипнулъ съ коварнымъ подмигиваньемъ, потомъ продолжалъ:—Скажи сквайру: Бенъ Гуннъ честный человѣкъ, Бенъ Гуннъ отлично понимаетъ разницу между настоящимъ джентельменомъ и рыцарями фортуны, какъ они сами себя называютъ, Бенъ Гуннъ и самъ былъ такой же...

Я остановилъ его, говоря, что ничего не понимаю изъ его словъ.

— Ну, да впрочемъ это все равно,—прибавилъ я.—Вопросъ вотъ въ чемъ: какъ мнѣ вернуться на корабль?

— Такъ ты вотъ чѣмъ смущаешься?—отвѣчалъ онъ мнѣ.—А лодка на что, которую я сдѣлалъ своими собственными руками? Она спрятана у меня за бѣлой скалой. Если тебѣ такъ хочется, то мы попробуемъ сдѣлать это ночью... А! что тамъ такое?—вскрикнулъ онъ вдругъ.

До заката оставалось еще не менѣе двухъ часовъ, а между тѣмъ по всему острову прокатился оглушительный пушечный выстрѣлъ.

— Ужъ началось!—вскричалъ я.—Это битва!.. Идите за мной... Идите скорѣе!

Забывши всё свои страхи, я что есть духу пустился бѣжать къ пристани. Мой новый знакомый отъ меня не отставалъ.

Лѣвѣй, лѣвѣй, другъ Джимъ,—кричалъ мнѣ, припрыгивая, островитянинъ.—Прячься за деревьями! Вотъ мѣсто, гдѣ я убилъ первую козу. Теперь онѣ ужъ сюда не ходятъ, напугалъ ихъ Бенъ Гуннъ. А вотъ кладбище, видишь эти бугорки?

Такъ онъ болталъ на бѣгу, не получая, да и не дожидаясь отвѣта.

Послѣ довольно долгаго промежутка за пушечнымъ выстрѣломъ раздался ружейный залпъ, потомъ опять все стихло. Вдругъ, приближаясь къ берегу, я въ четверти мили передъ собою увидаль надъ деревьями англійскій флагъ, гордо распустившійся по вѣтру.

ГЛАВА VIII.

В ы с а д к а.

(Разсказъ доктора).

Теперь моя очередь взяться за перо и разсказать то, чего Джимъ, находясь на островѣ, не могъ видѣть.

Лодки отчалили отъ *Испаньолы* въ половинѣ втораго. Мы, то-есть я, сквайръ и капитанъ, собрались въ гостиной на совѣтъ. Еслибы у насъ былъ хотя самый легкій вѣтерокъ, то мы не стали бы долго раздумывать, а напали бы на оставшихся на кораблѣ шестерыхъ разбойниковъ, обрубили бы канатъ и вышли бы въ морѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что вѣтра не было ни малѣйшаго. Къ довершенію бѣды Гунтеръ доложилъ намъ, что Гоукинсъ втихомолку забрался въ одну изъ шлюпокъ и уѣхалъ съ матросами на островъ.

Мы разумѣется ни на минуту не усомнились въ его честности, но ужаснулись за его участь. Что онъ надѣлалъ?—думали мы.— Что теперь его ждетъ? Ему не уцѣлѣть среди разбойниковъ, они убьютъ бѣднаго мальчика. Мы почти рѣшили, что онъ погибъ, и съ стѣсненнымъ сердцемъ вышли на палубу.

Жара была нестерпимая. На палубѣ между половицами буквально топилась смола. Нездоровый воздухъ нашей стоянки, пропитанный отвратительнымъ болотнымъ запахомъ, положительно кружилъ мнѣ голову до дурноты. Тутъ было настоящее гнѣздо всякой заразы. Шестъ негодяевъ растянулись на бакѣ въ тѣни большого паруса и шептались между собою. У берега виднѣлись двѣ шлюпки, причаленныя близъ устья ручья. Въ каждой сидѣло по матросу; одинъ изъ нихъ напѣвалъ пѣсню, звуки которой долетали до насъ.

Ждать сдѣлалось невыносимо. Рѣшили, что мы съ Гунтеромъ съѣздимъ въ маленькой лодкѣ узнать, нѣтъ ли чего новаго. Мы направились къ форту, обозначенному на картѣ. Это движеніе встревожило матросовъ, стерегшихъ шлюпки; они стали совѣтываться другъ съ другомъ. Еслибы они побѣжали сказать о насъ Джону Сильверу, то дѣло могло бы принять очень дурной оборотъ. Но у нихъ очевидно былъ строгій приказъ, потому что оба матроса кончили тѣмъ, что остались на своихъ мѣстахъ, и пѣвшій пѣсню снова принялся за свое музыкальное упражненіе.

Берегъ въ одномъ мѣстѣ представлялъ небольшое возвышеніе. Я нарочно направилъ лодку такъ, чтобы это возвышеніе пришлось между нами и матросами и заслонили бы насъ отъ нихъ. Выйдя на берегъ, я пошелъ какъ можно скорѣе, обвязавъ шляпу носовымъ платкомъ изъ предосторожности противъ солнечнаго удара. Въ рукахъ у меня были заряженные пистолеты.

Въ какіе-нибудь сто шаговъ я уже дошелъ до форта. Онъ былъ выстроенъ довольно остроумно на небольшомъ холмикѣ, подъ которымъ бѣжалъ ручеекъ. Фортъ состоялъ изъ четырехъугольной бревенчатой постройки съ зубцами по всѣмъ четыремъ фасадамъ; въ немъ свободно могли помѣститься сорокъ человекъ и отстрѣливаться изъ ружей. Кругомъ была расчищена довольно большая эспланада, такъ что въ случаѣ осады неприятелю негдѣ было бы укрываться отъ выстрѣловъ. Наконецъ кругомъ холма, заграждал также и ручеекъ, шелъ крѣпкій сплошной палисадъ футовъ шесть вышиною, сдѣланный изъ толстыхъ, врытыхъ въ землю бревенъ съ промежутками для стрѣльбы. Осаждающихъ можно было отлично видѣть изъ форта и стрѣлять какъ зайцевъ. Вообще фортъ былъ приспособленъ такъ, что съ горстью людей въ немъ можно было защищаться хоть противъ цѣлаго полка.

Больше всего мнѣ понравился ручей. На *Испаньолѣ* было много припасовъ, тонкихъ винъ, оружія и зарядовъ, но вода вся вышла. Я сталъ обдумывать, какимъ бы способомъ доставить воду на шкуну, какъ вдругъ раздался ужасный крикъ, — вошь человека. Я въ такихъ дѣлахъ не новичекъ и близко видывалъ смерть; я служилъ подъ начальствомъ герцога Кумберленда и самъ былъ раненъ при Фонтенуа; но этотъ вошь перевернулъ во мнѣ всю душу и заледенилъ въ жилахъ кровь.

— Это Джимъ! Его убиваютъ!—подумалъ я.

Но старый докторъ—солдатъ не потерялся. Не медля ни минуты, я вернулся на берегъ и бросился въ лодку.

Гунтеръ былъ великолѣпнымъ гребцомъ. Наша лодка буквально понеслась по водѣ. Мы быстро подплыли къ шкунѣ и я однимъ прыжкомъ махнулъ на палубу.

Тамъ разумѣется всѣ страшно волновались. Сквайръ былъ блѣденъ какъ платокъ и низко-низко повѣсилъ голову, упрекая себя за то, что завлекъ насъ въ погибель. Не въ лучшемъ состояніи духа находился также одинъ изъ матросовъ.

— Этому молодцу подобныя вещи еще въ диковинку, — сказали мнѣ капитанъ, указывая на него глазами. — Онъ чуть въ обморокъ не упалъ, когда услышалъ крикъ. Ручаюсь, что его нетрудно будетъ образумить.

Я рассказалъ капитану, что видѣлъ, и сообщилъ ему придуманный мною планъ. Капитанъ одобрилъ. Оставалось поскорѣе привести этотъ планъ въ исполненіе.

Мы поставили Редрута въ проходѣ, ведущемъ изъ гостинои въ носовую часть, загородили проходъ матрасомъ и дали Редруту четыре заряженныхъ штуцера. Гунтеръ подвелъ лодку къ кормовому окну и я съ помощью Джойса нагрузилъ на нее порохъ, ружья, сухари, ветчину, боченокъ коньяку и драгоцѣнный свой ящикъ съ медикаментами.

Сквайръ и капитанъ оставались тѣмъ временемъ на палубѣ. Когда наступилъ надлежачій моментъ, мистеръ Смолетъ громкимъ голосомъ обратился къ младшему боцману:

— Мистеръ Гандсъ, вы видите, насъ двое и у каждаго по парѣ пистолетовъ. Если который-нибудь изъ васъ хотя пальцемъ шевельнетъ, чтобы дать сигналъ на островъ, тотъ погибъ. Предупреждаю васъ. Мы не шутимъ.

Угроза ошеломила негодяевъ. Нѣсколько минутъ они пошептались между собою, потомъ всѣ шестеро бросились въ передній люкъ. Должно быть они хотѣли напасть на насъ сзади. Въ проходѣ они накнулись на Редрута съ его баррикадой и поспѣшили вернуться назадъ. Изъ люка выставилась на палубу голова одного изъ нихъ.

— Прочь, собака! — крикнулъ капитанъ, поднимая пистолетъ. Голова моментально исчезла, и такимъ образомъ мы дешево отдѣлались отъ шестерыхъ не особенно грозныхъ воиновъ.

Лодку нагрузили насколько можно больше. Мы съ Джойсомъ

спустились изъ окна и вмѣстѣ съ Гунтеромъ поплыли къ берегу, работая веслами изо всѣхъ силъ.

Второе наше путешествіе опять обратило вниманіе матросовъ, стерегшихъ лодку. Пѣвецъ опять пересталъ пѣть, и когда мы снова исчезли за береговымъ возвышеніемъ, одинъ изъ нихъ выпрыгнулъ на берегъ и куда-то скрылся. Мнѣ сначала пришло въ голову уничтожить лодки, но потомъ я сообразилъ, что Сильверъ гдѣ-нибудь недалеко и что поэтому не слѣдуетъ рисковать всѣмъ, чтобы выиграть хотя и многое, но далеко еще не все.

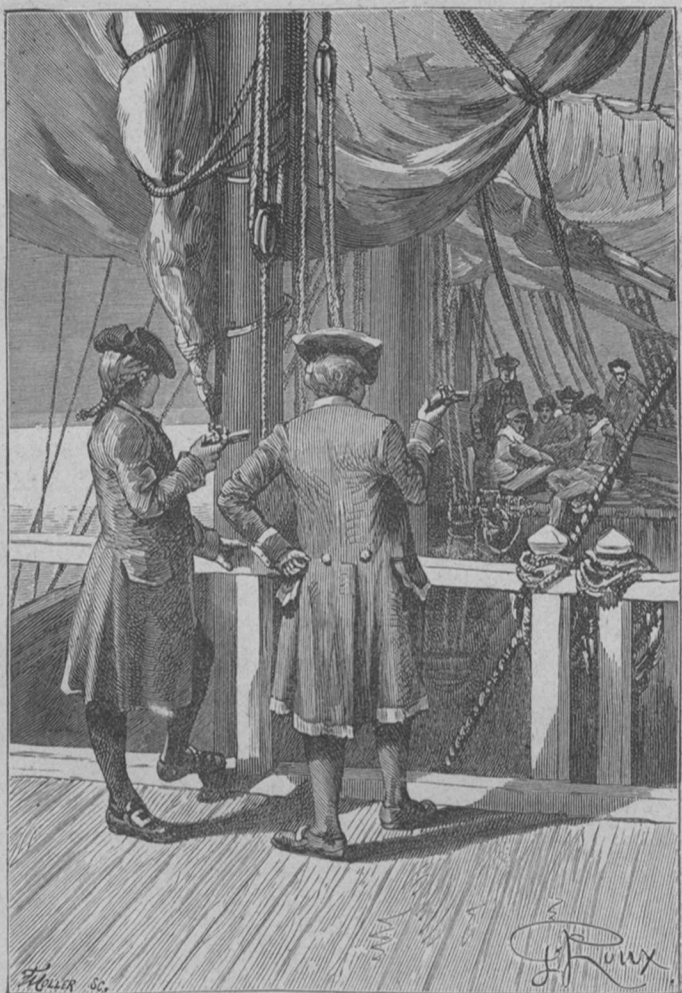
Мы причалили тамъ же, гдѣ и прежде, и принялись перетаскивать привезенные запасы въ фортъ или скорѣе въ *блокгаузъ*, такъ какъ первое названіе слишкомъ для него громко. Въ этотъ разъ мы только побросали нашъ грузъ черезъ палисадъ, такъ какъ перенести его въ самый блокгаузъ было для насъ троихъ слишкомъ тяжело и долго. Потомъ, оставивъ Джойса караулить первый нашъ транспортъ, мы съ Гунтеромъ вернулись къ лодкѣ.

Три раза безъ передышки бѣгали мы отъ лодки къ блокгаузу и обратно, потомъ, припрятавъ какъ слѣдуетъ нашъ грузъ въ блокгаузѣ, я оставилъ тамъ обоихъ слугъ и вернулся на *Испаньолу* одинъ.

Мнѣ хотѣлось привезти въ блокгаузъ еще одинъ грузъ. Съ перваго взгляда это казалось нѣмыслимымъ, но дѣло въ томъ, что хотя пираты были многочисленнѣе насъ, за то у нихъ не было ружей, а только пистолеты. Прежде чѣмъ они подошли бы къ намъ на пистолетный выстрѣлъ, мы уложили бы подюжины изъ ихъ выстрѣлами изъ ружей.

Сквайръ дожидался меня на кормѣ, совершенно оправившись отъ своего разстройства. Онъ притянулъ брошенный мною канатъ и крѣпко его привязалъ. Мы съ жаромъ принялись нагружать лодку. Грузъ на этотъ разъ состоялъ исключительно изъ солонины, сухарей и пороха, да кромѣ того каждый изъ насъ взялъ по мушкету и по кортику на человѣка. Остальное оружіе и припасы мы побросали въ воду. Какъ теперь вижу синеватый блескъ ружей и ножей подъ водою на желтомъ песчаномъ днѣ.

Наступалъ отливъ и шкуна заколыхалась на якорѣ. Въ сторонѣ шлюпокъ слышались крики и хотя мы знали, что Джойсъ и Гунтеръ находятся по другую сторону, тѣмъ не менѣе нужно было торопиться. Редрутъ оставилъ свою баррикаду и сѣлъ вмѣстѣ съ нами въ лодку, которую мы подвели ближе къ трапу, чтобы при-

...«Сввайръ и капитанъ оставались на сторожъ»...
(Стр. 109).

нять капитана. Послѣдній все время не покидалъ своего поста на палубѣ. Передъ тѣмъ какъ сойти онъ крикнулъ бунтовщикамъ:

— Эй, вы, слышите вы меня?

Отвѣта не было.

— Абраамъ Грей, это я вамъ говорю!

Опять никто не отвѣтилъ.

— Грей,—повторилъ капитанъ,—я уѣзжаю и приказываю вамъ за мной слѣдовать. Я знаю, что вы честный парень и что все ваши товарищи лучше того, чѣмъ они хотятъ быть. У меня въ рукахъ часы, Грей, и я даю вамъ ровно полминуты на сборы.

И въ третій разъ отвѣта не было.

— Ну, мальчикъ, торопись же, не задерживай насъ,—продолжалъ капитанъ.—Каждая лишняя секунда грозитъ опасностью для жизни этихъ господъ.

Тутъ подъ люкомъ послышался глухой шумъ. Кто-то съ гѣмъ-то боролся. Потомъ Абраамъ Грей выскочивъ изъ люка съ раной на щекѣ и подбѣжалъ къ своему капитану, какъ вѣрная собака на призывъ хозяина.

— Я съ вами, капитанъ,—сказалъ онъ.

Они оба сѣли къ намъ въ лодку и мы усердно заработали веслами. Итакъ, съ корабля мы выбрались благополучно. Оставалось поскорѣ укрыться подъ защиту блокауза.

Наша лодка была слишкомъ тяжело нагружена. Для такой скорлупки пятеро взрослыхъ мужчинъ были уже очень большимъ грузомъ, а съ нами было кромѣ того еще нѣсколько берковцевъ солонины, три мѣшка сухарей и огромное количество пороха. Поэтому насъ то и дѣло поливало водой и вскорѣ мои башмаки и фалды сюртука совершенно промокли.

Капитанъ разложилъ грузъ немножко поровнѣе и это нѣсколько помогло. Тѣмъ не менѣе, мы даже дышать боялись, опасаясь каждую минуту, что лодка вотъ-вотъ опрокинется.

Съ другой стороны, какъ я уже говорилъ, начинался отливъ. Отъ западной части бухты поднималось сильное теченіе и направлялось къ проливику, черезъ который мы вошли въ бухту утромъ. Уже одно волненіе представляло большую опасность для нашего углаго челнока, но кромѣ того теченіемъ относило насъ въ сторону и гвалю прямо на шлюпки, возлѣ которыхъ съ минуты на минуту могли появиться бунтовщики. Весь трудъ выпалъ на мою долю, потому что у руля сидѣлъ я.

— Я не могу править на блокгаузъ,—заявилъ я капитану, который гребъ всѣхъ съ Редругомъ.—отливъ сбиваетъ насъ съ дороги. Не можете ли вы налечь немного на лѣвую сторону.

— Никонмъ образомъ, — отвѣчалъ мистеръ Смолетъ, — иначе мы прямехонько пойдемъ ко дну. Правьте себѣ направо, насколько силь хватаетъ, правьте, пока мы не осилимъ теченія, вотъ все, что я могу вамъ сказать.

Я старался изо всѣхъ силъ, но потокъ попрежнему относилъ насъ въ сторону и вскорѣ мысъ оказался у насъ какъ разъ направо, другими словами, мы плыли параллельно берегу.

— Этакъ мы никогда не доплывемъ до берега,—сказалъ я.

— Ничего не подѣлаешь,—возразилъ капитанъ.—Намъ во всякомъ случаѣ нужно держаться мыса, иначе мы Богъ знаетъ гдѣ причалимъ, не говори уже объ опасности наткнуться на разбойничьи шлюпки. Здѣсь же теченіе въ концѣ-концовъ ослабѣетъ и намъ можно будетъ спокойно проплыть вдоль берега.

— Да оно уже слабѣетъ, — сказалъ матросъ Грей, сидѣвшій спереди.—Я думаю, что намъ можно и повернуть немного.

— Спасибо, голубчикъ,—спокойно отвѣчалъ я ему.

Мы всѣ уговорились быть съ нимъ дружны и дѣлать видъ, будто между нами не было никакого недоразумѣнія.

Вдругъ капитанъ, гребшій къ берегу и все время смотрѣвшій на шкуну, заволновался и вскрикнулъ слегка измѣнившимся голосомъ:

— Пушка!

— Я самъ думалъ объ этомъ,—отвѣчалъ я, полагая, что онъ намекаетъ на возможность бомбардировки блокгауза.—Но вѣдь имъ не на чемъ перевезти ее на берегъ, и потомъ, какъ они протасуютъ ее по лѣсу?

— Я не про то,—возразилъ капитанъ,—я хочу сказать, что сзади насъ пушка.

Дѣйствительно мы про нее забыли. Я обернулся назадъ и увидалъ, что пятеро негодяевъ снимаютъ съ нея *курточку*, какъ они называли надѣтый на нее чехоль изъ просмоленного полотна. Меня какъ обухомъ по головѣ ударило. Я вспомнилъ, что мы не догадались потопить порохъ и ядра, предназначавшіеся для пушки и спрятанные въ особой крѣпѣ-камерѣ. Негодяямъ нетрудно было выломать дверь камеры и достать все необходимое для пальбы.

— Израиль былъ у Флинта канониромъ, — замѣтилъ глухимъ голосомъ Грей.

Я смѣло направилъ лодку къ своей излюбленной пристани. Течение ослабѣло настолько, что я имѣлъ полную возможность держаться этого направленія. За то мы обратились теперь къ *Испаньоломъ* не кормой, а бортомъ, представляя такимъ образомъ очень удобную цѣль.

Я не только видѣлъ, но даже слышалъ, какъ подлець Израиль Гандсъ катилъ по палубѣ ядро, толкая его ногою.

— Кто здѣсь всѣхъ лучше стрѣляетъ? — спросилъ капитанъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія мистеръ Трелонэ, — отвѣчалъ я.

— Мистеръ Трелонэ, неудобно ли вамъ будетъ уложить одного изъ этихъ негодяевъ? — продолжалъ капитанъ, — хоть Гандса что-ли?

Трелонэ спокойно, какъ на охотѣ, осмотрѣлъ курокъ своего мушкета.

— Осторожиѣе, сэръ, берегитесь отдачи, — сказалъ капитанъ, — а то вы насъ опрокините. Приготовьтесь всѣ поддержать равновѣсіе послѣ выстрѣла.

Сквайръ прицѣлился, весла остановились, всѣ мы наклонились впередъ, чтобы поддержать равновѣсіе, и наши движенія были такъ хорошо рассчитаны, что въ лодку не влилось ни капли воды.

Бунтовщики уже повернули пушку на лафетѣ. Передъ жерломъ стоялъ Гандсъ и держалъ въ рукахъ баннигъ. Онъ выставился больше всѣхъ, но въ моментъ выстрѣла случайно нагнулся и пуля, просвиставъ у него надъ головою, попала въ одного изъ четырехъ другихъ.

Раненый закричалъ. Крику его отвѣтили не только голоса на шкунѣ, но и множество голосовъ на островѣ. Я взглянулъ на берегъ. Негодяи бѣжали изъ лѣса къ шляпкамъ.

— Капитанъ, — вскричалъ я, — шляпки!

— Ничего, правьте! — отвѣчалъ тотъ. — Что-жь дѣлать, если попадемъ въ болото... если не причалимъ, то вѣдь еще хуже будетъ.

— Одна изъ шляпокъ плыветъ на насъ, — продолжалъ я, — а прочіе матросы вѣроятно бѣгутъ отрѣзывать намъ отступленіе.

— Что-жь, пусть пеняютъ тогда на себя. Знаете пословицу: что морякъ на землѣ, что кавалеристъ пѣшкомъ... Ихъ я не бо-

юсь, а вотъ пушка... Слушайте, сквайръ: когда увидите, что подносятъ фитиль, скажите. Мы сейчасъ же дернемъ назадъ.

Такъ разговаривая, мы плыли довольно быстро, если принять въ расчетъ непомятый грузъ лодки. До берега оставалось не болѣе тридцати или сорока весельныхъ взмаховъ. Шлюпка была уже намъ не страшна, потому что мы успѣли захватить за мысь. Единственную опасность представляла для насъ пушка.

— Опасно,—сказалъ капитанъ,—а то бы я съ удовольствіемъ велѣлъ остановиться и выстрѣлить еще одинъ разокъ.

Негодня готовились выпалить. Никто изъ нихъ не обращалъ вниманія на раненаго, который кое-какъ тащился по палубѣ.

— Берегись!—крикнулъ сквайръ.

— Назадъ!—скомандовалъ капитанъ.

Редутъ и онъ разомъ повернули весла съ такою силой, что корма погрузилась въ воду. Въ ту же минуту бухнулъ выстрѣлъ. Это былъ первый, услышанный Джимомъ, такъ какъ выстрѣла сквайра онъ не слышалъ. Не знаю, куда попало ядро, но думаю, что оно пролетѣло у насъ надъ головами и произвело въ воздухѣ сотрясеніе, потопившее нашу лодку. Во всякомъ случаѣ она безъ видимой причины вдругъ затонула и всѣ мы очутились въ водѣ, на глубинѣ трехъ футовъ. Большой бѣды въ этомъ пока не было, потому что до берега мы могли идти преспокойно пѣшкомъ, но скверно было то, что затонула наша провизія и съ нею три ружья изъ пяти. Своѣ ружье я инстинктивно поднялъ надъ головою, а предусмотрительный капитанъ держалъ свое все время за плечами дуломъ внизъ.

Къ довершенію несчастья голоса изъ прибрежнаго лѣса стали доноситься до насъ все слышнѣе и слышнѣе. Намъ не только грозила опасность быть отрѣзанными отъ блокауза, но мы должны были также опасаться за Джойса и Гунтера, которыхъ могло раздавить численное превосходство непріятеля. Мы знали, что Гунтеръ былъ человѣкъ солидный, но не были увѣрены въ Джойсѣ. Послѣдній былъ учтивый, дрессированный человѣкъ, превосходный лакей, хорошо чистившій платье, но едва ли умѣвшій воевать.

Среди такихъ размышленій мы, по колѣна въ водѣ, слѣпили къ берегу, бросивъ бѣдную лодку съ доброю половиною нашего провіанта и военныхъ снарядовъ.

Выйдя на берегъ, мы краешкомъ лѣса немедленно бинулись къ блокаузу. Голоса разбойниковъ доносились до насъ явственно.

...«Сквайръ прицѣлился въ комендора»... (Стр. 115).

Мы слышали въ лѣсу топотъ бѣгущихъ людей и трескъ ломающихся сучьевъ. Я замѣтилъ, что у Грея нѣтъ оружія и отдалъ ему свой кортикъ. Стоило видѣть, съ какимъ удовольствіемъ онъ поплевалъ себѣ на руки и взмахнулъ полученнымъ оружіемъ. Нашъ обращенный грѣшникъ готовился показать себя молодцомъ.

Вскорѣ мы выбѣжали на опушку и увидали блокаузъ. Подбѣгая къ палисаду съ юга, мы увидали, что съ юга-запада къ нему съ крикомъ бѣжитъ Джонъ Андерсенъ во главѣ семерыхъ пиратовъ. Увидавъ насъ, бѣгущіе въ изумленіи остановились. Не успѣли они опомниться, какъ раздалась четыре выстрѣла, два сна-снаружи блокауза и два изнутри. Выстрѣлили я съ сквайромъ и Джойсъ съ Гунтеромъ. Стрѣляли довольно беспорядочно, тѣмъ не менѣе одинъ изъ разбойниковъ упалъ, а остальные обратили тыль и скрылись въ лѣсу.

Зарядивъ ружья, мы обошли кругомъ палисада и посмотрѣли на упавшаго человѣка. Онъ лежалъ мертвый съ пулею въ груди.

Мы готовы были возликовать, но вдругъ изъ сосѣдней чащи грянулъ пистолетный выстрѣлъ и бѣдный Редрутъ упалъ къ моимъ ногамъ. Сквайръ немедленно отвѣчалъ на выстрѣлъ, я тоже, но цѣлить было не въ кого и выстрѣлы пропали даромъ. Снова зарядивъ ружья, мы обратились къ несчастному Редруту. Капитанъ и Грей уже подняли его на руки. Съ перваго взгляда на него я увидаль, что онъ не жилецъ на свѣтѣ.

Быстрота нашихъ отвѣтныхъ выстрѣловъ вѣроятно устрашила разбойниковъ, потому что они дали намъ безпрепятственно внести раненаго въ блокаузъ. Во все время передраги и вплоть до несчастнаго выстрѣла храбрецъ безропотно исполнялъ всѣ выпадавшія на его долю порученія. Храбро стоялъ онъ въ корридорѣ, защищая баррикаду изъ матраса; молча и твердо повиновался онъ нашимъ приказаніямъ, будучи лѣтъ на двадцать старше самаго старшаго изъ насъ, и теперь былъ сраженъ первымъ и умиралъ безъ стога. Сквайръ, рыдая какъ маленькій мальчикъ, упалъ на колѣна передъ своимъ старымъ егеремъ, взялъ его за руку и прижалъ къ губамъ.

— Доекторъ, развѣ я умираю?—спросилъ слабымъ голосомъ раненый.

— Да, родной,—отвѣчалъ я откровенно, какъ онъ желалъ.— Рана твоя смертельна.

— Жаль, а то мнѣ бы хотѣлось послать имъ еще пулю или двѣ!—сказалъ онъ со вздохомъ.

—, Редрутъ!—лепеталъ сквайръ.—О, мой бѣдный Редрутъ!.. Прости меня ради Бога! Скажи, что ты меня прощаешь... Ну, скажи!

— Что вы, баринъ! Мнѣ ли васъ прощать!.. Но если вы требуете, то *аминь!*

Спусти минуту, онъ попросилъ, чтобы кто-нибудь прочиталъ молитву.

— Нельзя же безъ отходной,—прибавилъ онъ, какъ бы извиняясь.

То были его послѣднія слова. Онъ вздохнулъ еще разъ и умеръ.

Между тѣмъ капитанъ принялся опоражнивать свои карманы и тутъ только я понялъ, почему они у него такъ странно топырились всю дорогу. Онъ вынулъ изъ нихъ англійскіе флаги, связки веревокъ, чернильницу, перья, корабельный журналъ, нѣсколько пачекъ табаку и разную мелочь. Отыскавъ на дворѣ длинный шестъ, онъ съ помощью Гунтера воткнулъ его подлѣ блокауза. взобрался на крышу и собственноручно повѣсилъ на немъ одинъ изъ флаговъ.

Сдѣлавши это, онъ видимо очень обрадовался и началъ провѣрять наличность нашихъ запасовъ, какъ будто у него не было дѣла важнѣе. Это занятіе не мѣшало ему издали слѣдить за агоніей Редрута. Едва бѣдный старикъ скончался, капитанъ развернулъ другой флагъ и благоговѣнно накрылъ имъ покойника.

— Не слишкомъ горюйте, сэръ,—обратился онъ къ сквайру, пожимая ему руку.—Ему тамъ лучше, а умеръ онъ честно. Нѣтъ лучше смерти, какъ если кто умираетъ, исполняя свой долгъ...

Потомъ онъ отвелъ меня въ сторону и спросилъ:

— Докторъ Лайвей, вы черезъ сколько времени ожидаете вспомогательный корабль?

— Сочтите сами,—отвѣчалъ я.—Сквайръ условился съ Бландли, чтобы выслать корабль не раньше и не поздиѣ августа... Значитъ черезъ нѣсколько недѣль.

— Ну-съ, такъ я скажу вамъ, докторъ, что мы попались въ отличные тиски,—объявилъ капитанъ, неистово ероша себѣ волосы.

— Ничего,—возразилъ я,—Богъ дастъ выберемся.

— Жалко, что мы второй грузъ потеряли,—продолжалъ свои размышленія капитанъ.—Порохомъ и пулями обойдемся, это ничего, но провизіи, докторъ, мало, вотъ что нехорошо... Такъ мало, что быть можетъ даже и тутъ нѣтъ худа безъ добра...—При послѣднихъ словахъ онъ указалъ на мертваго Редрута и прибавилъ.

— Какъ ни говорите, а все лишній ротъ.

Надъ блокгаузомъ со свистомъ пронеслось ядро и шлепнулось гдѣ-то въ лѣсу.

— О, друзья, забавляйтесь, сколько угодно!—сказалъ капитанъ.—Хоть весь порохъ разстрѣляйте, ничего вы не сдѣлаете.

Второй выстрѣлъ былъ направленъ удачнѣе и ядро упало на дворъ блокгауза, поднявъ тучу песку и пыли, но къ счастью никому не причинивъ вреда.

— Капитанъ,—замѣтилъ сквайръ,—фортъ съ моря совершенно не виденъ. Ихъ привлекаетъ должно быть флагъ, не лучше ли спустить его?

— Флагъ спустить?—вскричалъ капитанъ.—Ни за что въ мірѣ, сэръ, какъ вы хотите.

Какъ только онъ это сказалъ, мы сейчасъ же съ нимъ невольно всѣ согласились. Флагъ былъ не только символомъ долга и чести, но вмѣстѣ съ тѣмъ и давалъ разбойникамъ знать, что мы не боимся ихъ бомбардировки.

Огонь не прекращался весь вечеръ. Ядра падали близко, то пролетая надъ блокгаузомъ, то шлепаясь на дворѣ, то попадая иногда въ крышу безъ особеннаго впрочемъ вреда. Пиратамъ приходилось цѣлить такъ высоко, что ядра, долетая до насъ, теряли силу и почти не врѣзывались въ песокъ. Они никогда не давали рикошета и вскорѣ мы совершенно перестали заниматься ими.

— Эта стрѣльба тѣмъ хороша,—замѣтилъ капитанъ,—что на вѣрное очистила лѣсъ отъ разбойниковъ. Теперь отливъ въ полной силѣ, и наши затопленные припасы не покрыты водою. Предлагаю смѣльчакамъ сходить и выручить нашу солонину.

Вывзались Грей и Гунтеръ. Вооружась съ головы до ногъ, они благополучно прошли лѣсъ и вышли на берегъ. Но разбойники тоже не дремали. Подъ защитой выстрѣловъ Гандса пятеро изъ нихъ уже выловили припасы и ружья и сложили все въ шлюпку. Джонъ Сильверъ былъ тутъ и руководилъ операціей.

У всѣхъ разбойниковъ были теперь ружья. Должно быть они достали ихъ изъ какого-нибудь извѣстнаго имъ тайника на островѣ...

А въ блокаузѣ капитанъ Смолетъ сидѣлъ надъ корабельной книгой и записывалъ въ нее слѣдующее:

„Александръ Смолетъ, шкиперъ шкуны *Испаньола*. Дэвидъ Лайвей, докторъ медицины. Абраамъ Грей, матросъ. Джонъ Трелонэ, арматоръ. Джонъ Гунтеръ и Ричардъ Джойсъ, служители предъидущаго, пассажиры. Сегодня вышеноименованныя лица, оставшись вѣрными долгу и имѣя на десять дней провизии, высадились на островъ Сокровищъ и вывѣсили надъ блокаузомъ британскій флагъ. Томасъ Редрутъ, егеръ, пассажиръ, убитъ выстрѣломъ бунтовщиковъ; Джимъ Гоукинсъ, юнга...“

Я невольно задумался надъ участіемъ бѣднаго мальчика. Вдругъ со стороны, противоположной морю, послышался чей-то голосъ, громко насъ окликавшій.

— Это намъ кричать,—сказалъ Гунтеръ, стоявшій на часахъ.

— Докторъ!.. сквайръ!.. Капитанъ!.. Гунтеръ!.. — кричалъ голосъ.

Я выбѣжалъ изъ блокауза. Джимъ Гоукинсъ, цѣлый и невредимый, лѣзъ къ намъ черезъ палисадъ.

ГЛАВА IX.

В ъ о с а д ѣ.

(Снова разсказъ Джима).

Я сказалъ, что надъ деревьями я увидѣлъ развѣвающійся англійскій флагъ. Бенъ Гуннъ тоже замѣтилъ его, остановился и проговорилъ, кладя мнѣ на плечо руку:

— Это навѣрное твой друзья.

— Охъ, нѣтъ,—отвѣчалъ я,—вѣрнѣе бунтовщики.

— Вотъ такъ сообразилъ!—вскричалъ Бенъ Гуннъ.—Да развѣ Сильверъ сталъ бы вывѣшивать англійскій флагъ? Онъ вывѣсилъ бы пиратское черное знамя... Нѣтъ, это твои друзья, больше некому. Битва уже была, твои побѣдили и заперлись въ блокгаузѣ, который нѣкогда построилъ старый Флинтъ... Ахъ, что за голова былъ старый Флинтъ!... Все-то онъ бывало предусмотрить... Ничьей власти не признавалъ онъ надъ собою... только ромъ могъ его свалить... Никого въ мірѣ не боялся... развѣ только одного Джона Сильвера.

Эта несносная болтовня въ концѣ концовъ надоѣла мнѣ до послѣдней степени.

— Право, это мнѣ нисколько не интересно!—вскричалъ я съ досадой.—Пойдемте лучше поскорѣе въ блокгаузъ.

— Нѣтъ, ужъ избавь!—вскричалъ Бенъ Гуннъ.—Слуга покорный!... Ты хорошій, славный мальчикъ, Джимъ, но все-таки мальчикъ, ребенокъ. А Бенъ Гуннъ не чучело какое нибудь, не дуракъ. Ни за что не пойду я съ тобою, ни даже за стаканъ рома.

Не пойду, покуда самъ не увижусь съ джентльменомъ, о которомъ ты мнѣ говорилъ, и пока онъ самъ не общается мнѣ того... ты знаешь чего... Не забудь же ему сказать: „Бену Гунну нужно ручательство, безъ ручательства онъ не можетъ“. И потомъ ущиши его вотъ такъ...

Онъ въ третій разъ ущишилъ меня за руку съ тѣмъ же лукавымъ видомъ какъ и прежде.

— Когда вамъ понадобится Бенъ Гуннъ,—продолжалъ онъ,—ты съумѣешь меня отыскать. Ищи тамъ же, гдѣ мы съ тобой сегодня встрѣтились... И пусть тотъ, кто придетъ за мной, держитъ въ рукѣ бѣлый платокъ. И разумѣется онъ долженъ быть одинъ... слышишь? У Бена Гунна есть на это причины. Ты сквайру такъ и скажи. Онъ самъ догадается...

— Если не ошибаюсь, — сказалъ я, — вы хотите намъ что-то предложить и требуете, чтобы сквайръ или докторъ вышли къ вамъ для переговоровъ на то мѣсто, гдѣ мы съ вами встрѣтились. Такъ я васъ понялъ?

— Такъ, только нужно назначить время. Между двумя и шестью... не забудешь?

— Хорошо. Теперь мнѣ можно идти?

— Ты ничего не перепутаешь? Главное, ручательство и важныя причины. Помни это, голубчикъ Джимъ, не забудь пожалуйста. А если ты встрѣтишь Джона Сильвера, то смотри, ничего не говори ему обо мнѣ. Не скажешь, дружокъ?... То-то же... Ахъ, если только пираты расположатся на сушѣ, много вдовъ завтра будетъ, ой, много!...

Тутъ опять раздался выстрѣлъ изъ пушки и ядро, просвиставъ у насъ надъ головами, упало на землю шагахъ въ ста отъ насъ. Бесѣда наша кончилась и мы разошлись въ разные стороны.

Пальба продолжалась еще около часа и ядра сыпались какъ градъ. Прячась отъ нихъ, я постоянно перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, но они преслѣдовали меня неумолимо. Ко всему однако можно привыкнуть. Подъ конецъ бомбардировки я хоть и не рѣшался еще подойти къ бокгаузу, который очевидно служилъ мишенью для выстрѣловъ, но уже не боялся такъ, какъ прежде, и обходомъ направился черезъ лѣсъ ближе къ берегу.

Солнце сѣло. Вѣтеръ нагибалъ слегка верхушки деревьевъ и наводилъ легкую рябь на сѣроватую гладь моря. Отливъ кончился и возлѣ берега обнаружилась цѣлая полоса песку. Въ воз-

духъ замѣтно сдѣлалось холоднѣе, такъ что я дрожалъ въ своемъ коротенькомъ камзолчикѣ.

Испаньола стояла на прежнемъ мѣстѣ, но на носу у нея развѣвался черный пиратскій флагъ. На кормѣ шкуны блеснулъ красноватый огонь, потомъ грянулъ выстрѣлъ, прокатившійся надъ моремъ и островомъ, и въ воздухѣ просвистало ядро. То было послѣднее въ этотъ день,

Я посидѣлъ еще нѣсколько времени въ своемъ убѣжищѣ. На берегу бунтовщики рубили что-то топорами; впоследствии я узналъ, что рубили они лодку, въ которой приѣхали наши на островъ. Вдали, близъ устья ручья, сквозь деревья мелькалъ большой костеръ. Между костромъ и шкуной то и дѣло сновала одна изъ лодокъ; сидѣвшіе въ ней люди смѣялись и пѣли во все горло. Куда дѣвалось мрачное настроеніе, удручавшее ихъ утромъ! Я сдѣлалъ предположеніе, что веселью ихъ немало содѣйствовалъ ромъ.

Наконецъ я рѣшился идти въ блокгаузъ. Я снова сдѣлалъ длинный обходъ берегомъ, прошелъ мимо Бѣлой Скалы, при видѣ которой вспомнилъ о лодкѣ Бена Гунна, и явился благополучно въ фортъ, гдѣ былъ принятъ съ самымъ искреннимъ радушіемъ.

Разказавъ свои приключенія, я сталъ внимательно осматривать мѣсто, гдѣ мы находились. Блокгаузъ былъ весь построенъ изъ нетесаныхъ бревенъ; полъ былъ такой же, какъ и стѣны, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приподнимался на футъ или на полфута надъ землею. Входная дверь отворялась надъ невысокимъ крыльцомъ, внизу котораго былъ устроенъ очень оригинальный искусственный бассейнъ, состоявшій просто изъ огромнаго котла съ пробитымъ дномъ, врытаго до краевъ въ песокъ. Этотъ бассейнъ наполнялся клокочущей водою изъ ручья, огибавшаго блокгаузъ. Въ домѣ не было даже признака мебели. Только въ углу стояла печь, сложенная изъ камня, и въ нее была вдѣлана старая желѣзная корзинка, сплошь покрытая ржавчиннѣй.

Деревья для постройки форта были срублены на томъ самомъ холмѣ, гдѣ онъ впоследствии возникъ. Кругомъ до сихъ поръ видѣлись пни, какъ слѣды этой генеральной порубки; песчаная почва мѣстами осыпалась, размытая дождями. Недалеко отъ палисады—а лучше, еслибъ подальше—возвышались густыми и высокими рядами деревья: ближе къ берегу—дубы, дальше, въ глубь острова—сосны.

Вечерній вѣтеръ съ визгомъ врвался во всѣ щели нашего убѣжища и сыпалъ на насъ не прекращавшійся дождь мелкаго, пылеобразнаго песку. Песокъ забивался намъ въ ротъ, въ глаза, въ уши, хрустѣлъ на зубахъ, вызывалъ чиханье, засаривалъ кушанье и даже воду въ котлѣ-бассейнѣ. Для дыма изъ печи имѣлось въ крышѣ четырехугольное отверстіе, но черезъ него выходила лишь небольшая часть дыма, а остальная расходилась по всей комнатѣ, разбѣдая намъ глаза и вызывая кашель.

Если къ этому описанію прибавить, что у Грея было перевязано лицо по случаю раны, полученной имъ при бѣгствѣ отъ разбойниковъ, а у стѣны лежалъ не погребенный трупъ бѣднаго Тома Редрута, то получится полное представленіе о нашемъ неприглядномъ и неуютномъ жилищѣ. Бездѣйствіе навело насъ на мрачныя мысли и усугубило наше уныніе. Но капитанъ Смоллетъ былъ не такой человѣкъ, чтобы надолго поддаться меланхоліи.

Онъ началъ съ того, что раздѣлилъ насъ на двѣ группы; въ одну вошли докторъ, я и Грей, а въ другую—сквайръ, Гунтеръ и Джойсъ. Потомъ, несмотря на то, что всѣ устали, онъ послалъ двухъ человѣкъ въ лѣсъ, а двухъ другихъ заставилъ копать могилу для Редрута; доктору поручено было стряпать кушанье, а меня поставили у двери на часы. Самъ капитанъ принялся расхаживать отъ одного къ другому, ободряя насъ и помогая въ чемъ нужно.

По временамъ докторъ выходилъ за дверь подышать воздухомъ и освѣжить глаза, разбѣдаемые дымомъ. Всякій разъ онъ находилъ сказать мнѣ что-нибудь.

— Капитанъ Смоллетъ молодецъ, онъ даже меня перецеголялъ, а это много значить,—говорилъ онъ мнѣ.

Въ другой разъ, подойдя ко мнѣ, онъ помолчалъ, поглядѣлъ на меня и спросилъ, нагнувъ голову на бокъ:

— А что, Бенъ Гуннъ человѣкъ, какъ ты думаешь?

— Я васъ не понимаю, сэръ,—отвѣчалъ я.—Но я не вполнѣ увѣренъ, что онъ въ здоровомъ разсудкѣ.

— Ну, это ничего. Это даже очень хорошо для него. Проживши три года на необитаемомъ островѣ, мудрено остаться въ здоровомъ умѣ и въ свѣжей памяти. Это было бы неестественно. Ты кажется говоришь, что ему очень хочется сыру?

— Да, сэръ, ужасно хочется.

— Видишь, Джимъ, какъ хорошо обо всемъ подумать. Ты вѣроятно видалъ мою табакерку? Видалъ? Знаешь, зачѣмъ я ношу ее съ собою? Вотъ зачѣмъ: я въ нее кладу всегда кусокъ пармскаго сыра. Этотъ итальянскій сыръ очень питателенъ... Теперь вотъ я и угощу имъ Бена Гунна.

Передъ ужиномъ мы похоронили бѣднаго старика Тома. Опустивъ тѣло въ яму, мы засыпали его пескомъ и нѣсколько минутъ постояли надъ могилой, обнаживъ головы. Потомъ мы занялись перетаскиваніемъ въ блокгаузъ набраннаго въ ближайшемъ лѣсу валежника. Увидавъ кучу топлива, капитанъ покачалъ головой.

— Дровъ-то много, а припасовъ мало, — сказалъ онъ. Нужно какъ-нибудь ихъ увеличить.

Поужинавъ кускомъ соленой ветчины со стаканомъ грога, вожди отошли въ сторону и стали совѣщаться.

Больше всего ихъ беспокоилъ недостатокъ провизіи. Съ тѣмъ, что у насъ было, мы не могли выдержать продолжительной осады. Поэтому вожди наши рѣшили приложить всѣ старанія, чтобы убить у мятежниковъ какъ можно больше народа и заставить ихъ или вступить въ сдѣлку, или убѣжать на *Испаньолу*. Изъ девятнадцати человѣкъ негодяевъ теперь оставалось не болѣе пятнадцати и въ томъ числѣ одинъ раненый, не считая того матроса, котораго подстрѣлили сквайръ первымъ своимъ выстрѣломъ и который можетъ быть уже успѣлъ съ тѣхъ поръ умереть. Рѣшили стрѣлять въ бунтовщиковъ при каждомъ удобномъ случаѣ, а самимъ по возможности прятаться отъ выстрѣловъ. Сверхъ того мы могли рассчитывать на двухъ могущественныхъ союзниковъ,—на ромъ и на климатъ.

Первый уже давалъ себя знать. Хотя пираты расположились отъ насъ болѣе чѣмъ въ полумилѣ, тѣмъ не менѣе до насъ отчетливо доносились ихъ громкій говоръ, пѣсни и смѣхъ, не умолкавшіе до глубокой ночи. Относительно же климата докторъ объявилъ, что, по его мнѣнію, не пройдетъ недѣли, какъ люди, устроившіе свой лагерь въ болотѣ, начнутъ какъ мухи умирать отъ злокачественной лихорадки.

— Тогда они образумятся и вернутся на шкуну, — прибавилъ онъ. — Наша *Испаньола* хорошій корабль, на ней очень хорошо можно разбойничать.

— Она будетъ первымъ кораблемъ, который я потеряю,—замѣтилъ вскользь капитанъ.

Я усталъ до смерти, но все-таки долго не могъ заснуть, волнуемый впечатлѣніями пережитаго дня. Въ концѣ-концовъ однако я задалъ отличную высыпку.

Когда я проснулся, всѣ уже были на ногахъ и успѣли позавтракать. Меня разбудило восклицаніе: „Бѣлый флагъ!“

Затѣмъ раздалось другое. Въ голосѣ говорившаго слышалось крайнее изумленіе:

— Да это самъ Сильверъ!

За полисадомъ стояли двое. Одинъ махалъ бѣлымъ платкомъ, а другой былъ самолично Джонъ Сильверъ, невозмутимый какъ всегда.

Было еще очень рано. Утро было такое свѣжее, что холодъ буквально пронизывалъ до костей. На ясномъ голубомъ небѣ не бѣлѣло ни единого облачка, встающее солнце золотило верхушки деревьевъ. Подошва холма, гдѣ стоялъ съ своимъ путникомъ Сильверъ, была еще въ тѣни и окутана густою мглою поднимавшихся надъ болотомъ паровъ. Холодъ и мгла очень дурно рекомендовали климатъ острова. Мѣстоположеніе очевидно было сырое, нездоровое, даже можно сказать убійственное.

— Спрячьтесь всѣ!—вскричалъ капитанъ.—Я увѣренъ, что тутъ кроется какая-нибудь каверза... Эй, кто идетъ? Стой!..

— Парламентерскій флагъ! отвѣчалъ Сильверъ.

Капитанъ осторожно вышелъ изъ дверей, обернулся назадъ и сказалъ:

— Грушка доктора на сѣверъ, Джимъ на востокъ, Грей на западъ. Другая грушка пусть передаетъ заряженныя ружья... Смотри въ оба, ребята!

Затѣмъ онъ снова повернулся къ мятежникамъ и спросилъ:

— Что вамъ надобно?

На этотъ разъ отвѣчалъ не Сильверъ, а его спутникъ.

— Капитанъ Сильверъ, сэръ, предлагаетъ перемиріе.

— Капитанъ Сильверъ?.. Не знаю такого... Кто же это? — И мистеръ Смолетъ буркнулъ про себя въ бороду: — Капитанъ!... Успѣлъ ужъ и чинъ себѣ присвоить!..

Джонъ отвѣчалъ самъ за себя:

— Это я, сэръ. Бѣдные матросы выбрали меня капитаномъ послѣ вашего... *дезертирства* (Сильверъ сдѣлалъ на этомъ словѣ сильное удареніе). Мы готовы покориться, если намъ предложить сносныя условія. А пока я прошу только, чтобы вы, капитанъ,

...«Оба дипломата курили молча, поглядывая другъ на друга»...
(Стр. 133).

дали мнѣ слово не трогать меня и не начинать враждебныхъ дѣйствій, покуда я не уйду изъ-подъ выстрѣловъ.

— Вотъ что, парень, мнѣ съ тобой не о чемъ говорить. Если же тебѣ нужно что-нибудь мнѣ сказать, то какъ хочешь. Говори, пожалуй. Я, такъ и быть, выслушаю.

— И прекрасно. Значить, даете слово? — вскричалъ весело Джонъ.—Я знаю, вы человѣкъ порядочный. Я вамъ вѣрю.

Спутникъ Сильвера хотѣлъ его удержать, что и было понятно послѣ невѣжливаго отвѣта капитана, но Сильверъ только засмѣялся, потрепалъ матроса по плечу и ловко полѣзъ черезъ палисадъ, перебросивъ сначала свой костыль.

Я такъ развлекся этой сценой, что даже забылъ о своей обязанности, забылъ, что я стою на часахъ, и на ципочкахъ подкрался сзади къ капитану, который усѣлся на порогѣ, посвистывая и поглядывая на врытый въ землю котель, въ которомъ бурлила ключевая вода. Сильверъ съ трудомъ взобрался на крутой холмъ и, весь потный отъ усилія, подошелъ къ капитану съ самымъ вѣжливымъ и почтительнымъ поклономъ.

Для свиданія съ капитаномъ Сильверъ прифрантился. Онъ облѣкся въ какой-то длиннѣйшій и широчайшій сюртукъ съ свѣтлыми пуговицами и ухарски надвинулъ на затылокъ чудовищную шляпу съ галунами.

— А, любезный, добрались,—сказалъ капитанъ, переходя почему-то съ Джономъ опять на вы.—Садитесь, вы должно быть устали.

— А развѣ вы не позволите мнѣ войти въ домъ, капитанъ?—спросилъ бывший поваръ съ упрекомъ въ голосѣ,—На песокъ-то вѣдь теперь сидѣть холодно.

— Кто же виноватъ, что вы не сидите теперь въ теплѣ у печки?—возразилъ капитанъ. Одно изъ двухъ: или вы мой корабельный поваръ, тогда я не могу обращаться съ вами какъ съ равнымъ; или вы капитанъ Сильверъ, бунтовщикъ и пиратъ, тогда вы опять-таки имѣете право лишь на висѣлицу.

— Оставимъ это, капитанъ, — отвѣчалъ Сильверъ, усаживаясь на землю.—Изъ васъ же кому-нибудь послѣ придется меня поднимать... А знаете, вѣдь у васъ здѣсь очень хорошо... Вотъ и Джимъ... Мое почтеніе, докторъ... Да вы здѣсь отлично устроились, право.

— Если вамъ въ самомъ дѣлѣ нужно что-нибудь сказать, то говорите скорѣе,—перебилъ капитанъ.

— Совершенно вѣрно, капитанъ, именно такъ. Долгъ прежде всего... Ну-съ, нынче ночью вамъ пришла въ голову отличная мысль. Ей-Богу, великолѣпная. Кто-то здѣсь изъ васъ молодець. Не скрою, что многихъ изъ насъ это обстоятельство сильно поколебало... быть можетъ даже всѣхъ поколебало... быть можетъ даже и меня самого... По крайней мѣрѣ я заблагоразсудилъ вступить въ переговоры... Но знайте, капитанъ: двухъ разъ этому не бывать. Мы, если понадобится, будемъ осторожниѣе и убавимъ порцію рома... Вы быть можетъ думаете, что мы всѣ были пьяны? Ошибаетесь, я былъ совершенно трезвъ. Я только усталъ какъ собака. И все-таки я чуть-чуть не поймалъ вашего человѣка на мѣстѣ преступленія. Одна секунда—и поймалъ бы. Увѣряю васъ, что мой матросъ еще не успѣлъ умереть, когда я подошелъ къ нему. Честное слово, онъ былъ еще живъ.

Все это было для капитана китайскою грамотой, но на его физиономіи не выражалось ни малѣйшаго удивленія. На ней ровно ничего не выражалось.

— Ну-съ, дальше-съ!—сказалъ онъ спокойно, какъ будто все понималъ.

За то я начиналъ все понимать. Мнѣ пришло на память слова Бена Гунна. Я сообразилъ, что это онъ сдѣлалъ ночной визитъ къ пиратамъ, когда тѣ лежали безъ заднихъ ногъ послѣ обильнаго возліянія рома. Я съ наслажденіемъ высчиталъ, что у насъ теперь осталось только четырнадцать человѣкъ мятежниковъ.

— Перехожу къ дѣлу, — продолжалъ Сильверъ. — Мы хотимъ достать кладъ во что бы то ни стало и достанемъ. Въ этомъ весь вопросъ. Что касается до васъ, то вы, я полагаю, не прочь сохранить свою жизнь? Въ такомъ случаѣ все зависитъ отъ васъ самихъ. У васъ есть карта, капитанъ?

— Очень можетъ быть.

— Ну, ну, нечего скрытничать. Отчего не сказать прямо? Вѣдь я, все равно, знаю, что она у васъ. Такъ вотъ ее-то намъ и нужно. А затѣмъ, капитанъ, я никогда не желалъ вамъ зла.

— О, я очень хорошо знаю всѣ ваши намѣренія. Не безпокойтесь, намъ рѣшительно все извѣстно. Только увѣряю васъ, что вамъ не удастся исполнить своихъ замысловъ.

— Это вы говорите со словъ Грея!—вскричалъ Сильверъ.—Не вѣрьте ему пожалуйста, онъ...

— Со словъ Грея?.. Грей ничего мнѣ не говорилъ, я ни о чемъ его не спрашивалъ, да никогда и не спрошу, чортъ бы васъ всѣхъ побралъ.

Эта вспышка какъ будто нѣсколько успокоила Сильвера который продолжалъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Ну, что-жь... ну, хорошо... Пусть будетъ такъ. Не мое дѣло судить о томъ, что джентельменъ считаетъ вопросомъ чести... Но такъ какъ вы закуриваете трубку, капитанъ, то позвольте ужъ закурить и мнѣ.

Онъ набилъ свою трубку и закурилъ. Нѣсколько минутъ оба дипломата курили молча, то поглядывая другъ на друга, то поправляя въ трубкахъ табакъ, то наклоняясь и сплевывая. Стоило поглядѣть на нихъ. Настоящая была комедія.

— Итакъ,—заговорилъ наконецъ Сильверъ,—вотъ мои условія... Вы отдадите намъ карту острова и обѣщаете не убивать моихъ людей. Съ своей стороны я предоставляю вамъ на выборъ: или возвращаетесь на шкуну и мы, послѣ нагрузки клада, отвеземъ васъ, куда вы прикажете, въ чемъ готовъ дать даже письменное обязательство, или оставайтесь здѣсь, такъ какъ я не скрою, что наши молодцы народъ не слишкомъ надежный... Провизію мы раздѣлимъ поровну и я дамъ вамъ слово — даже письменно, если хотите—объявить о васъ первому встрѣчному кораблю. Я высказался откровенно. Чортъ меня побери, если вы могли разсчитывать на такія легкія условія. И я надѣюсь... — На этомъ мѣстѣ онъ вдругъ возвысилъ голосъ: — Я надѣюсь, что въ блокаузѣ меня слышать всѣ, такъ какъ я говорю это всѣмъ.

Капитанъ всталъ и вытряхнулъ пепель изъ трубки къ себѣ въ ладонь.

— Все?—спросилъ онъ.

— Конечно все, — отвѣчалъ Джонъ Сильверъ. — Если вы не согласитесь на эти условія, то ужъ пощады не ждите.

— Очень хорошо, — сказалъ капитанъ. — Такъ слушайте же и вы, мятежники, бандиты. Если вы согласны изъявить покорность и явиться сюда по одиночкѣ и безъ оружія, то я даю слово заковать васъ въ цѣпи, посадить въ трюмъ и отвезти въ Англію для отдачи подъ судъ. Если же вы этого не сдѣлаете, то не будь я Александръ Смолетъ и не развѣвайся здѣсь надъ нами англійскій флотъ, если вы не пойдете у меня всѣ къ дьяволу!.. Клада вамъ не найти ни за что. Вы неспособны вести корабль, вы даже драться

путемъ не умѣете: Грей справился одинъ съ пятерыми изъ васъ. Вы не туда попали, мистеръ Сильверъ, и скоро сами въ этомъ убѣдитесь. Даю вамъ въ этомъ честное слово, а вы знаете, что вашъ капитанъ своимъ словомъ никогда не шутить. Предупреждаю, что я съ вами говорю въ послѣдній разъ, и пушу въ васъ пулю, какъ только еще разъ васъ увижу, такъ вы и знайте... Довольно. Убирайтесь отсюда по добру, по здорову. Налѣво кругомъ марш!..

Стоило посмотрѣть, какъ исказилось у Сельвера лицо. Глаза загорѣлись и запрыгали, точно собираясь выскочить. Онъ яростно вытрясъ пепель изъ трубки и вскричалъ.

— Помогите мнѣ встать!

— Очень нужно, — отвѣчалъ капитанъ.

— Дайте же мнѣ кто-нибудь руку! — заоралъ поваръ.

Никто изъ насъ не двинулся на его зовъ. Отвратительно ругаясь, доползъ онъ до крыльца и опираясь на него, кое-какъ поднялся на костыль. Послѣ того онъ злобно плюнулъ въ бассейнъ и крикнулъ:

— Видѣли? Вотъ вы всѣ что такое!.. Пойдите, дайте срокъ; мы разнесемъ вашъ блокаузъ по бревнышку... Смѣйтесь, смѣйтесь!.. Неизвѣстно еще, на чьей улицѣ будетъ праздникъ... Мы вамъ зададимъ!..

Онъ заковылялъ по песку и добрался до палисада. Раза четыре принимался онъ перелѣзать черезъ палисадъ безъ посторонней помощи, но подъ конецъ вынужденъ былъ принять помощь отъ человѣка со знаменемъ. Послѣ этого они оба скоро исчезли въ лѣсу.

ГЛАВА X.

П р и с т у п ь .

Вернувшись въ блокаузъ, капитанъ сразу увидалъ, что ни одинъ изъ насъ не былъ на своемъ мѣстѣ, исключая Грея. Онъ не на шутку разсердился. Мы никогда еще не видали его такимъ взбѣшеннымъ.

— По мѣстамъ!—гаркнулъ онъ громовымъ голосомъ.

Мы сконфуженно кинулись со всѣхъ ногъ исполнять строгое приказаніе. Капитанъ продолжалъ кричать:

— Грей, я отмѣчу въ корабельномъ журналѣ, что вы хорошо исполняете свой долгъ... Мистеръ Трелонэ, я на васъ удивляюсь!.. Докторъ, вы кажется говорили, что служили въ военной службѣ; если вы такъ же точно вели себя при Фонтенуа, то лучше бы вамъ было оставаться за печкой!..

Мы всѣ молчали. Капитанъ снова заговорилъ, но уже другимъ голосомъ:

— Друзья мои, вѣдь я для вашей же пользы... Вы, я думаю, сами сейчасъ слышали, что негодяи собираются сдѣлать приступъ. Насъ меньше числомъ, но за то мы находимся подъ прикрытіемъ стѣны форта и сверхъ того я до этой минуты думалъ, что у насъ есть преимущество дисциплины... Каково же было мнѣ ошибиться!.. А вѣдь это преимущество зависитъ ужь чисто отъ насъ самихъ.

Онъ обошелъ всю комнату и осмотрѣлъ все ли въ порядкѣ, всѣ ли на своихъ мѣстахъ и заряжены ли ружья.

На восточной и западной сторонѣ блокауза было только по одной бойницѣ; на южной сторонѣ было двѣ, а на сѣверной пять. Оружія у насъ было достаточно—двадцать мушкетовъ. Мы взяли и разложили дрова на четыре кучи соотвѣтственно каждой сторонѣ дома, устроивъ такимъ образомъ нѣчто въ родѣ четырехъ столовъ. На каждый столъ положили четыре заряженныхъ ружья съ достаточнымъ количествомъ зарядовъ и по нѣскольکو кортиковъ.

— Загасите огонь,—сказалъ капитанъ,—теперь не холодно, а то дымъ глаза очень ѣстъ.

Мистеръ Трелонэ взялъ желѣзную корзинку, вынесъ ее на улицу и выбросилъ тлѣющія головни на песокъ, гдѣ онѣ скоро погасли.

— Джимъ еще не завтракалъ,—продолжалъ капитанъ.—Закуси, Джимъ, и становись на свое мѣсто. Кушай на здоровье, но только попровориѣ, мальчикъ... Гунтеръ, всѣмъ по стакану виски.

Покуда пили грогъ, капитанъ доканчивалъ изложеніе составленнаго имъ плана защиты.

— Докторъ,—говорилъ онъ,—вы становитесь у двери. Смотрите въ оба, но не слишкомъ выставляйтесь впередъ, когда будете стрѣлять черезъ сѣни. Гунтеръ встанетъ на восточной сторонѣ, а Джойсъ на западной... Такъ... хорошо... Мистеръ Трелонэ, вы здѣсь самый лучший стрѣлокъ; становитесь съ Греемъ на сѣверной сторонѣ, гдѣ пять бойницъ. Тутъ самое опасное мѣсто. Если они станутъ стрѣлять въ насъ черезъ наши собственныя бойницы, то намъ придется очень плохо... Джимъ, насчетъ стрѣльбы мы съ тобою никуда не годимся. Будемъ же вдвоемъ заряжать ружья и помогать, гдѣ понадобится.

Между тѣмъ утренній холодъ дѣйствительно прошель.

Солнце проглянуло изъ-за деревьевъ и сейчасъ же наводнило нашу поляну горячимъ свѣтомъ, отъ котораго моментально разсѣялся весь туманъ. Остывшій песокъ быстро накалился и на бревнахъ блокауза показалась вытопившаяся смола. Мы скинули сюртуки и камзолы, засучили рукава рубашекъ и встали по своимъ мѣстамъ, нѣсколько возбужденные отъ ожиданія кровавой рязвязки.

Прошелъ цѣлый часъ.

— Чортъ возьми!—сказалъ капитанъ.—Нѣтъ ничего хуже подобнаго жданья! Ужь скорѣ бы!..

Только что онъ это произнесъ, какъ показались первые признаки приближающагося штурма.

— Сэръ,—спросилъ Джойсъ съ своей обычной вѣжливостью,—долженъ ли я стрѣлять, если увижу кого-нибудь?

— Конечно!—вскричалъ капитанъ.—Вѣдь я же вамъ говорилъ.

— Благодарю васъ, сэръ,—отвѣчалъ Джойсъ съ тою же неизмѣнной вѣжливостью.

Еще ничего не было, но мы уже насторожились. Стрѣлки звякнули ружьями, а капитанъ остановился посреди комнаты, сжавъ губы и сдвинувъ брови.

Такъ прошло еще нѣсколько минутъ. Но вотъ Джойсъ приложился и выпалилъ. Вслѣдъ за его выстрѣломъ кругомъ блокауза раздался оглушительный залпъ. Пули шлепнулись о стѣны зданія, но ни одна не влетѣла внутрь. Когда дымъ разсѣялся, кругомъ были попрежнему тишина и спокойствіе. Въ лѣсу не шевельнулась ни единая вѣтка, ни одинъ ружейный стволъ не блеснулъ сквозь чащу.

— Вы попали?—спросилъ капитанъ.

— Нѣтъ, сэръ, не думаю,—отвѣчалъ Джойсъ.

— По крайней мѣрѣ не лжетъ, и это хорошо,—пробормоталъ капитанъ,—Заряди ему ружье, Джимъ... Сколько ихъ съ вашей стороны, докторъ, на вашъ взглядъ?

— Я могу сказать точно,—отвѣчалъ докторъ,—въ мою сторону было сдѣлано три выстрѣла, два вмѣстѣ, а одинъ немного запаздѣе.

— Значить трое,—сказалъ капитанъ.—А съ вашей сколько, мистеръ Трелонэ?

Тутъ было труднѣе сосчитать. Съ сѣвера наступало много: по мнѣнію сквайра семь человѣкъ, а по мнѣнію Грея восемь или десять. Съ востока и запада раздалось только по одному выстрѣлу. Очевидно атака велась собственно только съ сѣвера, а остальные выстрѣлы были простой уловкой, чтобы отвлечь вниманіе осажденныхъ. Но капитанъ не измѣнилъ черезъ это своихъ распоряженій. По его мнѣнію оставлять безъ защиты какой либо пунктъ крѣпости было опасно.

Да у насъ и времени не было раздумывать. Съ сѣвера изъ лѣсу вдругъ выскочила толпа бандитовъ и устремилась на палисадъ. На насъ посыпался снова цѣлый градъ пуль и одна пуля разбила въ куски ружье доктора.

Мятежники точно обезьяны лѣзли на приступъ палисада. Сквайръ и Грей выстрѣлили каждый по два раза, выстрѣлъ за выстрѣломъ... Упало трое, одинъ головою по нашу сторону палисада, а двое по ту сторону. Одинъ изъ этихъ двухъ былъ впрочемъ не столько раненъ, сколько напуганъ, потому что онъ сейчасъ же вскочилъ и пустился на утекъ черезъ лѣсъ.

Четыремъ прочимъ разбойникамъ удалось перелѣзть черезъ палисадъ, между тѣмъ какъ остальные семеро, прячась въ лѣсу, поддерживали противъ блокгауза усиленный и хорошо направленный огонь.

Перескочившіе черезъ заборъ тотчасъ же бросились на насъ, испуская дикіе крики. Оставшіеся въ лѣсу тоже кричали, ободряя ихъ. Мы стрѣляли непрерывно, но такъ торопливо, что ни одинъ выстрѣлъ не попалъ пока въ цѣль. Въ одинъ мигъ нападающіе выбѣжали на холмъ и устремились къ дому.

Въ средней бойницѣ первымъ показалось лицо Джона Андерсена.

— На штурмъ! — кричалъ онъ. — На штурмъ!... Всѣ сюда!... Другой разбойникъ схватилъ ружье Гунтера за дуло, вырвалъ его изъ рукъ у несчастнаго и нанесъ послѣднему черезъ амбразуру сильный ударъ прикладомъ въ самую грудь, такъ что тотъ безъ чувствъ повалился на полъ. Третій разбойникъ обѣжалъ кругомъ дома и появился въ дверяхъ противъ доктора, махая кортикомъ.

Относительное положеніе обѣихъ сторонъ круто измѣнилось. Прежде *мы* стрѣляли изъ-подъ прикрытія, а теперь *въ насъ* цѣлили невидимые враги, для которыхъ наши выстрѣлы были безвредны. Къ счастью стоялъ такой дымъ, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Это насъ до нѣкоторой степени спасало. Я слышалъ только смутные крики, пистолетные выстрѣлы и стоны раненыхъ. Потомъ изъ всего этого гула отчетливо выдѣлился голосъ капитана:

— На вылазку, друзья!.. На ножи!.. Всѣ на вылазку!..

Я схватилъ первый попавшійся кортикъ и кто-то въ эту минуту нанесъ мнѣ рану въ кисть руки. Но я почти не обратилъ на это вниманія, потому что торопился выбѣжать вонъ. Я увидалъ доктора, который гналъ своего противника къ подножію холма, цѣлясь ему въ голову изъ мушкета.

— Не уходите далеко отъ дома, ребята!..—кричалъ капитанъ.

Несмотря на шумъ, я замѣтилъ въ его голосѣ сильную перемѣну. Я безсознательно повиновался и повернулъ за восточный уголъ дома. Тутъ я лицомъ къ лицу наткнулся на Джона Андер-

... «Я успѣлъ уклониться отъ Джона Андерсена»... (Стр. 141).

сена, который дико заоралъ и кинулся на меня съ поднятымъ кортикомъ. Я даже испугаться не успѣлъ; быстрѣе молніи отскочилъ я въ сторону отъ удара и, споткнувшись на пескѣ, покатился головою внизъ по склону холма. Мелькомъ я замѣтилъ что къ палисаду бѣжали остальные бандиты. Одинъ изъ нихъ, въ красной шапкѣ, уже сидѣлъ верхомъ на заборѣ, держа въ зубахъ кортикъ; немного поодаль выставилась голова другаго. Все это произошло такъ быстро, что, поднявшись съ земли, я увидалъ обоихъ все въ томъ же положеніи. А, между тѣмъ, въ этотъ краткій мигъ рѣшилась участь сраженія и рѣшилась въ нашу пользу.

Бѣжавшій слѣдомъ за мною, Грей убилъ Андерсена, прежде чѣмъ тотъ, промахнувшись въ меня, успѣлъ снова поднять руку съ кортикомъ. Другой разбойникъ былъ убитъ наповалъ въ ту самую минуту, какъ онъ только что выстрѣлилъ въ одну изъ амбразуръ. Онъ лежалъ мертвый съ дымящимся пистолетомъ въ рукѣ. Третьяго dokonчилъ докторъ. Четвертый изъ перелѣзшихъ черезъ палисадъ счелъ за лучшее ударить отбой и ретировался къ палисаду, бросивъ на полъ битвы свой кортикъ.

— Стрѣляйте же, что-жь вы!—кричалъ капитанъ.—Да возвращайтесь скорѣе въ домъ!.. Скорѣе!..

Но четвертый разбойникъ успѣлъ-таки перелѣзть черезъ палисадъ и убѣжать въ лѣсъ. Черезъ минуту возлѣ блокауза остались только убитые мятежники, изъ которыхъ четверо лежали во дворѣ, а пятый за заборомъ.

Мы вернулись въ блокаузь, такъ какъ съ минуты на минуту опасались возобновленія штурма. Дымъ понемногу разсѣялся и тогда мы увидали, какъ дорого обошлась намъ побѣда.

Гунтеръ лежалъ безъ чувствъ на полу возлѣ своей бойницы. Джойсъ лежалъ возлѣ своей и уже не дышалъ. Посреди залы стоялъ сквайръ и поддерживалъ на рукахъ капитана; оба были блѣдны какъ смерть.

— Капитанъ раненъ,—сказалъ мистеръ Трелонъ.

— Они ушли?—спросилъ мистеръ Смоллетъ.

— Ушли, которые могли уйти, — отвѣчалъ докторъ. — Пятеро остались на мѣстѣ.

— Пятеро!—вскричалъ капитанъ. — Да это отлично! Намъ теперь четверо противъ девяти, а это куда лучше, чѣмъ семеро противъ девятнадцати, какъ было вчера.

Капитанъ ошибался. Разбойниковъ было только восемь чело-

вѣкъ, потому что раненый сквайромъ на шкунѣ матросъ умеръ въ тотъ же вечеръ, но мы еще этого не знали.

Разбойники скрылись, точно въ воду канули. Имъ былъ данъ хорошій урокъ, по выраженію капитана. Мы теперь могли сдѣлать перевязку раненымъ и приготовить обѣдъ. За послѣднее взялись я и сквайръ, за первое докторъ. Стоны пациентовъ были такъ ужасны, что мы съ сквайромъ предпочли выйти изъ дома и расположиться на дворѣ, не смотря на опасность отъ разбойничьихъ пуль.

Изъ восьми человѣкъ, задѣтыхъ въ этотъ день пулями, живы были только капитанъ, Гунтеръ и раненый изъ бойницы бандитъ. Гунтеръ такъ и не пришелъ въ себя, несмотря на наши заботы. Онъ прохрипѣлъ весь день и къ ночи умеръ, не сознавая своего положенія. Капитанъ былъ раненъ въ лопатку, но не смертельно. Ни одинъ важный органъ не былъ задѣтъ. Другою пулей у него прострѣлило икру. Докторъ положительно увѣрялъ, что никакой опасности нѣтъ, но все-таки больному нужно было полнѣйшее спокойствіе.

У меня былъ только длинный разрѣзъ на пальцахъ. Докторъ наложилъ мнѣ на него англійскій пластырь и шутя подралъ меня за ухо.

Послѣ обѣда докторъ и сквайръ подѣбли къ капитану и начали совѣтываться. Совѣщаніе продолжалось довольно долго. Оно кончилось въ часъ дня. Докторъ надѣлъ шляпу, взялъ пистолеты, опоясался кортикомъ, положилъ въ карманъ карту, перекинулъ за плечо мушкетъ и торопливо направился къ палисаду. Перескочивъ черезъ него, онъ увѣренной походкой пошелъ куда-то черезъ лѣсъ.

Я сидѣлъ съ Греемъ въ противоположномъ углу комнаты. Мы удалились туда изъ скромности, чтобы не слышать разговора старшихъ. Увидавъ, что докторъ идетъ въ лѣсъ, Грей до того изумился, что даже пересталъ курить свою трубку.

— Чортъ знаетъ, что такое!—вскричалъ онъ.—Докторъ-то никакъ съ ума сошелъ!

— Не бойтесь,—отвѣчала я,—съ нимъ ничего не случится, вотъ посмотрите.

— Ну, такъ стало быть я сошелъ съ ума,—возразилъ Грей,—потому что, хоть убей, ничего не понимаю.

— У него есть какая-нибудь цѣль,—замѣтилъ я,—быть можетъ онъ пошелъ отыскивать Бена Гунна.

Я, какъ впоследствии оказалось, угадалъ вѣрно. Но покуда докторъ ходилъ, мнѣ стало что-то очень жарко въ блокгаузѣ и около дома на дворѣ. Отъ скуки и истомы я началъ придумывать очень нелѣпый проектъ небольшой прогулки. Мнѣ представилась картина, какъ докторъ гуляетъ теперь по лѣсу, въ плохладѣ, вдыхая ароматный запахъ сосенъ и слушая пѣніе птицъ. Невыносимо показалось мнѣ сидѣть въ душномъ казематѣ, среди труповъ и крови и обливаться потомъ отъ нестерпимой жары.

Занявшись мытьемъ пола въ комнатѣ, а потомъ посуды, я незамѣтно увлекся неотвязной мыслью и кончилъ тѣмъ, что поддался ей окончательно. Очувившись по сосѣдству съ мѣшкомъ сухарей и замѣтивъ, что никто на меня не смотритъ, я сдѣлалъ первый шагъ къ задуманной продѣлкѣ и набилъ себѣ сухарями карманы.

Намѣреніе было конечно безумное. Я шелъ на очевидный рискъ. Но все-таки я старался принять кое-какія мѣры для охраны себя отъ непредвидѣнныхъ случайностей и даже позаботился снабдить себя пищей по меньшей мѣрѣ на цѣлыя сутки.

Вторымъ моимъ дѣломъ было утащить пару пистолетовъ, которые я спряталъ подъ камзолъ вмѣстѣ съ пороховницей и маленькимъ мѣшечкомъ пуль.

Въ сущности мой планъ былъ самъ по себѣ вовсе не такъ ужъ плохъ. Я хотѣлъ пробраться къ песчаной отмели, отыскать Бѣлую Скалу и посмотреть, тутъ ли лодка, о которой мнѣ говорилъ Бенъ Гуннъ. Я и до сихъ поръ нахожу, что провѣрить этотъ фактъ было для насъ очень важно. Но такъ какъ я навѣрное зналъ, что меня ни за что не пустятъ, то и рѣшился уйти безъ спроса, на собственный свой страхъ и рискъ. Въ этомъ была моя вина, но вѣдь я былъ еще такъ молодъ и глушь и не могъ устоять противъ искушенія.

Воспользовавшись моментомъ, когда сквайръ и Грей занялись перемѣной перевязки у капитана, я крадучись добрался до палисада, перелѣзъ черезъ него и убѣжалъ въ лѣсъ прежде, чѣмъ меня успѣли хватиться.

Такова была моя вторая выходка. Она была еще безразсуднѣе первой, потому что теперь для защиты форта я оставилъ только двухъ здоровыхъ человѣкъ. Но опять-таки она не менѣе первой содѣйствовала нашему спасенію.

Я направился прямо къ восточному берегу, чтобы миновать становище пиратовъ. Солнце было ужь довольно низко, но зной стоялъ попрежнему нестерпимый. Идя лѣсомъ, я слышалъ отдаленный ревъ прибоя, а шелестъ листьевъ указывалъ на довольно сильный морской бризь. Вскорѣ воздухъ сталъ свѣжѣе и легче. Еще черезъ нѣсколько шаговъ я вышелъ на опушку. Передо мной заснѣло море. Почти у самыхъ ногъ моихъ разбивались гѣбиные валы. Море у острова Сокровищъ никогда не бываетъ спокойно; какая бы жара ни была, будь хоть полное безвѣтріе, на всемъ пространствѣ острова нѣтъ уголка, гдѣ бы днемъ и ночью не раздавался неумолкаемый ропотъ волнъ.

Я пошелъ берегомъ, направляясь къ югу, потомъ, укрываясь за кустами, приблизился къ нашей пристани. Вода въ ней была спокойна, точно свинцовая поверхность, и въ этомъ гладкомъ зеркалѣ отражалась неподвижная *Испаньола* съ чернымъ флагомъ на носу.

Къ штирборту была причалена шлюпка, въ которой сидѣлъ Сильверъ. На шкунѣ, наклонившись черезъ бортъ, стояли два матроса, изъ которыхъ у одного была на головѣ красная шапка. Вѣроятно онъ былъ тотъ самый, котораго я видѣлъ верхомъ на палисадѣ. Они очевидно смѣялись и разговаривали, но я все-таки не могъ ничего разслыхать. Впрочемъ вскорѣ я услышалъ громкій, ужасный крикъ, отъ котораго въ первую минуту не на шутку испугался. Потомъ оказалось, что это кричалъ *капитанъ Флинтъ*, Сильверовъ попугай, и я даже разглядѣлъ издали его блестящія пестрые перья. Птица сидѣла на пальцѣ у своего хозяина.

Вслѣдъ затѣмъ шлюпка отчалила отъ шкуны и поплыла къ берегу. Человѣкъ въ красномъ колпакѣ и его товариць ушли съ палубы внизъ въ каюту.

Между тѣмъ солнце окончательно скрылось за холмами; съ болота поднялся густой туманъ; ночь приближалась. Я понялъ, что нужно торопиться, если я хочу отыскать въ этотъ же день лодку Бена Гунна.

Бѣлая Скала видѣлась за кустами шагахъ въ трехъ стахъ отъ меня. Мнѣ пришлось однако добираться до нея довольно долго, потому что я по большей части подвигался ползкомъ, чтобы меня не видали. Когда я дошелъ наконецъ до скалы, ночь уже наступила. Подъ скалою я отыскалъ углубленіе, выложенное дерномъ и закрытое со всѣхъ сторонъ кустами. Въ углубленіи находилась

знаменитая лодка. Это былъ на мой взглядъ самый первобытный образецъ подобнаго рода издѣлій. Лодочка была такъ мала, что мнѣ одному было въ ней почти тѣсно, но за то въ ней было одно весьма цѣнное для меня достоинство—она была легка до послѣдней степени.

Итакъ, я убѣдился, что лодка существуетъ. Оставалось возвратиться домой въ блокгаузъ. Но тутъ вдругъ у меня опять зародилась фантазія, — фантазія дикая, нелѣпая, но я никакъ не могъ отъ нея отрѣшиться. Мнѣ вспало на умъ подѣхать на Беновой широгѣ къ *Испаньоль*, перерѣзать якорный канатъ и пустить шкуну на произволь вѣтровъ. Я находилъ, что мятежникамъ послѣ кроваваго пораженія ничего больше не остается дѣлать, какъ поднять якорь и выйти въ море. Мнѣ улыбалась мысль помѣшать имъ въ этомъ. У стражи на шкунѣ не было шлюпки, и потому исполненіе моего замысла не представляло особаго труда.

Я сѣлъ на землю, чтобы обдумать все какъ слѣдуетъ и погрызть сухариковъ въ ожиданіи совершенной темноты. Ночь какъ нарочно обѣщала быть очень темною. Туманъ густѣлъ и совершенно обволакивалъ небо. Темнота наступила непроглядная. Когда я рѣшился наконецъ взвалить себѣ на плечи лодку Бена Гунна и пойти съ ней ощупью къ морю, кругомъ всей пристани было только два замѣтныхъ пункта: большой костеръ возлѣ болота, гдѣ сбились въ кучу побѣжденные пираты, заливая ромомъ стыдъ пораженія, и блѣдный огонекъ на морѣ, едва пробивавшійся сквозь туманъ и обозначавшій мѣсто, гдѣ стояла на якорѣ шкуна.

Шкуна замѣтно перемѣстилась со времени отлива; она была теперь обращена носомъ въ мою сторону; единственнымъ зажженными фонарями на всемъ кораблѣ были фонари, горѣвшіе въ гостиной; ихъ-то свѣтъ я и видѣлъ съ берега.

Отливъ стоялъ уже очень низко, такъ что мнѣ порядочно долго пришлось идти пѣшкомъ по мокрому песку, въ который я увязалъ по щиколодку. Но вотъ я добрелъ до воды и, войдя въ нее выше колѣна, довольно ловко поставилъ лодку килемъ внизъ на горько-соленныя волны.

Г Л А В А XI.

По волнамъ отлива.

Пироба Бена Гунна оказалась гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать, судя по ея наружности. Она была до крайности легка и отлично приспособлена для пловца моего вѣса и роста, хотя впрочемъ править ею было довольно трудно. Какъ я ни бился, она постоянно шла у меня какъ-то въ бокъ и самымъ любимымъ ея маневромъ было вертѣться волчкомъ на подобіе лоханки, которую пустили плыть во водѣ. Самъ Бенъ Гуннъ въ разговорѣ со мной выразился о своемъ издѣліи въ томъ смыслѣ, что „съ этою лодкой довольно трудно сладить, если не знаешь ея привычекъ“.

А привычки были очень странныя. Напримѣръ, она отлично вертѣлась во всѣ стороны, но только не туда, куда мнѣ было нужно. По большей части мнѣ приходилось плыть правымъ бортомъ впередъ и я увѣренъ, что не будь отлива, я никогда не добрался бы до шкуны. Но по счастью меня уносило отливъ и я все равно неминуемо долженъ былъ наѣхать на *Испаньолу*, если бы даже и не желать этого.

Сначала шкуна выдѣлилась передо мною лишь чернымъ пятномъ на общемъ темномъ фонѣ ночи. Затѣмъ я сталъ различать кузовъ и снасти. Наконецъ, продолжая отдаваться теченію, я замѣтилъ, что проплываю подъ якорнымъ канатомъ, и ухватился за него.

Канатъ былъ протянутъ дугообразно и теченіе было настолько сильно, что шкуна танцевала вокругъ якоря. Кругомъ кузова гу-

дѣла и пѣнилась вода, проносясь точно горный потокъ. Мнѣ оставалось только подрѣзать ножомъ канатъ и *Испаньола* поплыла бы въ море. Повидимому, не было ничего проще. Но вдругъ я вспомнилъ, что канатъ натянута туго, и потому операція моя можетъ кончиться бѣдою для меня же самого. Еслибы я перерѣзалъ канатъ, то отъ внезапнаго толчка моя пирога почти навѣрное перевернулась бы вверхъ дномъ. Эта мысль остановила меня на полудорогѣ и очень можетъ быть, что я совсѣмъ отказался бы отъ своего намѣренія, если бы не явилось одно случайное обстоятельство, которое снова подстрекнуло меня исполнить затѣю.

Дѣло въ томъ, что съ юго-запада вдругъ налетѣлъ порывъ вѣтра. *Испаньола* передвинулась съ мѣста и стала противъ теченія. Къ своей величайшей радости я почувствовалъ, что канатъ, за который я держался рукою, вдругъ ослабъ и упалъ въ воду секунды на двѣ, потомъ опять натянулся.

Тогда я рѣшился окончательно. Вытащивъ кортикъ изъ ноженъ зубами, я принялся рѣзать канатъ и разрѣзалъ его до половины. Сдѣлавъ это, я сталъ дожидаться новаго порыва вѣтра, чтобы канатъ опять ослабѣлъ. Тогда я намѣревался перерѣзать остальную половину каната, уже не опасаясь толчка.

Все это время я слышалъ въ гостиниѣ шкуны чьи-то голоса, хотя, правду сказать, очень мало обращалъ на нихъ вниманія, будучи занятъ своимъ собственнымъ дѣломъ. Но теперь, когда я все уже обдумалъ и приготовилъ, я насторожилъ уши. По одному изъ голосовъ я узналъ уже извѣстнаго читателю Гандса, который былъ у Флинта канониромъ. Другой былъ по всѣмъ вѣроятіямъ тотъ самый матросъ, который носилъ красную шапку. Кажется, они оба уже были сильно пьяны, но все-таки продолжали пить. По крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, говоря что-то пьянымъ голосомъ, открылъ кормовое окно и выкинулъ въ море какую-то вещь, очень похожую на пустую бутылку.

Они были не только пьяны, но и чѣмъ-то крайне раздражены. Ругательства сыпались градомъ и по временамъ поднимался такой гвалтъ, что я каждую минуту ожидалъ схватки. Но ссора всякій разъ кончалась ничѣмъ. До свалки не доходило. Брань и угрозы понемногу стихали и разговоръ становился спокойнѣе впредь до новаго взрыва.

На землѣ сквозь деревья попрежнему ярко мерцалъ разложенный пиратами костеръ. Одинъ изъ разбойниковъ монотонно тя-

нуль старинную матроскую балладу, выдѣлывая tremolo въ концѣ каждаго куплета.

Но вотъ снова налетѣлъ порывъ брiza. Шкуна чуть-чуть шелохнулась въ темнотѣ. Я снова почувствовалъ, что канатъ ослабъ, и тотчасъ же однимъ ударомъ перерѣзалъ остальные волокна пеньки.

На пирогу вѣтеръ почти не дѣйствовалъ, и потому ее сейчасъ же понесло отливомъ на *Испаньолу*. Въ ту же минуту шкуна медленно повернулась кормой и начала отдаваться теченію.

Я изо всѣхъ силъ началъ работать весломъ, ежеминутно опасаясь, что вотъ-вотъ кузовъ шкуны натолкнется на мою пирогу и опрокинетъ меня. Вскорѣ я убѣдился, что отъ шкуны отѣхать нѣтъ возможности, и сталъ заботиться лишь о томъ, какъ бы держаться поближе къ кормѣ. Это мнѣ удалось; отъ страшнаго сосѣда я наконецъ избавился. Но въ ту минуту, какъ я собирался сдѣлать послѣдній взмахъ весломъ, чтобы окончательно отдѣлится отъ шкуны, мнѣ случайно попался подъ руку тащившійся по водѣ канатный обрывокъ. Я поймалъ его и схватилъ.

Самъ не знаю, зачѣмъ я это сдѣлалъ. Вышло это какъ-то инстинктивно. Но потомъ, убѣдившись, что веревка держится крѣпко, я увлекся любопытствомъ и пожелалъ взглянуть хотя однимъ глазомъ, что такое дѣлается въ гостиной; рискуя жизнью, я вскарабкался по веревкѣ до высоты окна и увидалъ небольшую часть комнаты и потолокъ.

Шкуна и ея крошечная спутница въ это время довольно быстро скользили по бухтѣ; мы были уже на одной линіи съ огнями на берегу. Корабль покачивался на бурливыхъ волнахъ отлива, и я рѣшительно не понималъ, какимъ образомъ бывшіе на шкунѣ матросы такъ долго не поднимаютъ тревоги. Но, заглянувши въ окно, я понялъ все. Я заглянулъ мелькомъ, потому что боялся свихнуться съ веревки, но все-таки успѣлъ замѣтить, что Гандсъ и его товарищъ дерутся не на животъ, а на смерть, вцѣпившись другъ другу въ горло.

Я поскорѣ спустился въ пирогу. Опоздай я одну секунду—и она ускользнула бы отъ меня. Въ первую минуту я сидѣлъ точно ослѣпленный; мнѣ мерещилась видѣнная щева, мерещилися два багровыя, искаженные злобой лица при свѣтѣ коптившей лампы. Но потомъ мои глаза снова привыкли къ окружающей темнотѣ.

На берегу пѣніе баллады прекратилось. Вся компанія, сидя вокругъ огня, что есть мочи загорланила знакомый напѣвъ:

Было насъ, матросовъ, пятнадцать человекъ....

Внезапный толчокъ вывелъ меня изъ задумчивости. Пирого нырнула въ воду, круто повернулась и поплыла въ другую сторону, обнаруживъ при этомъ необыкновенную быстроту. Кругомъ меня прыгали мелкія волны, шума и пѣнясь фосфорическою пѣной.

Испаньола, за которою я плылъ, качалась въ темнотѣ всѣмъ своимъ кузовомъ отъ кили до кончика гротъ-мачты. Взглядѣвшись пристальнѣе, я убѣдился, что она тоже поворачиваетъ къ югу.

Сердце невольно забилося во мнѣ сильнѣе и чаще, когда я увидалъ лагерный костеръ позади себя. Теченіе сдѣлало крутой поворотъ и понеслось, бурля и пѣнясь, къ проливчику, увлекая въ открытое море и шкуну, и пирогу.

На борту шкуны раздался крикъ. Я услыхалъ, какъ чьи-то кованые каблукы затопали по дѣстницѣ на палубу, и догадался, что пьяницы прекратили наконецъ драку и открыли глаза на приключившееся съ ними бѣдствіе.

Я легъ на дно своей утлой лодченки, ожидая смерти. Я зналъ, что по выходѣ изъ проливчика, мы почти неминуемо наткнемся на буруны, гдѣ я найду конецъ всѣмъ своимъ бѣдамъ. Хотя я и приготовился къ смерти, однако у меня не достало духа взглянуть опасности прямо въ лицо. Поэтому я зажмурилъ глаза.

Долго дожидался я гибели, несясь по быстро катившимся валамъ, насквозь промоченный отъ летѣвшихъ на меня брызгъ пѣны. Наконецъ усталость пересилила страхъ. Мною овладѣло оцѣпенѣніе, перешедшее вскорѣ въ сонъ, и, убаюканный волнами, я началъ грезить о нашемъ домѣ, о матушкѣ, объ *Адмиралѣ Бенбо*...

Когда я проснулся, было уже свѣтло. Мы плыли мимо югозападнаго берега острова. Солнце уже встало надъ горизонтомъ, но скрывалось еще за холмомъ *Далекій Видъ*; между мною и горою виднѣлся рядъ утесовъ. Справа на ружейный выстрѣлъ отъ меня возвышался мысъ, а за нимъ подальше холмъ—фокъ-мачта. Холмъ былъ черенъ и голъ, а мысъ усѣянъ утесами.

Первымъ моимъ движеніемъ было схватиться за весло и поплыть къ берегу, но я во-время удержался. Я погубилъ бы себя, еслибъ это сдѣлалъ. Впереди утесовъ ревѣли и пѣнились буруны; пѣна столбами вздымалась къ небу, какъ бы являясь мнѣ грознымъ

предостереженіемъ. Попади я въ буруны, меня истрепало бы въ клочки свирѣпыми волнами.

Вдобавокъ еще я увидалъ въ водѣ какихъ-то отвратительныхъ морскихъ чудовищъ, которыя плавали группами отъ тридцати до сорока штукъ, наполняя воздухъ громкимъ мычаньемъ. Мнѣ впоследствии сказали, что это были морскія коровы, безобиднѣйшія изъ морскихъ животныхъ. Но тогда я этого не зналъ и противный видъ чудовищъ, не говоря уже о бурунахъ, отбилъ у меня всякую охоту плыть къ берегу. Я думаю, что скорѣе умеръ бы отъ голода, чѣмъ рѣшился бы попытать счастья.

Я отлично помнилъ карту острова и зналъ, что за мысомъ берегъ загибается внутрь на подобіе залива, образуя во время отлива длинную песчаную отмель. Сѣвернѣе находился другой мысъ, отмѣченный на картѣ названіемъ *Лѣснаго* по причинѣ растущаго на немъ густаго сосноваго лѣса, начинающагося отъ самой кручи. Я зналъ также, что теченіе идетъ вдоль западнаго берега, направляясь къ сѣверу. Замѣтивъ, что я уже попалъ отчасти въ это теченіе, я предпочелъ оставить первый мысъ за собою и сбросить силы для попытки причалить у мыса *Лѣснаго*.

Море было не спокойно, но вѣтеръ по счастью дулъ съ юга, такъ что между нимъ и теченіемъ не было борьбы и волны вставали и ложились, не разбиваясь. Будь дѣло иначе, я бы уже давнымъ давно утонулъ, но теперь мой челнокъ неся изумительно ровно и быстро. Временами, лежа на днѣ лодки, я приглядывался и видѣлъ, какъ подлѣ меня вздымался огромный синий валъ, но пирога всякій разъ только подсакаивала кверху и съ легкостью птицы спускалась опять внизъ.

Кончилось тѣмъ, что я мало-по-малу ободрился и принялъ смѣлѣе положеніе, чтобы начать дѣйствовать весломъ. Но оказалось, что моя капризная пирога не выносить ни малѣйшаго перемѣщенія центра тяжести. Только что я успѣлся, какъ она начала прыгать, качаться и подъ конецъ ткнулась носомъ въ первую же волну.

Принявъ холодную ванну, я въ испугѣ откинулся назадъ и снова улегся на дно. Равновѣсіе немедленно возстановилось и пирога попрежнему легко и плавно заскользила по волнамъ. Я окончательно отказался отъ мысли править ею. Но тогда могъ ли я надѣяться, что причалю когда-нибудь къ берегу?

И вотъ снова напалъ на меня страхъ. Однако я и тутъ не потерялся. Прежде всего, избѣгая всякаго рѣзкаго движенія, я на-

чалъ осторожно вычерпывать изъ пироги воду шапкой, потомъ приподнял голову такъ, чтобы глаза приплюсь вровень съ бортомъ, и сталъ выслѣживать, какимъ образомъ происходитъ то, что моя пирога такъ ровно плаваетъ по волнуемому морю.

Тутъ я замѣтилъ, что всякая волна вблизи вовсе не похожа на круглый и гладкій бугоръ, какимъ она кажется съ берега. На самомъ дѣлѣ она похожа на обыкновенную земную гору съ вершинами, плоскостями и долинами. Пирога, будучи предоставлена самой себѣ, поворачивала въ сторону при всякой неровности и вообще избирала для себя по возможности гладкую дорогу.

— Значить, — сказалъ я себѣ, — чтобы не нарушать равновѣсія, мнѣ нужно оставаться въ лежачемъ положеніи; но я все-таки могу повременить выставлять весло наружу и въ неопасныхъ мѣстахъ пользоваться имъ для направленія лодки къ берегу.

Задумано — сдѣлано. Приподнявшись на локтяхъ, я въ этомъ неудобномъ положеніи рискнулъ сдѣлать двѣ-три слабыхъ попытки подвинуться къ задуманной цѣли. Немного вышло изъ этого, но кое-что все-таки вышло. Приблизившись къ мысу Лѣсному, я увидалъ, что мнѣ опять придется проѣхать мимо, но все-таки я передвинулся метровъ на сто къ востоку. Въ сущности я былъ очень недалеко отъ берега. Я различалъ уже качавшіяся отъ вѣтра зеленныя вершины деревьевъ на берегу и былъ почти увѣренъ, что причаю къ слѣдующему мысу.

Это было бы очень кстати, такъ какъ меня уже начинала мучить жажда. Жаркіе солнечные лучи, отражаясь въ волнахъ точно въ граненомъ зеркалѣ, и высыхавшая на мнѣ соленая морская вода донимали меня не на шутку. Въ горлѣ у меня пересохло, губы потрескались. Глядя на деревья, зеленѣвшія такъ близко отъ меня, я почувствовалъ неодолимое желаніе поскорѣе помчаться къ нимъ и укрыться подъ ихъ прохладною тѣнью. Но теченіе и на этотъ разъ пронесло меня мимо мыса, а при вѣздѣ въ другой заливъ я увидалъ нѣчто такое, отъ чего мои мысли приняли совершенно иное направленіе.

Это нѣчто была *Испаньола*, плывшая въ милѣ отъ меня подъ всѣми парусами.

— Сейчасъ, сейчасъ меня замѣтятъ и поймутъ! — подумалъ я.

Но меня такъ мучила жажда, что я самъ не зналъ, радоваться мнѣ или горевать, что попаду къ пиратамъ. Я долго не могъ придти ни къ какому рѣшенію и только тарачилъ отъ удивленія глаза.

Распущенные паруса *Испаньолы* ярко бѣлѣли на солнцѣ точно снѣгъ или серебро. Вѣтеръ надувалъ ихъ и шкуна плыла на сѣверо-западъ. Изъ этого я заключилъ, что бывшіе на шкунѣ матросы желаютъ объѣхать островъ кругомъ и вернуться на прежнее мѣсто. Вдругъ шкуна повернула на западъ. Я рѣшилъ, что меня замѣтили и погнались за моей широгой. Но подъ конецъ шкуна неожиданно повернулась совсѣмъ противъ вѣтра и съ минуту постояла словно въ нерѣшимости. Паруса ея хлопались объ мачты.

— Скоты!—подумалъ я.—Навѣрно перепились до безчувствія!

И мнѣ пришло въ голову, какъ задалъ бы имъ за это капитанъ Смоллетъ, случись такая оказія при немъ.

Между тѣмъ шкуна постепенно сдѣлала полный оборотъ и снова стала подъ вѣтромъ. Паруса снова надулись, она опять довольно быстро проплыла минуты три и потомъ снова остановилась. Вообще *Испаньола* плыла какъ попало. Для меня стало ясно, что рулемъ не правилъ никто. Но въ такомъ случаѣ гдѣ же были матросы? Они были или пьяны и не понимали, что съ ними дѣлается, или покинули корабль.

— Еслибы мнѣ удалось до нея добраться,—подумалъ я,—то я быть можетъ ухитрился бы привести ее къ законному капитану.

Теченіемъ несло пирогу и шкуну въ одномъ и томъ же направленіи. Паруса же шкуны дѣйствовали такъ безпорядочно и непослѣдовательно, остановки были такъ часты, что *Испаньола* нисколько не опережала меня; вѣрнѣе даже, что она плыла медленнѣе. Еслибы я рѣшился сѣсть и грести, то навѣрное догналъ бы ее. Эта мысль понравилась мнѣ, а воспоминаніе о стоявшей у входа въ гостиную бочкѣ съ прѣсною водою еще больше подогрѣло мою отвагу.

Я сѣлъ и сейчасъ же получилъ въ фізіономію цѣлый дождь брызгъ. На этотъ разъ я однако не струсилъ и началъ изъ всѣхъ силъ править на *Испаньолу*. Одинъ разъ въ мой челнокъ плеснуло такъ много воды, что мнѣ пришлось остановиться и, дрожа отъ страха, осторожно выкачать ее шапкой. Подъ конецъ однако я примѣнился къ капризамъ широгой и дѣло пошло у меня лучше. Я довольно сносно дѣйствовалъ весломъ и рѣже нарушалъ равновѣсіе, хотя и продолжалъ получать отъ времени до времени толчки волнъ и плевки пѣны. Не обращая ни на нихъ вниманія, я все плылъ и плылъ и замѣтно приближался къ шкунѣ. Мнѣ уже видны были блестящія мѣдныя части руля. На палубѣ попрежнему не было

никого. Я сталъ серьезно приходить къ убѣжденію, что матросы покинули шкуну. Во всякомъ случаѣ, если они и остались, то вѣроятно были пьяны и валялись гдѣ-нибудь въ гостиной, а въ такомъ случаѣ мнѣ нетрудно было запереть ихъ тамъ и сдѣлать съ шкуной все, что мнѣ заблагоразсудится.

Довольно долгое время она находилась относительно меня въ самомъ неудобномъ для моей цѣли положеніи. Она постоянно останавливалась и, какъ только я хотѣлъ къ ней подъѣхать, вдругъ поворачивала въ другую сторону и отплывала отъ меня прочь.

Наконецъ я улучилъ удобную минуту. Вѣтеръ на нѣсколько минутъ почти совершенно упалъ; теченіемъ повернуло *Испаньолу* ко мнѣ кормою, гдѣ было попрежнему открыто окно. Въ окнѣ виднѣлась зажженная лампа, хотя уже давно былъ день. Пьяные пираты забыли ее потушить. Большой парусъ висѣлъ на мачтѣ какъ знамя на древкѣ. Еслибы не слабое поступательное движеніе, сообщаемое шкунѣ теченіемъ, то можно было бы подумать, что она стоитъ на якорѣ. Я удвоилъ усилія и уже подъѣхалъ къ ней на сто метровъ, какъ вдругъ упавшій вѣтеръ поднялся опять, надулъ паруса и снова помчалъ шкуну по морю.

Я сначала пришелъ въ отчаяніе, но потомъ вдругъ вскрикнулъ отъ радости. *Испаньола* повернулась и поплыла прямо на меня. Быстро сокращалось отдѣлявшее насъ разстояніе. Недалеко отъ меня уже бурлила поднятая шкуною пѣнистая рябь. Съ пироги *Испаньола* казалась мнѣ огромною и недосягаемо-высокою.

Въ ту же минуту я сообразилъ и опасность этого приближенія. Нужно было торопиться, чтобы эту опасность устранить. Меня подняло волною въ ту минуту, когда шкуна нырнула носовою частью въ сосѣднюю волну. Бугшпритъ протянулся надъ моей головой. Я вскочилъ и, чтобы подпрыгнуть повыше, уперся въ пирогъ ногами. Рукою я схватился за стаксель и, повиснувъ надъ бездною, отыскалъ ногами подпорки бугшприта, чтобы опереться на нихъ. Находясь въ такомъ положеніи и задыхаясь отъ усилія удержаться, я вдругъ услышалъ глухой ударъ. Шкуна наѣхала на пирогъ и пустила ее ко дну.

Отступленіе съ *Испаньолы* было мнѣ отрѣзано.

ГЛАВА XII.

Борьба за шкуну.

Тотъко что я усьлся верхомъ на бугшпритъ, какъ большой парусъ, громко хлопнувъ, надулся отъ вѣтра и понесъ шкуну на сѣверъ. Отъ толчка шкуна дрогнула всѣмъ корпусомъ. Я чуть-чуть не упалъ въ море, но удержался и поползъ по бугшприту, съ котораго и свалился головою на бакъ. Поднявшись и отправившись, я осмотрѣлся. Я стоялъ съ навѣтряной стороны и надувшійся парусъ закрывалъ отъ меня корму. На палубѣ повидимому никого не было. Ее не мыли съ самаго бунта и потому она была сильно затоптана. По половицамъ, точно живая, каталась пустая бутылка съ отбитымъ горлышкомъ.

Но вдругъ *Испаньола* встала противъ вѣтра. Реи затрещали, весь корабль снова затрясся и глубоко нырнулъ носомъ. Паруса, визжа на блокахъ, перекошились въ сторону и я увидалъ кормовую часть палубы. Тамъ было двое; одинъ, въ красной шапкѣ, лежалъ на спинѣ какъ пластъ, раскинувъ руки и страшно оскаливъ зубы изъ-подъ судорожно искривленныхъ губъ; другой, Израиль Гандсъ, неподвижно сидѣлъ, прислонившись спиною къ сѣткѣ и безпомощно повѣсивъ руки. Голова его поникла на грудь, а загорѣлое лицо было блѣдно какъ воскъ.

При каждомъ толчкѣ корабля чловѣка въ красной шапкѣ держало изъ стороны въ сторону, причемъ не измѣнялись ни его безжизненная поза, ни страшная физіономія съ бѣлыми оскаленными зубами; отъ той же причины Израля Гандса каждый разъ

встряхивало, причѣмъ ноги его все больше и больше подвигались впередъ, а голова и туловище откидывались назадъ, такъ что подъ конецъ я пересталъ видѣть его лицо, за исключеніемъ одного уха и кончика бакенбарды. Около обоихъ матросовъ валялись по палубѣ бутылки, вслѣдствіе чего я предположилъ, что пьяницы убили другъ друга въ припадкѣ пьянаго озлобленія.

Покуда я размышлялъ надъ этимъ грустнымъ зрѣлищемъ, наступила минута затишья и шкуна приостановилась. Израиль Гандес повернулся на боку, глухо простоналъ и, приподнявшись, принялъ прежнюю позу. Стонъ и отвислая челюсть Гандеса сначала раздражали меня, но я сейчасъ же вспомнилъ бесѣду, подслушанную мною изъ яблочной бочки, и вся жалость пропала. Я ступилъ нѣсколько шаговъ по палубѣ и, остановившись у большой мачты, громко проговорилъ съ нескрываемой проніей:

— Вотъ и я вернулся на шкуну, мистеръ Гандесъ.

Онъ медленно повелъ въ мою сторону глазами, но отъ слабости даже не могъ выразить удивленія, а только простоналъ:

— Водки!...

Я понялъ, что нельзя терять времени. Осторожно пробираясь по палубѣ, я дошелъ до лѣстницы и спустился въ гостиную.

Тамъ царствовалъ самый возмутительный беспорядокъ. Взломаны были все сундуки, ящики, все запертыя помѣщенія, и все разумѣется для того, чтобы отыскать карту. Полъ загрязнился до невозможности, особенно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разбойники садились послѣ блужданій по топкому болоту. При качкѣ шкуны по полу катались пустыя бутылки. На столѣ лежала одна изъ книгъ доктора съ выдранными вѣроятно для закуриванія трубокъ листами. Подъ потолокомъ висѣла коптившая лампа, бросая на все это тусклый, умирающій свѣтъ.

Я сошелъ въ кладовую. Оттуда исчезли все бочки и огромное количество бутылокъ. Очевидно разбойники шли безъ просыпа все время, какъ начался бунтъ. Наконецъ я отыскалъ для Гандеса бутылку водки, а себѣ взялъ немного сухарей, фруктовыхъ консервовъ, кисть изюма и кусокъ сыра. Вернувшись на палубу, я положилъ добытую провизію около руля, подальше отъ раненаго Гандеса, потомъ подошелъ къ бочкѣ съ водою и началъ жадно пить. Напившись, я вернулся къ Гандсу и подаль ему бутылку съ водкой.

Онъ залпомъ отпилъ изъ нея по меньшей мѣрѣ четверть.

... «шкунa лeтѣлa кaкѣ птицa.» ... Стр. 160.

— Вот это так! — сказалъ онъ, переводя духъ. — На этотъ разъ водка для меня не прихоть, а лѣкарство.

Я устроился въ уголку и тоже принялся за завтракъ.

— Вы очень тяжело ранены? — спросилъ я.

— Еслибъ этотъ окаянный докторъ былъ на шкунѣ, онъ вылѣчилъ бы меня духомъ. А теперь вотъ извольте... За то вотъ эта акула умерла, — указалъ онъ на матроса въ красной шапкѣ. — Скверный былъ матросишка, честное слово... Но вы-то какъ сюда попали, Гоугинсъ? Откуда васъ чортъ принесъ?

— Я, мистеръ Гандсъ, явился принять шкуну въ свое завѣдываніе, — отвѣчалъ я, — и вы должны впредь до новаго распоряженія смотрѣть на меня какъ на своего капитана.

Онъ хмуро поглядѣлъ на меня, но не сказалъ ни слова. Цвѣтъ его лица нѣсколько оживился, но несчастный все-таки былъ очень слабъ и по прежнему съѣзжалъ туловищемъ на палубу при малѣйшемъ толчкѣ шкуны.

— Кстати, мистеръ Гандсъ, — продолжалъ я, — я не желаю здѣсь на кораблѣ чернаго флага. Съ вашего позволенія я его сниму. Лучше никакого знамени, чѣмъ такое гадкое.

Съ этими словами я сдернулъ флагъ и бросилъ въ море. Сдѣлавъ это, я снялъ шапку и вскричалъ:

— Прощайте, капитанъ Сильверъ!

Гандсъ слѣдилъ за мной внимательнымъ и хитрымъ взглядомъ, сидя по прежнему съ опущенною на грудь головою.

— Полагаю, мистеръ Гоугинсъ, — сказалъ онъ наконецъ, — что вы теперь намѣрены вернуться къ берегу?... Не поговорить ли намъ съ вами чуточку?

— Съ удовольствіемъ, мистеръ Гандсъ, — отвѣчалъ я. — Отчего не поговорить.

И я снова съ аппетитомъ принялся за ѣду.

— Видишь что, — продолжалъ Гандсъ, указывая слабымъ кивкомъ на трупъ матроса, — мы было вотъ съ нимъ, — его звали О'Бріенъ, ирландецъ онъ былъ... такъ, дрянцо... — мы было съ нимъ поставили паруса и хотѣли вернуться въ пристань. Но онъ умеръ, а я раненъ, и теперь некому вести корабль. Развѣ вотъ ты поведешь, если я покажу тебѣ, какъ это сдѣлать... Такъ слушай, что я тебѣ скажу: накорми меня и напои, потомъ дай платокъ перевязать рану, а я за это научу тебя, что нужно дѣлать. Согласенъ?

— Да, только вотъ еще что я вамъ скажу, — возразилъ я. — Я

не желаю возвращаться въ бухту Кидда. Я намѣренъ войти въ маленькій сѣверный рейдъ и посадить тамъ шкуну на мель.

— Ну, что-жь, и прекрасно!—вскричалъ онъ.—Право, дружокъ, я человѣкъ сговорчивый. Идти противъ рожна не стану. Твой теперь верхъ, у меня нѣтъ выбора. Въ рейдъ, такъ въ рейдъ. Мнѣ все равно. Вели мнѣ плыть хоть въ бухту къ бѣсамъ, я и туда поплыву безпрекословно.

Договоръ состоялся. Въ какія-нибудь три минуты я по указанію Гандса, направилъ шкуну куда нужно и мы спокойно поплыли по вѣтру вдоль берега. Я надѣялся до полудня обогнуть сѣверный мысъ, вѣхаться на рейдъ до прилива, посадить тамъ шкуну на мель на песчаной дюнѣ и, дождавшись отлива, по-суху выйти на берегъ.

Убѣдившись, что все идетъ какъ слѣдуетъ, я привязалъ къ рулю веревку, спустился въ каюту и досталъ изъ своего чемодана подаренный мнѣ матерью фулировый платокъ. Вернувшись къ раненому, я перевязалъ ему этимъ платкомъ широкую рану на бедрѣ, накормилъ его и далъ водки. Ему сейчасъ же сдѣлалось лучше. Онъ сталъ говорить болѣе внятно, окрѣпъ и вообще сталъ другимъ человѣкомъ.

Вѣтеръ былъ такой благопріятный, что лучшаго мы и желать не могли. Шкуна летѣла какъ птица; берега быстро бѣжали мимо насъ и мѣстность постоянно разнообразилась. Вскорѣ высокій берегъ остался позади и мы поплыли вдоль низкаго и песчанаго берега, усѣяннаго кое-гдѣ приземистыми елями. Но вотъ уже и онъ миновался и мы стали огибать сѣверную оконечность острова.

Въ итогѣ я былъ до блаженства доволенъ самъ собой, своимъ временнымъ чиномъ и прекрасной погодой. Солнце красиво освѣщало часто мѣнявшуюся понораму берега. Воды было у меня довольно, кушать я могъ что угодно и сколько хотѣлось. Совѣсть моя окончательно успокоилась. Прежде я упрекалъ себя за самовольный уходъ, но теперь могъ гордиться сдѣланнымъ завоеваніемъ. Единственной помѣхой моему упоенію были глаза Гандса, слѣдившіе за мною съ ироническимъ, какъ мнѣ казалось, выраженіемъ, и его загадочная улыбка. Въ этой улыбкѣ было все: и страданіе, и старчески-болѣзненная слабость, и вмѣстѣ съ тѣмъ коварная насмѣшка надо мною, Онъ думалъ, что я не замѣчаю, но я все видѣлъ и моталъ себѣ на усъ.

Вѣтеръ, словно желая намъ угодить, перемѣнился и подулъ съ

запада. Мы безъ труда достигли сѣверо-восточной оконечности острова у входа въ сѣверную бухту. Но затѣмъ намъ осталось лишь сѣсть сложа руки, такъ какъ якоря у насъ не было, а посадить шкуну на мель нужно было во время прилива. Гандсъ научилъ меня какъ сдѣлать, чтобы оставаться въ дрейфѣ.

Послѣ нѣсколькихъ бесплодныхъ попытокъ я наконецъ устроилъ это дѣло и на досугѣ мы оба опять принялись за ѣду.

— Капитанъ,—обратился ко мнѣ Гандсъ,—а какъ вы думаете насчетъ моего товарища О'Бріена?... Не выбросить ли намъ его за бортъ? Я вообще не изъ брезгливыхъ, но, знаете, какъ-то неприятно...

— У меня силы нѣтъ, да и потомъ... очень противно,—отвѣчалъ я, содрагаясь,—пусть остается здѣсь, чѣмъ онъ мѣшаетъ?

— Несчастный корабль эта *Испаньола!* — продолжалъ Гандсъ, не настаивая на своемъ предложеніи.—Это вѣдь ужасно, что онъ умеръ... Знаешь, вѣдь онъ тоже сѣлъ въ Бристоль, какъ ты 'и я... Бѣдные тѣ!... Право, это ужасно...

Нѣсколько минутъ онъ посидѣлъ молча, словно раздумывая. Потомъ поднялъ на меня лицо и сказалъ:

— Будь добръ, мой милый, сдѣлай мнѣ одолженіе. Сходи внизъ и принеси мнѣ бутылочку винца... Коньякъ для меня теперь крѣпокъ... у меня такой страшный упадокъ силъ...

Тонъ былъ такой нѣжный, ласкательный, точно и не Гандсъ это говорилъ, Я нашелъ это неестественнымъ. Самая просьба показалась мнѣ совершенно невѣроятною: возможно ли было вѣрить, чтобы Гандсъ предпочелъ вино водкѣ? Очевидно тутъ былъ одинъ предлогъ, чтобы услатъ меня на нѣсколько минутъ съ палубы. Только я не понималъ, какая могла быть тутъ цѣль. Я посмотрѣлъ Гандсу въ глаза, но онъ отвелъ ихъ въ сторону, чтобы не встрѣтиться со мною взглядомъ; онъ то поднималъ ихъ къ небу, то глядѣлъ для чего-то на трупъ О'Бріена, улыбаясь все время смущенной улыбкой. Семилѣтній ребенокъ и тотъ догадался бы, что онъ замышляетъ недоброе.

Я сейчасъ же отвѣчалъ ему согласіемъ, чтобы не дать замѣтить своихъ подозрѣній. Гандсъ былъ человѣкъ довольно глуповатый и провести его было нетрудно.

— Въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчалъ я,—вино для васъ гораздо полезнѣе водки. Какого вы хотите, бѣлаго или краснаго?

— Все равно, голубчикъ,—отвѣчалъ онъ,—какое найдется.

— Ну, такъ я принесу вамъ портвейну, мистеръ Гандсъ. Онъ навѣрное тамъ есть...

Я пошелъ по лѣстницѣ и нарочно затоналъ погромче. Внизу я снялъ башмаки, обѣжалъ кругомъ и поднялся по лѣстницѣ въ люкъ, изъ котораго осторожно выглянулъ на палубу. Подозрѣнія мои оправдались вполнѣ.

Гандсъ приподнялся и ползъ по полуобѣ на четверенькахъ. Боль въ ногѣ была должно быть невыносимая, потому что онъ то и дѣло подавлялъ стоны, но тѣмъ не менѣе ему удалось проползти поперекъ почти всю палубу. Порывшись въ углу, онъ вытащилъ изъ кучи веревокъ что-то въ родѣ длиннаго кинжала, покрытаго кровью до самой рукоятки. Тщательно осмотрѣвъ кинжалъ, онъ попробовалъ на палецъ, остеръ ли онъ, и проворно спряталъ его подъ камзолъ. Послѣ того онъ прежнимъ путемъ вернулся на свое мѣсто.

Я узналъ довольно. Израиль Гандсъ могъ двигаться и имѣлъ оружіе. Чтобы достать его, онъ хитростью спровадилъ меня вонъ, слѣдовательно кинжалъ предназначался именно для меня. Но что онъ думалъ сдѣлать потомъ, выбраться ли на берегъ и плестись къ товарищамъ, или сдѣлать имъ сигнальный выстрѣлъ,—этого я не брался рѣшить.

Въ одномъ я былъ почти увѣренъ, это въ томъ, что мнѣ нечего бояться, покуда мы не приведемъ шкуну въ безопасное мѣсто. Въ этомъ наши интересы сходились. Обоимъ намъ одинаково хотѣлось посадить *Испаньолу* на мель въ закрытомъ отъ вѣтра мѣстѣ, чтобы при надобности снова спустить ее въ воду. Покуда это не было сдѣлано, я для шкуны былъ необходимъ.

Раздумывая обо всемъ этомъ, я какъ кошка проврался въ гостиную, надѣлъ башмаки, взялъ первую попавшуюся бутылку съ виномъ и вернулся на палубу.

Гандсъ полулежалъ на прежнемъ мѣстѣ, поджавши ноги и закрывши глаза, словно ему было тяжело глядѣть на свѣтъ. Когда я къ нему подошелъ, онъ поднялъ голову, привычнымъ жестомъ отбилъ у бутылки горлышко и отпилъ изъ нея изрядное количество, произнеся свой любимый тостъ:

— Исполненіе желаній!

Нѣсколько времени онъ сидѣлъ не двигаясь. Потомъ, вытащивъ изъ кармана вязку табаку, онъ попросилъ меня отрѣзать ему кусочекъ.

... «остановитесь, мистеръ Гандсъ,—закричалъ я...»
(Стр. 168).

— Пожевать хочется,—сказалъ онъ,—а ножа нѣтъ, да и сила точно у цыпленка. Ахъ, Джимъ, Джимъ!.. Чувствую я, что приходитъ мой чередъ. Не долго я протяну. Можетъ быть въ послѣдній разъ я жую и табакъ-то...

— Я съ удовольствіемъ отрѣжу вамъ табаку, — отвѣчалъ я, отрѣзывая довольно большой кусокъ.

Гандсъ взялъ у меня табакъ, засунулъ его за щеку и снова притихъ. Прошло четверть часа. Тогда хитрый матросъ замѣтилъ мнѣ, что приливъ поднялся довольно высоко.

— Теперь, капитанъ Гоукинсъ, неуждно ли вамъ будетъ слушаться моихъ указаній,—сказалъ онъ мнѣ съ прежней загадочной улыбкой,—и я вамъ ручаюсь, что шкуна будетъ скоро въ безопасномъ мѣстѣ.

Намъ оставалось проплыть не болѣе двухъ миль, но плаваніе предстояло трудное, во-первыхъ потому, что входъ на рейдъ былъ довольно узокъ, а во-вторыхъ по той причинѣ, что этотъ входъ открывался съ запада на востокъ, подаваясь нѣсколько къ югу, такъ что дѣйствовать рулемъ нужно было съ крайней осторожностью во избѣжаніе несчастнаго случая. Могу, не хвастаясь, сказать, что я справился съ своей задачей очень удачно и что Гандсъ оказался превосходнымъ лоцманомъ. Мы плыли отлично, ловко лавируя въ виду низкихъ береговъ.

По вступленіи въ проливъ насъ со всѣхъ сторонъ окружила земля. Берега сѣверной бухты оказались такими же лѣсистыми, какъ и возлѣ Киддовой пристани, но форма бухты была иная: узкая и длинная. Вообще заливъ былъ скорѣе похожъ на устье рѣки, чѣмъ на бухту. Передъ нами, на южной сторонѣ бухты, виднѣлся кузовъ разбитаго корабля. Корабль былъ большой, трехмачтовый, и валялся здѣсь должно быть уже нѣсколько лѣтъ, потому что онъ почти совершенно обросъ морскими растеніями и на палубѣ его пробивалась густая трава, среди которой тамъ и сямъ мелькали даже дикіе цвѣты. Зрѣлище было очень грустное, но за то свидѣтельствовало о полной безопасности стоянки.

— Ну, капитанъ, — замѣтилъ мнѣ Гандсъ, — смотрите сюда. Видите вы вотъ это мѣстечко? Оно точно нарочно устроено для посадки корабля на мель. Дно — чистый песокъ, по близости ни одной скалы, кругомъ деревья, а подъ бокомъ старая развалина, поросшая травой и цвѣтами.

— А если мы сядемъ на мель, можно ли будетъ потомъ спу-

стить шкуну опять на воду, если понадобится?—спросилъ я.

— Нѣтъ ничего легче,—отвѣчалъ онъ. Вѣдь это правый берегъ, гдѣ мы хотимъ сѣсть. Ну, такъ во время отлива на лѣвый берегъ нужно будетъ принести канатъ, зацѣпить его покрѣпче за стволь одной изъ этихъ большихъ сосенъ, другимъ концомъ привязать его къ шпилью и дожидаться прилива. Когда приливъ наступитъ, тогда всѣмъ схватиться за канатъ и тянуть. Вотъ и все... Но однако что же мы болтаемъ? Минута рѣшительная. Дно уже близко, а шкуна идетъ слишкомъ сильно.... Лѣво на бортъ! Крѣпче!... Право на бортъ!.. Легче!.. Стой!..

Я быстро и точно исполнялъ команду, едва успѣвая переводить духъ. Вдругъ онъ закричалъ:

— Эй, мальчикъ, мальчикъ, крѣпче!.. Налегай на руль!

Я налегъ на руль изъ всѣхъ силъ. *Испаньола* быстро повернулась и понеслась прямо на низкій и лѣсистый берегъ.

Среди хлопотъ я на нѣсколько минутъ ослабилъ надзоръ за движеніями Израила Гандса. Въ послѣднюю же рѣшительную минуту я былъ окончательно поглощенъ предстоящимъ исходомъ маневровъ и совершенно позабылъ о грозившей мнѣ опасности. Наклонившись черезъ бортъ, я внимательно слѣдилъ за волнами, бѣжавшими изъ подъ корабля.

Еще минуту и я погибъ бы, не имѣя даже возможности оборониться. Но меня вдругъ точно что подтолкнуло. Какой-то инстинктъ заставилъ меня обернуться назадъ. Можетъ быть я и услышалъ какой-нибудь шорохъ или увидалъ мелькнувшую тѣнь,—не знаю, не помню,—но только я обернулся..

Сзади ко мнѣ подкрадывался Израиль Гандсъ съ пожемы въ рукѣ. Онъ уже сдѣлалъ полъ-дороги.

Наши глаза встрѣтились и мы оба одновременно вскрикнули: я отъ испуга, Гандсъ отъ бѣшенства. Въ ту же минуту онъ бросился ко мнѣ, а я сдѣлалъ скачокъ въ сторону. Отскакивая, я рѣзкимъ движеніемъ выпустилъ изъ рукъ руль, который быстро отклонился влѣво и съ размаха ударилъ негодяя въ грудь, такъ что тотъ упалъ. Это меня спасло.

Негодяй не скоро оправился, а я тѣмъ временемъ улетнулъ изъ угла, гдѣ меня чуть-чуть не зарѣзали какъ звѣрка въ норѣ. Я добѣжалъ до гротъ-мачты и остановился. Вынувъ пистолеть, я хладнокровно направилъ его на злодѣя, который опять приближался ко мнѣ. Я спустилъ курокъ... онъ щелкнулъ, но выстрѣла

не послѣдовало. Морская вода подмочила затравку и я оказался безоружнымъ.

Какъ я раскаялся въ своей небрежности!.. Какъ я разбранилъ себя!.. А вѣдь стоило только всыпать заранѣе новаго пороха!... Теперь же мнѣ осталось только разыграть роль глухаго барана на бойнѣ.

Я никакъ не думалъ, что раненый Гандсъ въ состояніи двигаться такъ быстро. Видѣ его внушала ужасъ: сѣдые, всклокоченные волосы, багровое отъ злости и нетерпѣнія лицо, горящіе какъ уголи глаза... Другой пистолетъ не стоило и пробовать; результатъ оказался бы тотъ же. Я понялъ, что кромѣ отступленія иного исхода нѣтъ. Но куда же было отступать?.. Я взялся обѣими ладонями за стволъ гротъ-мачты и сталъ ждать. Сердце у меня такъ и стучало.

Увидавъ мою тактику, Гандсъ остановился. Я сообразилъ, что могу продлить борьбу чуть не до безконечности, впрочемъ безъ надежды на успѣхъ.

Въ это время *Испаньола* сѣла наконецъ на песчаную мель, качнулась нѣсколько разъ изъ стороны въ сторону и успокоилась, накренившись лѣвымъ бортомъ подъ угломъ въ 45° съ горизонтальною плоскостью. Черезъ бортъ хлынула вода, разлилась по палубѣ и остановилась во впадинахъ, такъ что образовались лужи.

Отъ толчка мы съ Гандсомъ оба потеряли равновѣсіе и вмѣстѣ покатались по палубѣ въ близкомъ сопровожденіи мертвеца. Я упалъ такъ близко отъ Гандса, что ударился головою объ его ноги. Ударъ былъ очень сильный, у меня даже зубы шелкнули. Я поднялся первый, потому что Гандсу мѣшала рана и навалившійся на него трупъ.

Неожиданное паденіе корабля сдѣлало невозможною бѣготню по палубѣ. Приходилось немедленно искать другаго средства, чтобы спастись, потому что моему врагу стоило только протянуть руку и достать до меня. Быстрѣе молніи кинулся я къ фокъ-мачтѣ, проворно полѣзъ по ней и успокоился только тогда, когда добрался до большой реп.

Быстрота спасла меня, потому что злодѣй кинулъ мнѣ вслѣдъ свой кинжалъ. Я взглянулъ на Гандса сверху внизъ; онъ смотрѣлъ на меня снизу, разинувъ ротъ отъ удивленія и досады. Послѣ этого онъ наклонился, чтобы поднять оружіе.

Я воспользовался временемъ, чтобы оправиться и перемѣнить затравку у пистолетовъ.

Гандсъ увидаль это. Онъ поняль, что погибнетъ, если не успѣтъ мнѣ помѣшать. Онъ схватилъ кинжалъ въ зубы и тоже полѣзъ на мачту съ большимъ трудомъ и подавленными стопами.

Но онъ не могъ лѣзть скоро, благодаря ранѣ. Я спокойно окончилъ свои приготовления и обратился къ нему, говоря:

— Мистеръ Гандсъ, остановитесь, не то я вамъ голову размозжу.

Онъ остановился. На его скотскомъ лицѣ появилось раздумье. Видно было, что размышленіе составляетъ для Гандса очень большой трудъ. Я не утерпѣль и размѣлся.

Наконецъ онъ заговорилъ, глотая слюну и сохраняя на лицѣ все то же недоумѣвающее выраженіе. Говорить ему приходилось съ кинжаломъ во рту, но онъ не перемѣнилъ позы.

— Джимъ,—сказаль онъ,—не лучше ли намъ подписать опять договоръ? Еслибъ не этотъ проклятый толчокъ, я добрался бы до тебя, но мнѣ вѣчно неудача... Теперь приходится сдатьсь, а вѣдь это очень тяжело для стараго моряка. Шутка ли сдаватсь молокососу!..

Я жадно впиваль въ себя эти слова и улыбался до ушей, пыжась точно пѣтухъ на заборѣ. Но вотъ Гандсъ пересталь говорить и взмахнулъ рукою. Что-то просвистало въ воздухѣ точно стрѣла. Я почувствовалъ острую боль въ плечѣ, которое точно кто гвоздемъ прибилъ къ мачтѣ...

Не взвидѣвъ свѣта отъ боли и испуга, я безсознательно, не цѣлясь, спустиль курки обоихъ пистолетовъ. Раздались два выстрѣла и одновременно съ ними пистолеты выпали у меня изъ рукъ.

Они упали не одни.

Съ глухимъ стономъ Израиль Гандсъ сорвался съ мачты и головою внизъ упаль въ море...

ГЛАВА XIII.

Въ плѣну у пиратовъ.

Вслѣдствіе паденія шкуны на лѣвую сторону, мачты ея, разумѣется, нагнулись такъ, что уже не были перпендикулярны къ уровню моря, а составили съ нимъ острый уголъ. Такимъ образомъ мое мѣсто на большой реѣ пришлось какъ разъ надъ водою. Гандсъ, поднявшись по мачтѣ ниже меня, упалъ въ море между бортомъ корабля и мысленной вертикальной линіей, проведенной отъ моего тѣла къ плоскости воды... Я видѣлъ, какъ онъ на одну минуту вынырнулъ изъ морской пѣны и затѣмъ погрузился въ волны навсегда. Когда волненіе улеглось, я увидалъ сквозь воду его тѣло, лежащее на песчаномъ днѣ въ полосѣ тѣни, отброшенной кораблемъ. Надъ тѣломъ близко проплыли двѣ рыбы и задрѣли его; по водѣ пошли круги, такъ что можно было подумать, что Гандсъ пошевелился. Но онъ былъ мертвъ и скоро ему предстояло сдѣлаться пищею рыбъ на томъ самомъ мѣстѣ, куда онъ намѣревался бросить меня.

Убѣдившись въ гибели Гандса, я вдругъ почувствовалъ себя дурно физически и страшно перепугался. По моему плечу текла горячая кровь. Кинжалъ Гандса, пригвоздившій меня къ мачтѣ, жегъ мнѣ тѣло какъ раскаленное желѣзо. Но я дрожалъ не столько отъ физической боли, сколько отъ страха за свою будущность. Я съ ужасомъ предвидѣлъ минуту, когда, лишившись силъ, я упаду въ эту зеленую, тихую воду и буду лежать о бокъ съ Гандсомъ.

Отъ этой мысли у меня закружилась голова. Я закрылъ глаза, чтобы не упасть съ реи, и такъ я сильно вцѣпился руками въ канаты, что впился ногтями въ собственныя ладони. Понемногу ко мнѣ вернулось хладнокровіе, пульсъ успокоился и я сталъ обдумывать, какъ мнѣ поступить.

Прежде всего мнѣ пришло въ голову вытащить у себя изъ раны кинжалъ, но онъ сидѣлъ во мнѣ такъ глубоко и, дотронувшись до него, я почувствовалъ такую невыносимую боль, что сейчасъ же выпустилъ его, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.

Какъ ни странно, но это самое движеніе меня и спасло. Кинжалъ едва не пролетѣлъ совсѣмъ мимо меня и задѣлъ лишь самый край моего плеча. Онъ, какъ оказалось, держался на тонкомъ лоскуткѣ кожи; когда я вздрогнулъ, лоскутокъ оборвался и освободилъ меня. Разумѣется, кровь еще сильнѣе потекла изъ раны, но все же я могъ теперь свободно двигаться, потому что къ мачтѣ остались прибитыми только мой камзолъ и рубашка.

Я рванулся и освободился окончательно. Теперь мнѣ оставалось только спуститься на палубу, что я и не замедлилъ исполнить. Спустившись, я кое-какъ перевязалъ рану, которая продолжала ныть и сочиться кровью. Впрочемъ она была не изъ тяжкихъ и даже не мѣшала мнѣ владѣть рукою.

Увидавъ себя единственнымъ хозяиномъ шкуны, я первымъ дѣломъ успѣшилъ освободить ее отъ послѣдняго пассажира, мертваго О'Бріена, и безъ большаго труда подтащилъ его къ борту. Среди всевозможныхъ приключеній я настолько закалился характеромъ, что совершенно пересталъ бояться мертвецовъ. Взявъ тѣло поперекъ тали, я приподнялъ его, перекинулъ за бортъ и столкнулъ въ море. Раздался глухой всплескъ и тѣло медленно пошло ко дну, недалеко отъ того мѣста, гдѣ лежалъ Гандсъ. Красная шапка отдѣлилась отъ головы и всплыла наверхъ. Когда водяные круги успокоились, я увидалъ, какъ около нея заюлили рыбы.

Итакъ я остался на шкунѣ одинъ. Начинался отливъ и солнце стояло уже такъ низко, что тѣнь отъ сосенъ съ лѣваго берега протянулась почти до палубы корабля. Поднялся предзакатный вѣтерокъ; канаты стали слегка поскрипывать и паруса слегка всплеснули. Это могло кончиться плохо для корабля, поэтому я побѣждалъ убирать паруса. Съ гротомъ я никакъ не могъ справиться и кончилъ тѣмъ, что подрѣзалъ у него канаты. Парусъ опустился и часть его упала въ воду. Такъ какъ онъ былъ на-

дуть вѣтромъ, то эта погруженная часть образовала изъ себя какую-то пловучую массу; тщетно старался я втащить парусъ на шкуну, это мнѣ не удалось и я оставилъ его въ водѣ. Все, что отъ меня зависѣло, я сдѣлалъ и имѣлъ теперь полное право предоставить *Испаньолу* ея собственной судьбѣ.

Уже пристань начала погружаться въ сумерки. Послѣдніе лучи заката, сквозя черезъ просвѣтъ между деревьями, сверкали рубинами и изумрудами на цвѣтистой травѣ, покрывавшей разбитый корабль. Волны отлива быстро бѣжали къ морю и шкуна все глубже и глубже осѣдала въ песокъ. Я взобрался на бакъ и взглянулъ внизъ. Вода была очень мелка. Взявшись за болтавшійся обрѣзокъ якорнаго каната, я осторожно спустился и сталъ твердою ногою на дно, погружившись по поясъ въ воду. Такъ оставилъ я *Испаньолу* накрененною на бокъ и съ распластаннымъ подлѣ нея въ водѣ парусомъ гротъ-мачты. Я прошелъ по дну, не скользя и не спотыкаясь, и черезъ нѣсколько минутъ выбрался на берегъ. Солнце между тѣмъ окончательно закатилось и въ вѣтвяхъ огромныхъ сосенъ тихо шелестѣлъ шаловливый вечерній вѣтерокъ.

Я чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Что бы ни случилось потомъ, въ данную минуту я помнилъ только одно, что я стою на твердой землѣ и что море лежитъ сзади меня. Я возвращался домой и шелъ не съ пустыми руками. Въ гавани стояла очищенная отъ пиратовъ шкуна, готовая выйти въ море въ любую минуту. Конечно, за самовольный уходъ меня ожидала неизбѣжная нахлобучка, но захватъ шкуны вполнѣ искупалъ мою вину, и я не сомнѣвался, что даже самъ капитанъ Смоллетъ признаетъ за мной смягчающія обстоятельства и согласится, что я не потратилъ времени даромъ. Съ такими мыслями шелъ я къ блокгаузу. Припомнивъ, что ручей, впадающій въ бухту *капитана Кидда*, беретъ начало на двухвершинномъ холмѣ, возвышавшемся отъ меня влѣво, я направился въ эту сторону, чтобы перейти ручей поближе къ истоку. Лѣсъ порѣдѣлъ и я довольно скоро обогнулъ подошву холма и перешелъ ручей въ бродѣ, замочивъ ноги выше колѣна.

Отсюда было недалеко до мѣста, гдѣ я встрѣтился съ Беномъ Гунномъ, такъ что я сталъ остерегаться. Ночь между тѣмъ наступила. Взглянувъ на небо, я увидалъ на немъ отраженіе какого-то свѣта и предположилъ, что мой островитянинъ вздумалъ готовить ужинъ. Я нѣсколько удивился его неосторожности, такъ какъ свѣтъ могъ привлечь вниманіе бдительнаго Сильвера. Если свѣтъ

былъ видѣнъ мнѣ, то, разумѣется, его должны были видѣть и бандиты, стоявшіе лагеремъ въ болотѣ.

Темнота увеличивалась. Я насилу могъ идти. Двухвершинный холмъ позади меня и холмъ *Далекій Видъ* съ правой стороны постепенно исчезали во мракѣ. Звѣздъ было немного, да и тѣ едва мерцали. Я то и дѣло спотыкался объ ямы и кочки и путался ногами въ хворостѣ.

Вдругъ сцена освѣтилась волною серебристаго свѣта. Изъ-за холма *Далекій Видъ* медленно всплылъ на небо мѣсяцъ и засіялъ надъ деревьями, словно освѣщая мнѣ путь. Теперь ужъ мнѣ ничего не стоило идти впередъ. То бѣгомъ, то для отдыха шагомъ, я добрался до роши, окружавшей нашъ блокгаузъ.

Тутъ я пошелъ потише, осматриваясь и оглядываясь на каждомъ шагу. Я боялся получить по недоразумѣнію пулю отъ своихъ же, а это было бы уже слишкомъ печальнымъ исходомъ моего предпріятія. Луна поднималась все выше и выше и свѣтъ ея сталъ падать на лѣсъ уже не съ боку, а отвѣсно. Тутъ я съ удивленіемъ увидалъ сквозь деревья совершенно особенный ярко-красный свѣтъ и никакъ не могъ понять, откуда онъ идетъ. Объяснить себѣ это явленіе я могъ лишь по приходѣ на поляну, гдѣ стоялъ блокгаузъ.

Я увидалъ между домомъ и палисадомъ огромную зажженную жаровню, отъ которой и шелъ замѣченный мною багровый свѣтъ, напоминавшій зарево.

Я очень удивился и даже встревожился. У насъ никогда не зажигали такого огня. По приказанію капитана дрова у насъ расходоуались до крайности бережливо. Значить безъ меня случилось что-нибудь новое? Кругомъ царилъ полная тишина, слышенъ былъ только шелестъ вѣтра. Это меня успокоило. Стараясь держаться въ тѣни, я обошелъ палисадъ съ востока и, выбравъ наименѣе освѣщенный уголокъ, перелѣзъ во дворъ блокгауза.

Для большей осторожности я всталъ на четвереньки и въ такомъ видѣ взобрался на холмъ. Изъ блокгауза до меня донесся знакомый звукъ, звукъ не то чтобы очень гармоничный и при другихъ обстоятельствахъ даже несносный, но на этотъ разъ вполне для меня успокоительный: въ блокгаузѣ громко храпѣли. Это значило, что друзья мои вкушаютъ мирный и безмятежный сонъ. Лучше всякой мелодіи показалась мнѣ теперь эта сомнительная музыка.

...«Сильверъ сѣлъ на бочку и стагь меня допрашивать»...
(Стр. 176).

— Однако, хорошо же они караулят блокгаузъ! — невольно подумалъ я.—Еслибы на моемъ мѣстѣ былъ Джонъ Сильверъ, то, нечего сказать, хорошо бы было ихъ пробужденіе! Что значить, что капитанъ-то нашъ раненъ!

И я въ душѣ невольно упрекнулъ себя за то, что покинулъ ихъ въ такой опасности, когда притомъ ихъ такъ мало, что даже дежурить некому.

Но вотъ я дошелъ до двери и остановился. Въ комнатѣ было темно, я ничего не могъ разглядѣть. Храпѣніе продолжалось и по временамъ сквозь него слышалось какъ будто постукиваніе чѣмъ-то твердымъ. Вытянувъ впередъ руки, чтобы не наткнуться на что-нибудь, я переступилъ черезъ порогъ и вошелъ въ комнату. Я смѣялся въ душѣ, предвкушая, какъ будетъ весело, когда я спокойно лягу на своемъ обычномъ мѣстѣ и удивлю поутру моихъ друзей неожиданнымъ возвращеніемъ.

— Вотъ будутъ у нихъ лица!—думалось мнѣ.

Проходя, я задѣлъ ногою одного изъ спящихъ. Тотъ пошевелился, проворчалъ что-то, но не проснулся. Вдругъ въ темнотѣ раздался крикъ или вѣрнѣе трескъ:

— Червонцы!... червонцы!... червонцы!...

То былъ капитанъ Флинтъ, Сильверовъ поугай!... Я вспомнилъ постукиванье. Это онъ стучалъ обо что-нибудь носомъ. Отчего онъ вдругъ закричалъ?... Неужели онъ оказался лучшимъ часовымъ, чѣмъ люди?...

Всѣ спящіе вскочили съ просонья. Я обомлѣлъ и не зналъ, что дѣлать.

— Кто тутъ?—кликнулъ зычнымъ голосомъ Сильверъ.

Я повернулся и хотѣлъ бѣжать, но тутъ же на кого-то наткнулся. Меня съ силою оттолкнули прочь и я налетѣлъ на другаго человѣка, который крѣпко обхватилъ меня руками и не пускалъ,

— Дикъ, принеси огня!—крикнулъ Сильверъ.

Одинъ изъ бывшихъ въ комнатѣ вышелъ вонъ и черезъ секунду возвратился, неся въ рукѣ горящую головню.

При свѣтѣ этого факела я убѣдился въ самомъ худшемъ, что могло случиться.

Блокгаузъ былъ въ рукахъ пиратовъ со всеми припасами. Бочка съ коньякомъ, солонина, мѣшокъ съ сухарями, — все было на прежнихъ мѣстахъ. Я задрожалъ всемъ тѣломъ. Куда же дѣвались плѣнники? Неужели погибли до послѣдняго человѣка? Гос-

поди, Господи! А я-то!... Меня не было съ ними!... Зачѣмъ я это сдѣлалъ!...

Пиратовъ было только шесть человѣкъ. Изъ остальныхъ никто не уцѣлѣлъ. Пятеро изъ нихъ вскочили, встрепенувшись отъ тяжелаго пьянаго сна. Ихъ лица были красныя, раздутыя. Шестой остался лежать и только приподнялся на локтѣ. Онъ былъ очень блѣденъ и на головѣ у него была запачканная кровью повязка. Я вспомнилъ человѣка, раненнаго при началѣ штурма и убѣжавшаго въ лѣсъ, и догадался, что это былъ онъ самый.

Попугай пересталъ кричать. Сидя на плечѣ у своего хозяина, онъ чистилъ носикомъ свои перья. Мнѣ показалось, что Сильверъ былъ блѣднѣе и серьезнѣе обыкновеннаго. Онъ былъ въ томъ же самомъ суконномъ скюртукѣ, въ которомъ приходилъ для переговоровъ, но теперь этотъ скюртукъ былъ изорванъ, забрызганъ грязью и запачканъ кровью.

— Вотъ какъ! Да это Джимъ Гоукинсъ!—вскричалъ онъ, узнавъ меня.—Признаюсь, никакъ не ожидалъ... Ну, да все равно, спасибо за память. Честь лучше безчестья...

Онъ сѣлъ на боченокъ съ коньякомъ и сталъ набивать себѣ трубку.

— Дай-ка сюда огня, Дигъ,—сказалъ онъ и продолжалъ, раскуривая трубку:—спасибо, хорошо. Воткни головню сюда въ полѣнницу... Ладно... А вы, господа, не стѣсняйтесь: для одного мистера Гоукинса не стоитъ быть всѣмъ на ногахъ; мистеръ Гоукинсъ васъ извинить... Итакъ, Джимъ, это ты самолично?... Приятный сюрпризъ для меня, для стараго твоего друга. Я всегда зналъ, что ты тонкій юноша. Я сказалъ это тебѣ въ первый же разъ, какъ тебя увидалъ, но теперешній твой поступокъ, признаюсь, превосходить всѣ мои соображенія.

Я, конечно, молчалъ и, прислонившись къ стѣнѣ, смотрѣлъ Сильверу прямо въ лицо, стараясь не выказать ни малѣйшей слабости, но съ отчаяніемъ въ душѣ.

Сильверъ совершенно невозмутимо пыхнулъ раза два трубкой и продолжалъ:

— Поговоримъ откровенно, Джимъ. Я всегда любилъ тебя, мой мальчикъ, потому что ты ужасно похожъ на меня, какимъ я былъ въ молодости. Мнѣ всегда хотѣлось, чтобы ты былъ съ нами и получилъ свой пай изъ добычи. Вотъ ты и пришелъ. Не упусти же случая. Капитанъ Смолетъ, слова нѣтъ, морякъ хорошій,

дѣльный, но строгонекъ насчетъ дисциплины... ухъ, какъ строгъ... „Долгъ прежде всего“,—вотъ его неизмѣнное правило. Положимъ, это совершенно справедливо... Но берегись его. Держи теперь съ нимъ ухъ остро... Даже докторъ, — и тотъ на тебя взбѣшенъ. У нихъ для тебя имени нѣтъ другаго какъ „дезертиръ“. Словомъ тебѣ теперь къ нимъ возвращаться не рука. Они тебя и знать больше не хотятъ. Если ты не хочешь остаться въ сторонѣ отъ всѣхъ, то тебѣ остается одно—пристать къ капитану Сильверу.

Во всемъ этомъ было хорошо то, что друзья мои оказывались живы. Конечно, если вѣрить Сильверу, ихъ раздраженіе противъ меня было сильнѣе, чѣмъ я предполагалъ, но все-таки у меня отлегло отъ сердца. Точно гора съ плечъ свалилась.

— Ты, я думаю, и самъ видишь, что ты въ нашихъ рукахъ,— продолжалъ Сильверъ.—Я человѣкъ учтивый и разговоры люблю деликатные. Угрожать никому не люблю. Если тебѣ мое предложеніе по вкусу, то такъ и скажи. Если же нѣтъ, то все-таки отвѣчай, не стѣсняясь. Твоя добрая воля. Я тебѣ ничѣмъ не грожу.

— Вы хотите отвѣта?—спросилъ я дрожащимъ голосомъ, потому что въ иронической мягкости Сильвера отлично видѣлъ скрытую угрозу. Щеки мои горѣли, сердце болѣзненно билось въ груди.

— Никто тебя не торопитъ, — отвѣчалъ Сильверъ. — Возьми себѣ срокъ. Съ тобой не скучно провести нѣсколько часовъ.

— Ну, такъ если ужъ пошло на выборъ,—продолжалъ я болѣе спокойнымъ голосомъ,—то я долженъ сперва узнать, какимъ образомъ вы здѣсь и куда дѣвались мои друзья.

— Хитеръ тотъ будетъ, что тебѣ это скажетъ, — проворчалъ одинъ изъ разбойниковъ.

— А ты молчи, коли тебя не спрашиваютъ!—сердито прикрикнулъ Сильверъ на матроса, такъ непочтительно вмѣшавшагося въ разговоръ, потомъ снова перемѣнилъ сердитый тонъ на ласковый и продолжалъ, обращаясь ко мнѣ:—Извольте, мистеръ Гоукинсъ, я объясню вамъ все, какъ было. Знайте же, мистеръ Гоукинсъ, что вчера, въ первомъ часу утра, къ намъ явился докторъ Лайвей подъ парламентерскимъ флагомъ и сказалъ мнѣ: „капитанъ Сильверъ, вамъ измѣнили; корабль исчезъ“. Дѣйствительно, мы всю ночь пропьянствовали и прогорланили иѣсни. Однимъ словомъ шкуну мы прозѣвали... Взглянули на пристань—корабля нѣтъ.

Лица у насъ, разумѣтся, повытинулись, въ особенности у меня... Тутъ докторъ предложилъ сдѣлку. „Очень хорошо“,—согласился я. И въ результатѣ—мы очутились здѣсь въ блокаузѣ съ коньякомъ и провизіей, а они ушли, и убей меня Богъ, если я знаю, гдѣ они теперь.

Сильверъ помолчалъ, затянулся раза два-три трубкой и продолжалъ:

— Не думай однако, Джимъ, что договоръ распространяется и на тебя. Вотъ послѣднія слова, которыми мы обмѣнялись съ докторомъ: „Сколько васъ человѣкъ выйдетъ изъ блокауза?“ спросилъ я.—„Четверо здоровыхъ и одинъ раненый“,—отвѣчалъ докторъ.—„Что касается до юнги, то онъ куда-то пропалъ, и чортъ съ нимъ. Надоѣлъ онъ мнѣ своими нелѣпыми проказами“. Это его собственные слова.

— Все?—спросилъ я.

— Чего же тебѣ еще?

— Теперь я долженъ сдѣлать выборъ, не такъ ли?

— Разумѣтся.

— Такъ слушайте же!—вскричалъ я.—Я не настолько глупъ, чтобы не понимать, какая участь меня ожидаетъ... Ничего. Пускай. Будь, что будетъ... Я за послѣднее время такъ часто видѣлъ смерть, что пересталъ ее бояться. Но вотъ что я вамъ скажу. Во-первыхъ ваше положеніе настолько незавидно, что ничуть меня не прельщаетъ. Корабля у васъ нѣтъ, дѣло ваше не выгорѣло. А хотите знать благодаря кому?.. Благодаря мнѣ. Да. Я сидѣлъ въ яблочной бочкѣ въ тотъ вечеръ, когда мы подходили къ острову. Я слышалъ все, что вы говорили, и вы, Сильверъ, и Дикъ, и Гандсъ, который теперь лежитъ на днѣ моря... Шкуну отняли у васъ тоже я. Я перерѣзалъ у нея канатъ, убилъ матросовъ, которые ее стерегли, и завелъ корабль туда, гдѣ вамъ ни за что его не найти... Меня просто смѣхъ беретъ, глядя на васъ, потому что вы и не подозрѣвали, что я велъ все дѣло. Я не боюсь васъ ни крошечки. Хотите—убивайте меня, хотите—оставляйте меня въ живыхъ, мнѣ рѣшительно все равно. Больше я не скажу вамъ ни слова. Если вы меня пощадите, то я, когда вы все попадетесь наконецъ, постараюсь васъ какъ-нибудь спасти. Выбирайте сами. Если вы меня убьете, это вамъ не принесетъ никакой пользы, а если пощадите, то я быть можетъ спасу васъ отъ висѣлицы.

Я замолчалъ, чтобы перевести духъ. Никто изъ пиратовъ не

пошевелился. Всѣ сидѣли около меня въ кружокъ и таращили глаза. Я снова заговорилъ:

— Мистеръ Сильверъ, вы порядочнѣе другихъ. Если дѣло мое будетъ плохо, поручаю вамъ рассказать доктору, какъ я отвѣчалъ на ваше предложеніе.

— Непремѣнно расскажу,—отвѣчалъ этотъ странный человѣкъ такимъ загадочнымъ тономъ, что я никакъ не могъ понять его настоящей мысли. Не знаю, смѣялся онъ надо мною или сочувствовалъ моему мужественному порыву.

Тутъ матросъ, по имени Морганъ, видѣвшій меня въ Бристолѣ, когда я приходилъ въ таверну Сильвера, счелъ долгомъ вставить отъ себя слово.

— Онъ и Чернаго Пса узналъ и указалъ,—вскричалъ онъ.

— И кромѣ того вытащилъ карту изъ сундука Билли Бунса,—прибавилъ Сильверъ.—Но теперь онъ попался и у насъ въ рукахъ.

— Такъ вотъ и нужно спровадить его поскорѣе къ чорту!—крикнулъ Морганъ, обнажая свой кортикъ.

Онъ бросился на меня, но Сильверъ мигомъ его укротилъ.

— Прочь, Томъ Морганъ!—осадила онъ матроса.—Не ты здѣсь капитанъ. Смирно сиди, не то я съ тобой расправлюсь по-свойски. Ты, я думаю, хорошо меня знаешь. Мы и не такихъ, какъ ты, умѣли успокоивать... Припомни-ка мою жизнь за тридцать лѣтъ, Томъ Морганъ, и намотай себѣ на усъ!..

Матросъ осѣкся, но другіе зароптали.

— Морганъ дѣло говорить,—произнесъ одинъ изъ нихъ.

— Должно быть кто-нибудь изъ васъ захотѣлъ со мной перевѣдаться?—спросилъ Джонъ Сильверъ, привставая съ бочки.—Кто же это? Который?.. Пусть выходитъ и сказывается!.. Да что-жъ вы онѣмѣли что ли всѣ?.. Ну?..

Никто не двигался. Никто не пикнулъ. Сильверъ сунулъ трубку въ ротъ и продолжалъ:

— Эхъ, вы, герои!.. Знать не всякому подстать мѣряться съ Джономъ Сильверомъ!.. А когда такъ, то значить я вашъ капитанъ и вы должны меня слушаться. На первое время вотъ вамъ отъ меня приказъ: этого мальчика трогать никто не смѣй, а кто тронетъ, тотъ ужъ пусть не взыщеть. Такъ-то.

Послѣдовало молчаніе. Я попрежнему стоялъ у стѣны съ тяжелымъ сердцемъ, но уже съ смутною надеждой въ душѣ. Сильверъ, держа въ зубахъ трубку и скрестивъ на груди руки, казался по-

пруженнымъ въ собственныя думы, но въ дѣйствительности зорко наблюдавъ за своей непокорной командой. Матросы одинъ за другимъ отошли въ глубину залы и стали шушукаться. Ихъ шепотъ долеталъ до меня какъ сквозь сонъ. Мнѣ показалось, что предметомъ ихъ совѣщанія былъ я, потому что черезъ нѣсколько времени я при свѣтѣ головни увидѣлъ, что они одинъ за другимъ устали глаза на Сильвера.

— Кажется вы мнѣ хотите что-то сказать, — небрежно обратился къ нимъ Сильверъ, сплевывая передъ собою. — Говорите, пожалуй; я слушаю.

— Извините, капитанъ, — отвѣчалъ одинъ изъ разбойниковъ, — но вы немножко не того... Экипажъ недоволенъ.. Экипажъ не любитъ, чтобы съ нимъ обращались какъ съ грудой старыхъ пшавръ... Экипажъ имѣетъ свои права... Вы сами дали намъ уставъ. По этому уставу мы имѣемъ право собираться на сходки и совѣтываться. Мы такъ и хотимъ сдѣлать. Для этого мы выйдемъ отсюда не надолго съ вашего позволенія, капитанъ.

Послѣ этой рѣчи ораторъ поклонился Сильверу съ смѣсью почтительности и нахальства и первый вышелъ изъ комнаты. За нимъ другъ за дружкой послѣдовали остальные, кланяясь Сильверу при проходѣ и приговаривая:

— Извините, капитанъ!

— По уставу, капитанъ!

— Сходка на бакѣ, капитанъ..

Я остался съ Сильверомъ наединѣ..

Онъ сейчасъ же вынулъ трубку изо рта и сказалъ мнѣ вполголоса:

— Слушай, Джимъ Гоукинсъ, ты въ большой опасности: мало того, что тебя могутъ убить, тебя, чего добраго, подвергнуть пыткѣ. Они хотятъ меня смѣстить, это ясно. Но я тебя не брошу ни въ какомъ случаѣ. Говоря правду, я до разговора съ тобой смотрѣлъ на это иначе. Вѣдь не очень пріятно проиграть дѣло и вдобавокъ понасть на висѣлицу... Но теперь я вижу, изъ какого тѣста ты сдѣланъ. Я подумалъ: „Если я спасу Джима Гоукинса, то Джимъ Гоукинсъ спасетъ меня. Я его послѣдняя карта, а онъ мой послѣдній козырь. Моя услуга даромъ не пропадетъ. Быть можетъ онъ избавитъ меня отъ висѣлицы“. Вотъ что пришло мнѣ въ голову.

Я начиналъ догадываться.

— Неужели вы хотите сказать, что все потеряно? — спросилъ я..

— А то какъ же? Корабль уплылъ, намъ осталось одно—веревка. О, я все это сейчасъ же понялъ, какъ только увидалъ, что шкуны нѣтъ... Что касается до моихъ словъ и до ихъ сходки, то я постараюсь вырвать тебя изъ ихъ лапъ, Джимъ Гоукинсъ... А ты, когда придетъ время, вѣдь тоже похлопочешь за меня, чтобы меня не вздернули на висѣлицу? Да, Джимушка, вѣдь похлопочешь?

Я до крайности удивился этой просьбѣ. Неужели этотъ старый пиратъ, заводчикъ всему дѣлу, не въ шутку надѣется на пощаду?

— Я сдѣлаю все, что могу,—сказалъ я наконецъ.

— Стало быть это дѣло рѣшенное!—вскричалъ Сильверъ.—Ты не въ проигрышѣ, мой мальчикъ, да и я съумѣю сыграть своей послѣдней картой.

Онъ, подпрыгивая, подошелъ къ факелу и раскурилъ потухшую трубку.

— Столкуемся, Джимъ, хорошенько,—сказалъ онъ, снова подходя ко мнѣ.—Ты, я думаю, согласенъ, что я не дуракъ?... По этой причинѣ я и оставляю сквайра куда въ сторонѣ... Ты, я вижу, знаешь, гдѣ шкуна и какъ ее найти. Какимъ образомъ это случилось—ума не приложу. Гандсъ и О'Бриенъ вѣроятно сгруппили что-нибудь. Я никогда не ожидалъ отъ нихъ ничего путнаго... Но дѣло не въ томъ. Я тебя ни о чемъ не спрашиваю и о себѣ ничего не скажу. Впослѣдствіи все само собой будетъ извѣстно. Ахъ, Джимъ, еслибы мы сговорились съ тобой раньше, все бы пошло совершенно иначе и для тебя, и для меня!—Онъ нацѣдилъ изъ бочки немного рома въ оловянный стаканчикъ.— Хочешь, мальчикъ?—спросилъ онъ.

Я отказался. Сильверъ замѣтилъ на это:

— Нѣтъ, а я такъ вотъ люблю иногда пропустить глоточекъ. Теперь мнѣ даже необходимо это сдѣлать, чтобы подкрѣпиться. Мнѣ сейчасъ понадобятся всѣ мои силы... Вотъ что, Джимъ, скажи мнѣ пожалуйста хоть одно: за коимъ чортомъ отдалъ мнѣ докторъ карту острова?

При этой новости на моемъ лицѣ изобразилось такое глубокое изумленіе, что Сильверъ счелъ лишнимъ продолжать разспросы.

— Что, знать и ты удивился?—сказалъ онъ.—А между тѣмъ это истинная правда. Я увѣренъ, что тутъ что-нибудь да есть, только никакъ не могу понять что.

Онъ съ видомъ глубокаго недоумѣнія покачалъ косматою головою и залпомъ выпилъ свой стаканъ.

ГЛАВА XIV

На честное слово.

Сходка тѣмъ временемъ продолжалась. Одинъ изъ пиратовъ вернулся въ домъ и съ тѣмъ же почтительно-прощескимъ поклономъ попросилъ позволенія взять на минуту факель. Сильверъ позволилъ, комисаръ удалился и мы остались въ темнотѣ.

— Развязка приближается, Джимъ,—сказалъ мнѣ Сильверъ съ дружеской фамильярностью.

Я полюбопытствовалъ взглянуть изъ ближайшей амбразуры. Отъ костра остались одни уголья и я понялъ, почему вдругъ пиратамъ понадобился факель. Они сидѣли кучкой на серединѣ склона. Одинъ держалъ головню, а другой что то дѣлалъ, присѣвъ на корточки. Я замѣтилъ, какъ въ рукѣ у него сверкнуло лезвіе ножа. Прочіе съ любопытствомъ слѣдили за его дѣйствіями. Приглядѣвшись попристальнѣе, я увидалъ, что кромѣ ножа у него въ рукахъ еще и книга, и удивился, откуда она взялась и зачѣмъ понадобилась. Но вотъ сидѣвшій на корточкахъ всталъ и тогда вернулась къ дому.

— Идутъ назадъ,—сказалъ я Сильверу.

Я отошелъ отъ амбразуры, не желая, чтобы они замѣтили мое подглядываніе. Попасться въ этомъ я считалъ ниже своего достоинства.

— Ну, что же, милости просимъ!—невозмутимо отвѣтилъ мнѣ Сильверъ.—Не стану же я ихъ бояться.

Пираты появились у порога, толкаясь какъ бараны и подталкивая впередь того матроса, котораго я видѣлъ съ книгой въ рукахъ. Довольно комично вышло, когда онъ, неуклюже выдвинувшись изъ кучки, нерѣшительно переминался съ ноги на ногу, сжимая что-то въ правомъ кулакѣ.

— Подходи же, пріятель, — сказалъ ему Сильверъ. — Чего ты боишься? Вѣдь я тебя не съѣмъ. Я человѣкъ деликатный. При томъ же ты депутатъ, лицо священное въ нѣкоторомъ родѣ.

Пиратъ ободрился и подошелъ. Сунувъ что-то Сильверу въ руку, онъ послѣднѣйшимъ образомъ отретировался къ товарищамъ.

Сильверъ посмотрѣлъ на то, что ему подали.

— *Черная марка!* — вскричалъ онъ. — Я такъ и думалъ. — Откуда это вы ее выкопали, интересно знать?.. А, понимаю. Изъ библіи вырѣзали!.. И не грѣхъ вамъ? За это Богъ накажетъ. Который это цдіотъ изорвалъ библію?

— Говорилъ вѣдь я имъ! — вскричалъ Морганъ. — Развѣ можно было такъ Бога гнѣвить!.. Онъ накажетъ, непременно накажетъ.

— Да, ребяташки, надѣлали вы дѣла! — продолжалъ Сильверъ. — Грѣхъ какой!.. Ну, ужъ теперь быть вамъ повѣшенными, не от-вертитесь. Какой же это болванъ сдѣлалъ-то?

— Это все Дикъ, — сказалъ кто-то.

— Дикъ? Ну, теперь онъ пиши свое завѣщаніе. Бѣдный! ему не сдобровать.

Тутъ выступилъ человѣкъ, ушедшій на сходку первымъ, и сказалъ:

— Довольно балагурить, Джонъ Сильверъ. Экипажъ послать вамъ *черную марку*, какъ положено по уставу. Уставъ обязательенъ и для васъ. Вы должны ему подчиниться.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Спасибо, что надоумилъ. Вы, ребята, молодцы: уставъ знаете твердо. Ну-съ, такъ что же тутъ такое написано? *Низложенъ!* Такъ. И какъ красиво написано, чортъ побери. Точно отпечатано. Кто это изъ васъ писалъ, друзья мои? Ты что ли, Джорджъ?.. Ужъ не въ капитаны ли ты пробираешься? Хорошимъ будешь капитаномъ, отличнымъ. А покуда дай-ка мнѣ головню. Моя трубка что-то плохо курится.

— Безъ шутокъ, Джонъ Сильверъ, — сказалъ Джорджъ. — Мы знаемъ, что вы шутникъ, но дѣло не въ томъ. Вашъ чередъ прошель. Сходите-ка съ бочки и давайте выбирать новаго капитана.

— А я было думалъ, что вы и вправду знаете уставъ, — пре-

зрительно возразилъ Сильверъ. — Нѣтъ, видно васъ нужно еще поучить. Знайте же, что я все еще вашъ капитанъ, слышите? и буду имъ до тѣхъ поръ, покуда вы не заявите мнѣ своихъ претензій, а я на нихъ не отвѣчу. Покуда этого не будетъ, ваша черная марка все равно что ничего. Потому мы удивимъ.

— О, не бойтесь, мы знаемъ, чего хотимъ, — отвѣчалъ Джорджъ. — Во-первыхъ вы испортили наше дѣло. Попробуйте насъ увѣрить въ противномъ. Во-вторыхъ вы выпустили изъ блокагу враговъ, которые были нами сжаты въ кулакъ. Не знаю, зачѣмъ они пожелали уйти, но вполнѣ понимаю, что имъ это было нужно. Послѣ этого вы не дали намъ напасть на нихъ, когда они уходили. О, ваша игра вполнѣ понятна; вы служите и нашимъ, и вашимъ, надѣясь обезпечить себѣ лазейку на случай окончательной бѣды. Но этого мы не допустимъ, нѣтъ... Наконецъ послѣднее наше неудовольствіе—этотъ мальчишка.

— И все?—холодно спросилъ Сильверъ.

— Кажется довольно и этого?—разсердился Джорджъ. —Мы всѣ скоро угодимъ на висѣлицу, благодаря вашей глупости.

— Ну, ладно. Я сейчасъ отвѣчу вамъ на всѣ ваши обвиненія. Я испортилъ все дѣло, вы говорите. Я ли, послушайте? Вы помните, какой былъ у меня планъ, и сами, я думаю, видите теперь, что еслибы онъ былъ исполненъ, то мы сидѣли бы теперь на *Испаньолъ* съ кучей денегъ и со всякой провизіей. Кто меня не послушался? Кто заставилъ меня отказаться отъ этого плана,—меня, выборнаго капитана? Кто въ самый рѣшительный день, когда мы съѣхали на островъ, сунулъ мнѣ въ руки черную марку? Кто отказался ждать болѣе благоприятной минуты? И вотъ теперь насъ дѣйствительно ждетъ очень печальная участь. Висѣлицы намъ не миновать, а чья вина? Вина Андерсена, Гандса и твоя, Джорджъ Мерри. Ты остался послѣдній изъ этой глупой троицы, тѣхъ двухъ уже нѣтъ на свѣтѣ. Они заплатились, но ты, ты послѣ этого еще смѣешь лѣзть въ капитаны! Да это чортъ знаетъ что такое!

Сильверъ умолкъ и по лицамъ Джорджа и его товарищей я замѣтилъ, что рѣчь произвела впечатлѣніе.

— Такъ вотъ ваше первое обвиненіе,—продолжалъ обвиняемый, вытирая вывернутою рукою потный лобъ. Онъ говорилъ съ такою силой, что въ домѣ дрожали стѣны.—Эхъ, да что! Просто и вспоминать-то тошно!.. Память у васъ короткая, разумъ тоже; вы не можете ничего сообразить, ничему научиться. Какіе вы матросы?

Какіе вы рыцари фортуны? Вамъ бы съ аршиномъ за прилавкомъ стоять, а не то что...

— Продолжай, Джонъ,—сказаль Морганъ.—Переходи къ другимъ обвиненіямъ.

— Къ другимъ!... А вы думаете, что въ нихъ больше резона? Держите карманъ!... Дѣло испорчено по вашему? Истинная правда; и какъ еще испорчено-то! Я просто стыну при мысли о томъ, что вамъ угрожаетъ... И до такихъ бѣдъ мы дошли, благодаря этому краснобаю, благодаря Гандсу съ Андерсеномъ и вообще по милости идіотовъ, совавшихъ свой носъ туда, куда не слѣдовало... Теперь кстати про послѣднее обвиненіе. Вы сердитесь, что я не даю вамъ убить мальчика. Да развѣ онъ не заложникъ? И развѣ заложникъ лишняя вещь въ нашемъ скверномъ положеніи? Напротивъ, это единственная наша надежда на спасеніе. Убить мальчика? Что вы, помилуйте... Еще что? Да, зачѣмъ я васъ тогда остановилъ... Ну, что же худаго изъ этого вышло? Развѣ не ходитъ къ намъ сюда каждый день докторъ и не лѣчитъ васъ всеми средствами? У Билля ранена голова, Джорджа трясеть лихорадка и онъ желтъ какъ лимонъ. Мѣшаетъ развѣ докторъ?... Или вы забыли еще, что къ острову идетъ другой корабль? А когда онъ придетъ, развѣ не лучше для насъ, если мы сохранимъ заложника? Ослы! Поймите же, что вѣдь мы тогда переговоры можемъ вести, диктовать условія!... Теперь обвиненіе второе, которымъ я и закончу. Зачѣмъ я вступилъ въ сдѣлку и выпустилъ враговъ изъ блокауза? Я такъ думаю, что вы и сами знаете зачѣмъ. Развѣ не сами вы просили меня это сдѣлать и еще въ ногахъ у меня валялись... да, валялись, ноги мнѣ цѣловали, потому что совершенно упали духомъ. Припомните: дня черезъ три вамъ грозила голодная смерть. Но все это ничего въ сравненіи... Такъ ужъ сказать вамъ, для чего я это сдѣлалъ? Ладно, такъ и быть. Вотъ для чего, на-те, возьмите!...

Съ этими словами онъ кинулъ на полъ бумагу, которую я сейчасъ же узналъ. То была карта, которую я нашель въ сундукѣ Билля Бунса. Только я никакъ не могъ понять, для чего докторъ выпустилъ ее изъ рукъ.

Мятежники кинулись на нее, точно кошка на мышъ. Я видѣлъ, какъ она переходила изъ рукъ въ руки. Каждый вырываль ее изъ рукъ другаго, всѣ смѣялись отъ радости, кричали, прыгали какъ дѣти.

— Да,—сказалъ одинъ,—это Флинтъ чертилъ. Вотъ и его подпись: Дж. Ф. и росчеркъ завитушкой. Онъ такъ всегда подписывался.

— Все это хорошо,—сказалъ Джорджъ,—но какъ же мы уѣдемъ отсюда? На чемъ мы увеземъ нашъ кладъ? Вѣдь корабля у насъ нѣтъ.

Сильверъ подскочилъ къ нему и оперся около него рукою о стѣну.

— Смотри у меня, Джорджъ! — крикнулъ онъ.—Еще слово, и я тебѣ покажу!.. Что намъ дѣлать? Это я долженъ у тебя спрашивать, осель ты этакій, потому что и въ этомъ опять твоя вина. О чемъ же ты раньше-то думалъ? Зачѣмъ прозѣвалъ шкуну, путаясь въ мои дѣла?.. Конечно, ты ничего путнаго не придумаешь, такъ по крайней мѣрѣ умѣи говорить вѣжливо.

— Это вѣрно,—сказалъ старый Морганъ.

— Еще бы не вѣрно!—возразилъ Сильверъ.—Я нашелъ кладъ, а вы потеряли шкуну. Кто же изъ насъ умнѣе? Ну, да чортъ съ вами со всѣми. Будетъ. Надоѣло. Я выхожу въ отставку. Выбирайте въ капитаны кого хотите. Я умываю руки.

— Сильвера!—закричали бандиты. — Сильвера въ капитаны!.. Сильвера хотимъ!.. Ура, Сильверъ!

— Что? Теперь другое заплѣли?—возразилъ поваръ.—Ну, бѣдный Джорджъ, твоя очередь придетъ потомъ. Счастье твое, что я на тебя не сержусь. Я не мстителенъ. Стало быть черная марка ни при чемъ, товарищи? Ни при чемъ? Дикъ испортилъ свою библію и погубилъ свою душу,—вотъ и весь результатъ.

— Я думаю, книга все-таки годится, если нужно будетъ принести на ней присягу, — спросилъ Дикъ, видимо обезпокоенный своимъ поступкомъ.

— Изорванная-то библія?—отвѣчалъ Сильверъ.—Ну, не думаю. Она теперь стоитъ не больше стараго пѣсенника. Хочешь, Джимъ, я тебѣ подарю?—обратился онъ ко мнѣ, подавая черную марку.

То былъ бумажный кружокъ, величиною въ серебряную крону, вырѣзанный изъ послѣдняго листа книги. Одна сторона была грубо испачкана углемъ, сквозь который видѣлись еще напечатанные слова. Другая сторона оставалась чистою и на ней прописными буквами было нацарапано: *низложинъ* (такъ и было написано съ *и*). У меня до сихъ поръ сохраняется эта курьезная марка, только надпись совершенно изгладилась и видны лишь царапины, какъ будто сдѣланныя ногтемъ.

Такъ кончилось это дѣло. Каждый выпилъ по стакану водки и мы разлеглись спать. Вся отместка Сильвера Джорджу Мерри ограничилась тѣмъ, что поваръ поставилъ возмутителя на всю ночь на часы, пообѣщавъ ему пулю въ голову, если тотъ будетъ плохо караулить.

Долго я не могъ сомкнуть глазъ. Мнѣ то мерещился убитый мною человѣкъ, то представлялось во всемъ ужасѣ мое опасное положеніе, то вспоминалось намѣреніе Сильвера во что бы то ни стало меня отстоять. И, несмотря на всю его развращенность, мнѣ дѣлалось его безконечно жаль, когда я вспоминалъ, какая постыдная смерть его ожидаетъ.

Утромъ насъ всѣхъ разбудилъ чей то звонкій и мужественный голосъ:

— Эй, вы, блокгаузцы! Докторъ пришелъ! Вотъ докторъ!

То былъ дѣйствительно онъ. Узнавъ его голосъ, я обрадовался, но вмѣстѣ съ тѣмъ у меня сжалось сердце. Я со стыдомъ припомнилъ свое непослушное поведеніе и мнѣ сдѣлалось совѣстно глядѣть доктору въ глаза.

Онъ должно быть всталъ очень рано, потому что солнце еще не всходило. Подбѣжавъ къ бойницѣ, я увидаль его идущимъ по утренней росѣ подъ дымкою голубовато-сѣрыхъ паровъ.

— Это вы, докторъ? Добраго утра, сэръ,—крикнулъ ему Сильверъ, поднимаясь съ ложа въ самомъ радужномъ настроеніи духа.—Вы всегда встаете раньше всѣхъ, ужъ я васъ знаю. Это хорошо. Недаромъ пословица есть: кто рано всталъ да палку взялъ, тотъ и капраль. Джорджъ, помоги господину доктору взобраться на холмъ. Ваши пациенты, докторъ, чувствуютъ себя лучше. Они свѣжи какъ розы.

Такъ пустословилъ онъ, стоя въ дверяхъ съ костылемъ подъ мышкой. Это былъ опять веселый, беззаботный Сильверъ прежнихъ дней.

— А у насъ, сэръ, есть для васъ сюрпризъ, — продолжалъ онъ.—Къ намъ явился молодой иностранецъ... хи-хи-хи!.. Какъ онъ храпѣлъ нынѣшнюю ночь рядомъ съ Джономъ!

Докторъ приближался къ дому. Я слышалъ, какъ онъ спросилъ измѣнившимся голосомъ:

— Неужели Джимъ?..

— Самый онъ,—отвѣчалъ Сильверъ.

Докторъ остановился, словно не въ силахъ будучи идти дальше, но ничего не сказалъ.

... «Бѣдный Джимъ,—сказаль докторъ»... (Стр. 193).

— Долгъ прежде удовольствія,—выговорилъ онъ наконецъ.— Вы сами всегда это говорите, Сильверъ. Дайте мнѣ сначала взглянуть на больныхъ.

Онъ вошелъ въ блокгаузъ, отыскалъ меня глазами, чуть-чуть кивнулъ мнѣ головой и направился къ раненому. Онъ не выказывалъ ни малѣйшей боязни, хотя долженъ былъ знать, что его жизнь виситъ на волоскѣ среди этихъ воплощенныхъ демоновъ. Онъ болталъ съ больными такъ безопасно, какъ будто явился съ визитомъ въ пѣдра самаго тихаго семейства. Вѣроятно его видъ оказывалъ вліяніе на пиратовъ, потому что они тоже держали себя вполне прилично, какъ самые вѣрные матросы.

— Все идетъ хорошо,—сказалъ онъ матросу, у котораго была перевязана голова.—Ты, братъ, долженъ Бога благодарить за спасеніе: голова у тебя должно быть стальная. Только вотъ цвѣтъ лица не хорошъ: желтый, желтый. Печень не въ порядкѣ... Да ты принималъ ли лѣкарство-то? Принималъ онъ лѣкарство, Морганъ?

— Да, докторъ, онъ принималъ,—отвѣчалъ Морганъ.

— Когда я лѣчу бунтовщиковъ или арестантовъ, я честь свою полагаю въ томъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не ускользнулъ отъ петли.

Негодяи переглянулись между собою, но ни одинъ не рѣшился сказать хотя бы одно слово.

— Дикъ занемогъ, докторъ,—обратился къ нему одинъ изъ пиратовъ.

— Правда? Ступай сюда, Дикъ, показывай языкъ. Такъ. Мудрено чувствовать себя хорошо съ такимъ ужаснымъ языкомъ. Еще одинъ лихорадочный случай.

— Вотъ что значить изорвать библию!—вскричалъ Морганъ.

— Вотъ что значить быть круглыми ослами,—возразилъ докторъ,—и выбирать для лагеря болото. Ни одинъ изъ васъ не уйдетъ отъ малярии, всѣ переболѣете... Устройтесь въ болотѣ! Сильверъ, я положительно васъ не понимаю. Вы какъ будто поумнѣе немного остальныхъ, а не имѣете ни малѣйшаго понятія о гигиенѣ.

Онъ далъ каждому больному принять лѣкарство, которое они приняли съ наивною, дѣтскою покорностью, точно они не были бунтовщиками, запятнанными невинною кровью. За тѣмъ докторъ обратился ко мнѣ.

— На нынѣшній день довольно,—сказалъ онъ.—Теперь я желалъ бы поговорить съ этимъ мальчикомъ.

Джорджъ Мерри только что хотѣлъ плюнуть у порога по поводу даннаго ему горькаго лѣкарства, какъ слова эти долетѣли до его ушей. Красный какъ ракъ, онъ обернулся и крикнулъ:

— Ну, ужъ нѣтъ!

Сильверъ что есть силы хлопнулъ ладонью по бочкѣ.

— Молчать!—рявкнулъ онъ, поведя вокругъ львинымъ взглядомъ.—Докторъ, продолжалъ онъ обычнымъ вѣжливымъ тономъ,—я и самъ собирался доставить вамъ это удовольствіе, зная вашу привязанность къ мальчику. Мы вамъ очень признательны и вѣримъ вамъ безусловно, потому что глотаемъ все ваши лѣкарства какъ прогъ. Поэтому я придумалъ средство, чтобы все остались довольны. Гоукинсъ, даешь ли ты слово поступить безъ обмана?

Я охотно далъ требуемое обѣщаніе.

— Въ такомъ случаѣ, докторъ, неудобно-ли вамъ идти за палисадъ. Когда вы будете тамъ, я приведу къ вамъ мальчика, который останется по нашу сторону палисада, и вы можете поговорить сколько душеѣ угодно. Такъ до свиданья, докторъ. Наше почтеніе Сквайру и капитану Смоллету.

Сильверъ однимъ движеніемъ бровей укротилъ негодованіе своихъ, но когда докторъ ушелъ, это негодованіе прорвалось наружу и разразилось со всею силой. Сильвера громко обвиняли въ томъ, что онъ ведетъ двойную игру, стремясь оградить свои интересы на счетъ шкуры товарищей.

Это была истинная правда и я спрашивалъ себя, какъ-то ему удастся вывернуться. Но онъ былъ цѣлой головой выше своихъ товарищей, а недавняя побѣда давала ему передъ ними огромное преимущество. Онъ только обругалъ ихъ болванами, идиотами, объявилъ, что доктору необходимо разрѣшить поговорить со мною и, ткнувъ имъ въ носъ картой, грубо спросилъ, неужели они намѣрены нарушить договоръ въ тотъ самый день, какъ имъ нужно отправляться на поиски клада.

— Нѣтъ, чортъ побери!—крикнулъ онъ.—Договоръ мы нарушимъ тогда, когда это будетъ кстати, а до тѣхъ поръ намъ нужно всячески ухаживать за докторомъ, даже сапоги ему чистить, если понадобится.

Онъ приказалъ заняться костромъ и вышелъ, опираясь одной

рукой на костыль, а другою мнѣ на плечо. Пираты молчали, убѣжденные не столько его доводами, сколько бойкостью его рѣчи.

— Тише, тише, мальчижъ,—говорилъ онъ мнѣ шепотомъ.—Не торопись. Если они увидятъ, что мы скоро идемъ, они бросятся на насъ.

Мы сошли внизъ и подошли къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ, дожидаясь, докторъ. Сильверъ остановился и сказалъ:

— Вы, я думаю, обратите на это вниманіе, докторъ? Да и молодой человѣкъ можетъ засвидѣтельствовать, что я спасъ ему жизнь. Докторъ, замолвите за меня словечко при случаѣ. Замолвите? Право, я стою этого. Вѣдь замѣтите, дѣло идетъ не только о моей жизни, но и о жизни Джима. Скажите же мнѣ что нибудь въ утѣшеніе, скажите хоть одно ласковое слово, дайте мнѣ ради Бога хоть маленькую надежду.

Это былъ совсѣмъ другой Сильверъ, точно подмѣненный. Щеки его какъ-то ввалились, голосъ дрожалъ. На него жаль было смотреть.

— Развѣ вы боитесь, Джонъ?—спросилъ докторъ.

— Да, сэръ,—отвѣчалъ Сильверъ,—я не трусь и никогда имъ не былъ, но при одной мысли о висѣлицѣ у меня становятся дыбомъ волосы. Потому-то я васъ и прошу не забывать сдѣланнаго мною добра. Зла же, я знаю, вы и сами не забудете... Ну, такъ я ухожу и оставляю васъ наединѣ съ Джимомъ... Я увѣренъ, что вы не забудете моихъ услугъ. Надѣюсь на васъ.

Онъ отошелъ, чтобы не слышать нашего разговора, и присѣлъ, посвистывая, на пень. По временамъ онъ поворачивалъ голову, поглядывая то на меня, то на доктора, то на бунтующихъ негодяевъ, которые въ это время хлопотали у костра, носили свинину и сухари для завтрака.

— Такъ вотъ какія дѣла, Джимъ, — сказалъ мнѣ докторъ тономъ глубокаго огорченія.—Какъ постелешь, такъ и выспишься, дитя мое. Богу извѣстно, что мнѣ не до упрековъ, но одно я тебѣ все-таки скажу: ты бы никогда не посмѣлъ убѣжать, еслибы капитанъ былъ на ногахъ. Ты воспользовался его раной. Вотъ что больше всего огорчаетъ насъ въ твоемъ поступкѣ.

Я разумѣется разрыдался.

— Докторъ,—отвѣчалъ я сквозь слезы,—зачѣмъ вы это говорите? Одинъ Богъ знаетъ, какъ я самъ себя за это браню. Но вѣдь я дорогой цѣной плачусь за свою ошибку, потому что я

живъ до сихъ поръ только благодаря Сильверу, а его покровительства не надолго достанетъ... Но не бойтесь, я съумѣю умереть, если того заслуживаю. Одного только я боюсь — пытки. Если меня станутъ пытаться...

— Джимъ! — перебилъ меня докторъ не своимъ голосомъ, — Джимъ, я не могу этого вынести. Прыгай скорѣе черезъ палисадъ и давай удирать во все лопатки.

— Докторъ, — отвѣчалъ я, — вѣдь я далъ слово!

— Знаю, знаю, но что же дѣлать? Я все беру на себя, весь стыдъ и позоръ. Я не могу тебя здѣсь оставить, мальчижъ. Это выше моихъ силъ. Ну же, прыгай и бѣжимъ...

— Нѣтъ, — возразилъ я твердо. — Вы сами знаете, что ни сами вы, ни сквайръ, ни капитанъ никогда бы этого не сдѣлали. Я тоже не сдѣлаю. Сильверъ на меня положился. Я далъ ему слово. Это слово я долженъ сдержать... Но вы не дали мнѣ досказать. Если они станутъ меня пытаться, то я могу не вытерпѣть и указать имъ мѣсто, гдѣ находится шкупа... я, знаете, овладѣлъ у нихъ шкуной-то отчасти случайно, отчасти такъ... и привелъ ее въ сѣверную бухту, гдѣ и посадилъ на мель во время отлива.

— Шкуну! — вскричалъ докторъ. — Неужели?

Я въ двухъ словахъ рассказалъ ему свое приключеніе. Онъ выслушалъ меня, не говоря ни слова. Когда я кончилъ, онъ еще немного помолчалъ.

— Судьба! — сказалъ онъ потомъ. — На каждомъ-то шагу, Джимъ, ты спасаешь намъ жизнь. Надѣюсь, ты не думаешь, что мы откажемся спасти твою. Это было бы въ высшей степени неблагоприятно. Ты открылъ заговоръ, отыскалъ Бена Гунна, и проживи ты еще сто лѣтъ, тебѣ никогда не удастся сдѣлать лучшаго открытія... Ахъ, да, кстати о Бенѣ Гуннѣ... Сильверъ! Сильверъ! — крикнулъ онъ и, когда тотъ подошелъ, продолжалъ въ полголоса, — я дамъ вамъ совѣтъ: не торопитесь находить кладъ.

— Напротивъ, сэръ, съ вашего позволенія я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы его найти. Моя жизнь отъ этого зависить.

— Хорошо, Сильверъ, я прибавлю еще одно слово: ждите всего самаго худшаго, когда вы его найдете.

— Сэръ, — возразилъ Сильверъ, сдѣлавшись вдругъ серьезнымъ, — говоря по чести, вы сказали и слишкомъ много, и слишкомъ мало. Я право не знаю, чего вы хотите. Я совершенно не понимаю, зачѣмъ вы сдали намъ блокгаузъ и уступили карту. Но

я повиновался слѣпо, даже не заикаясь о своей слабой надеждѣ. Но теперь ужъ это изъ рукъ вонъ. Если вы не выскажетесь яснѣе, тѣмъ хуже. Я умываю руки.

— Нѣтъ,—задумчиво произнесъ докторъ.—Я больше ничего не имѣю права вамъ говорить. Это не моя тайна, Сильверъ, а то я сказалъ бы вамъ, честное слово. Но я все-таки пойду съ вами еще дальше, насколько могу... и даже дальше, чѣмъ могу, потому что капитанъ, когда узнаетъ, задастъ мнѣ за это страшную головоломку... А прежде всего я васъ обнадежу: если намъ Богъ поможетъ выбраться изъ этой волчьей ямы, то даю вамъ, Сильверъ, честное слово, что я всячески постараюсь уберечь вашу шею отъ петли.

Лицо у Сильвера разцвѣло и прояснилось.

— Докторъ! Вы ко мнѣ добры, точно мать родная! — вскричалъ онъ.

— Это первая моя вамъ уступка. А вторая уступка—слѣдующій совѣтъ. Берегите мальчика при себѣ и когда вамъ понадобится помощь, позовите. Я сейчасъ же прибѣгу къ вамъ. Вѣрьте, я не на вѣтеръ говорю... Прощай, Джимъ!

Докторъ Лайвей пожалъ мнѣ черезъ палисадъ руку, кивнулъ головой Сильверу и легкою походкой направился черезъ лѣсъ.

Г Л А В А XV.

П о г о н я з а к л а д о м ъ .

— Джимъ,—сказалъ мнѣ Сильверъ, когда мы остались одни,— я спасъ твою жизнь, а ты спасаешь мою. Я вѣдь видѣлъ, какъ докторъ дѣлалъ тебѣ знаки бѣжать съ нимъ и какъ ты отказался нарушить слово. Я хоть словъ и не слыхалъ, а догадался совершенно и никогда не забуду тебѣ этого. Черезъ тебя мнѣ мелькнулъ первый лучъ надежды, я всѣмъ тебѣ обязанъ... Но довольно болтать. Нужно приступить къ отысканію клада. Не знаю, чѣмъ все это кончится, но давай держаться другъ друга, чтобы вмѣстѣ вывернуться такъ или иначе, когда настанетъ бѣда.

Одинъ изъ пиратовъ окликнулъ насъ, давая знать, что поспѣлъ завтракъ. Мы усѣлись на песокъ и закусили жареной свиной и сухарями.

Огонь былъ разведенъ сильный и около него невозможно было сидѣть отъ страшной жары. Не жалѣя дровъ, разбойники не жалѣли и мяса; они изжарили его втрое больше, чѣмъ было нужно на насъ на всѣхъ, и послѣ завтрака одинъ изъ разбойниковъ, съ самымъ дурацкимъ смѣхомъ, кинулъ остатки въ огонь. Первый разъ въ жизни приходилось мнѣ видѣть такихъ безопасныхъ людей. Храбрость въ нихъ была, это вѣрно, но за то полнѣйшая непредусмотрительность и пагубная привычка спать въ караулѣ дѣлали ихъ совершенно неспособными къ сколько-нибудь продолжительной войнѣ.

Сильверъ, съ капитаномъ Флинтомъ на плечѣ, спокойно шлъ и ѣлъ вмѣстѣ съ другими, нисколько не негодуя на такую расточительность. Это показалось мнѣ немного страннымъ.

— Итакъ, ребята,—говорилъ онъ, уписывая свинину,—мы добились, чего хотѣли. Карта у насъ. Правда, шкуна пропала неизвѣстно куда, но это ничего не значитъ покуда. Мы ее отыщемъ. Во всякомъ случаѣ побѣда останется за тѣмъ, у кого есть шлюпки. Только бы кладъ поскорѣе найти.

Такъ говорилъ онъ, подбодряя не только матросовъ, но и самого себя.

— Что касается до нашего заложника, то теперь мы оставимъ его въ покоѣ и будемъ беречь какъ зеницу ока; а когда найдемъ кладъ, то и мистеръ Гоукинсъ получитъ свою долю. Да, друзья мои, мы съ лихвою отплатимъ ему за всѣ благодѣянія, которыя онъ намъ оказалъ.

Такія слова очень нравились разбойникамъ. Они смѣялись во все горло. Я чувствовалъ себя жутко. Еслибы планъ Сильвера былъ исполнимъ, то я не сомнѣвался, что такой архи-предатель, какъ нашъ поваръ, ни на минуту не задумался бы пожертвовать мною, позабывъ всѣ свои обѣщанія. Но даже еслибы дѣла пошли такъ, что ему пришлось бы волей-неволей остаться вѣрнымъ договору съ докторомъ Лайвеей, все-таки мнѣ впереди предстояли большія опасности. Что могли мы сдѣлать вдвоемъ, инвалидъ и ребенокъ, противъ пятерыхъ здоровенныхъ, сильныхъ и смѣлыхъ матросовъ?

Прибавьте къ этому неизвѣстность, окружавшую намѣренія моихъ друзей, припомните слова доктора, чтобы Сильверъ ожидать всего худшаго, когда кладъ будетъ найденъ, и вы легко поймете, что я не съ особенною охотой пустился по окончаніи завтрака въ путь съ своими тюремщиками.

Поглядѣть со стороны, наше шествіе имѣло очень странный видъ. Впереди шелъ Сильверъ съ двумя ружьями за плечами, съ огромнымъ кортикомъ за поясомъ, съ пистолетомъ въ каждомъ карманѣ и съ капитаномъ Флинтотомъ на плечѣ; послѣдній все время твердилъ свои безсвязныя фразы. За Сильверомъ выступалъ я, обвязанный вокругъ тѣла веревкой, конецъ которой поваръ держалъ въ рукахъ. Далѣе шествовали остальные матросы, изъ которыхъ одни несли взятые съ *Испаньолы* заступы и тому подобныя инструменты, лопаты, а другіе свинину и сухари.

...«Это компасъ»... (Стр 202).

Всѣ эти припасы взяты были изъ блокгауза. Еслибы не договоръ, заключенный съ докторомъ, то бунтовщикамъ скоро бы пришлось перейти на пищу святаго Антонія, такъ какъ своихъ припасовъ они не позаботились взять со шкуны. Все это дѣлало для меня окончательно непонятнымъ поступокъ моихъ друзей.

Мы шли всѣ вмѣстѣ, не исключая даже человѣка съ раной на головѣ, которому, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы оставаться дома и не ходить по солнцу. Скоро мы дошли до берега, гдѣ были шлюпки. Тутъ опять мнѣ кинулось въ глаза новое доказательство беспорядочности пиратовъ. У одной изъ лодокъ были переломаны скамейки и обѣ онѣ были наполовину залиты водой и грязью.

Для безопасности рѣшено было лодки взять съ собой. Банда раздѣлилась на двѣ части, мы разсѣлись по лодкамъ и поплыли въ глубину бухты.

Дорогой зашелъ споръ по поводу карты. Красный крестъ былъ далеко не особенно яснымъ указаніемъ, а замѣтки, написанныя на оборотѣ, тоже были довольно темноваты. Читатель помнитъ, что тамъ было сказано:

*Большое дерево на склонѣ Далекаго Вида, отъ N до N—N—E.
Островъ Скелета E—S—E черезъ E.*

Десять футовъ.

Слѣдовательно большое дерево было главнымъ пунктомъ. Надо замѣтить, что наша бухта ограничивалась небольшимъ плоскогоріемъ въ триста футовъ высоты, которое примыкало на сѣверѣ къ южному склону Далекаго Вида и шло къ югу подъемомъ, образуя отвѣсную вершину Фогъ-Мачты.

На плоскогоріи росли крупныя сосны. Но которая изъ нихъ была „большимъ деревомъ“ капитана Флинта? Этотъ вопросъ можно было рѣшить только на мѣстѣ и при помощи компаса. Однако это не мѣшало матросамъ выбирать каждому любое дерево и спорить между собою. Только Сильверъ сохранялъ благоразуміе и пожималъ плечами, предлагая пиратамъ подождать до тѣхъ поръ, покуда они не придутъ къ мѣсту.

Мы гребли тихо. Сильверъ сказалъ, чтобы мы не утомлялись безъ надобности. Поэтому мы довольно долго плыли до устья втораго ручья, гдѣ мы и высадились. Отсюда, повернувъ налѣво, мы начали подниматься по плоскогорію.

Первое время намъ трудно было идти вслѣдствіе топкой, росшей камышомъ, болотистой почвы, но мало по малу грунтъ

дѣлался тверже и каменистѣе и скоро мы дошли до самаго пріятнаго мѣста на всемъ островѣ. Береговую, болотную растительность смѣнили душистый верескъ и пвѣтушіе кустарники. Пріятный запахъ коричневыхъ деревьевъ мѣшался съ ароматомъ сосенъ. Воздухъ былъ свѣжъ и легокъ, несмотря на отвѣсные солнечные лучи. Такая здоровая атмосфера подѣйствовала даже на пиратовъ; они разсыпались въ одиночку, крича и прыгая точно школьники. Сильверъ остался со мною. Онъ шелъ съ трудомъ по каменистому грунту, пытая и отдуваясь, такъ что я временами долженъ былъ поддерживать его, подставляя ему плечо.

Такъ прошли мы около полумили и уже приближались къ мѣсту, какъ вдругъ одинъ изъ матросовъ, шедшій крайнимъ слѣва, началъ кричать отъ ужаса.

Всѣ кипулись къ нему.

— Не можетъ быть, чтобъ онъ уже нашелъ кладъ,—проговорилъ на бѣгу, старый Морганъ, пробѣгая мимо насъ.

И дѣйствительно, оказалось нѣчто совсѣмъ другое.... Подъ довольно большою сосной лежалъ на землѣ человѣческій скелетъ, прикрытый обрывками какого-то рубища, но за то весь обвитый ползучими растеніями. Всѣ мы на нѣсколько минутъ застыли отъ ужаса.

— Это морякъ,—сказалъ Джорджъ Мерри, который первый наклонился къ скелету, чтобъ осмотрѣть остатки одежды. — Вѣдь это настоящее матросское сукно.

— Очень возможно,—согласился Сильверъ. — Надѣюсь, здѣсь не откуда взяться монаху... Но какъ странно лежатъ эти кости. Что-то неестественно...

Дѣйствительно, положеніе костей было въ высшей степени оригинально. Скелетъ лежалъ совершенно прямолинейно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей, потревоженныхъ или птицами, или медленною работою ползучихъ растеній. Но его ноги были сведены вмѣстѣ и слегка приподняты, какъ бы для того, чтобъ обозначить извѣстное направленіе, а руки, вытянутыя надъ головой, какъ у человѣка, собирающагося плавать, обращены были прямо въ противоположную сторону. Въ общемъ скелетъ напоминалъ стрѣлку, какія ставятъ на ландкартахъ для обозначенія направленія. Сильверу должно было показаться то же, что и мнѣ, потому что онъ сказалъ:

— Кажется, я догадываюсь, что это значить. Это компась.

Вотъ вершина Острова Скелета, выступающая на горизонтѣ точно сломанный зубъ. Поставьте-ка компасъ, мы сейчасъ увидимъ.

Компасъ поставили по линіи трупа и стрѣлка сейчасъ же показала Е—S—Е.

— Я такъ и думалъ. Вотъ гдѣ кладъ. Вѣсть и полярная звѣзда, указывающая путь. Чортъ возьми, просто даже холодно дѣлается, какъ вспомню Фланта... Это такъ на него похоже. Узнаю его. Помните, какъ онъ убилъ тогда шестерыхъ человѣкъ? Ну, вотъ одного изъ нихъ онъ взялъ да и положилъ въ видѣ компаса. Человѣкъ былъ большаго роста... волосы рыжіе... Я увѣренъ, что это Оллердайсъ. Помнишь Оллердайса, Морганъ?

— Какъ не помнить! Онъ остался мнѣ долженъ 18 шиллинговъ и, уѣзжая на берегъ, взялъ мой кортикъ.

— Кортикъ!—забытъ кто-то. — Онъ долженъ быть гдѣ нибудь тутъ. Фланта не могъ его взять. Не унесли же его вороны.

— Правда,—сказалъ Сильверъ.

— А между тѣмъ кортика нигдѣ нѣтъ, — сказалъ Джорджъ Мерри, поискавъ около скелета.—Ни одной монеты нѣтъ, ни даже табакерки. Странно.

— Странно и есть, — сказалъ задумчиво Сильверъ. — А что товарищи, еслибы Фланта былъ живъ, какъ бы мы себя чувствовали, а? Что бы съ нами было?

— Ну, что объ этомъ говорить! Фланта нѣтъ въ живыхъ — и ладно, — сказалъ Морганъ. — Я самъ его видѣлъ на смертномъ одрѣ. Билли водилъ меня къ нему.

— Умеръ-то умеръ,—сказалъ человѣкъ съ прострѣленною головой,—но вѣдь не всѣ мертвецы мирно спать въ гробѣ. Грѣшнымъ людямъ и по смерти иногда не бываетъ покоя: они бродятъ по землѣ... А ужъ онъ ли не нагрѣшилъ въ своей жизни!

— Будетъ болтать!—перебилъ Сильверъ.—Оставьте Фланта въ покоѣ, давайте лучше отрывать его кладъ. Впередъ!

Мы снова двинулись въ путь. Но теперь пираты уже не пѣли и не прыгали, несмотря на прекрасный день. Тѣсно прижавшись другъ къ другу, они говорили шепотомъ и удерживали дыханіе. Старый пиратъ даже мертвый наводилъ на нихъ ужасъ.

Дойдя до плоскогорія, всѣ успѣли на землю, чтобы дать Сильверу и больнымъ отдохнуть, а отчасти для того, чтобы нѣсколько оправиться отъ волненія. Плоскогоріе было слегка наклонено къ западу и съ него открывался обширный видъ направо и налѣво.

Впереди, через деревья, мы увидали мысъ Лѣсной, окруженный пѣнистыми бурунами. Сзади передъ нами разстилалась южная бухта, Островъ Скелета, а еще дальше, за низкимъ песчанымъ взморьемъ, широкая полоса океана. Прямо надъ нами высился Далекій Видъ, мѣстами поросшій соснами, мѣстами чернѣющей пропастью. Издалека до насъ долеталъ смутный гулъ волнъ, а вблизи въ ухахъ стояло немолчное жужжаніе насѣкомыхъ. На морѣ не бѣлѣлось ни паруса и весь пейзажъ имѣлъ крайне пустынный характеръ.

Усаживаясь, Сильверъ попышался ориентироваться при помощи компаса.

— Вотъ цѣлыхъ три „большихъ дерева“,—сказалъ онъ.—Гребень Далекаго Вида—это по всей вѣроятности шпора, выдающаяся вонъ тамъ. Долго ли послѣ этого отыскать то, что намъ нужно... Не пообѣдать ли намъ?

— Право, мнѣ не до ѣды!—проворчалъ Морганъ.—Этотъ Флинтъ отнял у меня всякій апшетить.

— Въ сущности мы должны радоваться, что онъ умеръ—замѣтилъ Сильверъ.

— А какой онъ былъ гадкій! Помнишь, какое у него въ послѣднее время было сизое лицо?

— Отъ рома,—объяснилъ Морганъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ пираты увидали скелеть, они подъ вліяніемъ мрачныхъ воспоминаній стали говорить тихо, почти шепотомъ, словно боясь, чтобы звукъ ихъ рѣчей не нарушилъ тишины сосѣднихъ лѣсовъ.

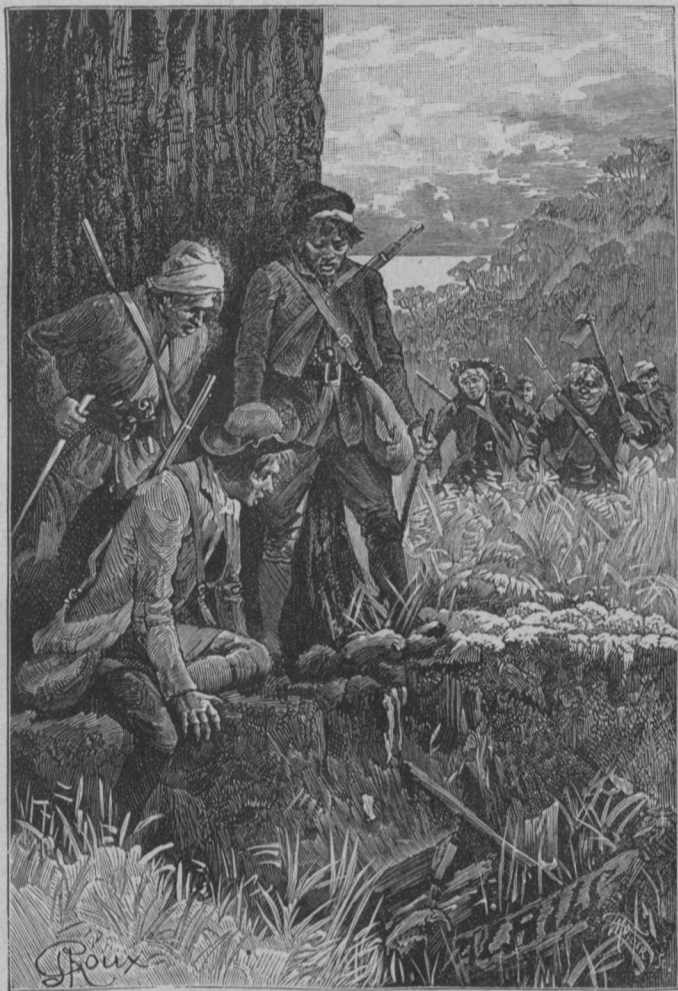
Вдругъ за деревьями, которыя возвышались напротивъ насъ, раздался чей-то неприятный, рѣзкій, дребезжащій голосъ, зашѣвшій обычную пиратскую пѣсню:

Было насъ, матросовъ, пятнадцать человекъ,
Пятнадцать матросовъ, морскихъ волковъ...

Въ жизнь свою не былъ я свидѣтелемъ такого испуга, какой овладѣлъ моими спутниками при звукахъ этого голоса. Блѣдные, дрожащіе повскакали они съ своихъ мѣстъ, растерянно хватаясь другъ за друга. Морганъ кинулся ничкомъ на землю. Всѣ молчали.

— Это Флинтъ! — пролепеталъ упавшимъ голосомъ Джорджъ Мерри.

Пѣсня оборвалась, точно пѣвцу зажалъ кто-нибудь вдругъ ротъ рукою.

...«У нашихъ ногъ чернѣла яма»... (Стр. 209).

— Ну, довольно!—сказалъ Сильверъ, едва шевеля поблѣднѣвшими губами.—Что тутъ думать! Кто же можетъ здѣсь пѣть, какъ не живой человѣкъ? Я не знаю, чей это голосъ, но навѣрное это какой-нибудь озорникъ.

Онъ постепенно успокоивался самъ, а съ нимъ и остальные, какъ вдругъ голосъ послышался опять. На этотъ разъ голосъ не пѣлъ, а словно звалъ кого-то, и слабое эхо разносилось по долинамъ Далекаго Вида.

— Дарби-Мэкъ-Гро!—дребезжалъ голосъ,—Дарби-Мэкъ-Гро!

Это имя было повторено нѣсколько разъ подрядъ, потомъ раздалась еще болѣе крикливая нота:

— Стаканъ рому, Дарби-Мэкъ-Гро!

Пираты стояли какъ пригвожденные къ мѣсту, отъ ужаса вытаращивъ глаза. Голосъ умолкъ, а они долго послѣ того стояли неподвижные и безмолвные.

— Довольно,—сказалъ одинъ изъ нихъ.—Идемте!

— Это были его послѣднія слова, — проговорилъ наставительнымъ тономъ Морганъ.—Онъ именно это говорилъ передъ смертью.

Дикъ стучалъ зубами и судорожно сжималъ въ рукахъ Библию, которую вынулъ изъ кармана.

Даже Сильверъ, и тотъ дрожалъ всѣми членами, но не желалъ признать себя побѣжденнымъ.

— Никто на всемъ островѣ не имѣетъ понятія о Дарби-Мэкъ-Гро,—сказалъ онъ, какъ бы успокоивая самъ себя,—никто кромѣ насъ.

Сдѣлавъ надъ собою нечеловѣческое усиліе, онъ продолжалъ:

— Товарищи, я пришелъ сюда за кладомъ и не поверну назадъ ни отъ человѣка, ни отъ чорта. Я не боялся Флинта, когда онъ былъ живъ,—не стану бояться его и мертваго. Не забывайте, что въ четверти мили отъ насъ лежитъ семьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Рыцарямъ ли фортуны удирать отъ такого сокровища? И ради чего?—Ради шьяницы, который давнымъ-давно умеръ!

Но это не возвратило пиратамъ храбрости. Напротивъ, непочтительный жаргонъ Сильвера даже какъ будто еще больше напугалъ ихъ.

— Не говори такъ, Джонъ Сильверъ, — отвѣчалъ Джорджъ Мерри.—Не оскорбляй покойника!

Прочіе были такъ напуганы, что не могли даже говорить. Они съ удовольствіемъ убѣжали бы, еслибы смѣли. Въ страхѣ они

жались къ Сильверу, словно его безстрашіе было для нихъ послѣднимъ прибѣжищемъ.

Послѣднему удалось наконецъ совершенно побѣдить свою слабость. Онъ заговорилъ еще смѣлѣе.

— Покойника? Такъ вы думаете, что это его призракъ?.. Знаете, что я вамъ скажу? Слышно было эхо, а между тѣмъ извѣстно, что призракъ не имѣетъ тѣни. Какими же судьбами будетъ у него эхо? Какъ хотите, это очень странно.

На мой взглядъ доводъ былъ недостаточно убѣдителенъ, но, къ моему удивленію, онъ подѣйствовалъ на разбойниковъ. Странныя вообще были у нихъ головы.

— Правда!—вскричалъ, успокоившись, Джорджъ Мерри.—Славная голова у васъ на плечахъ, Джонъ Сильверъ... Смѣлѣе, товарищи, нечего падать духомъ. Все это вздоръ. Правда, голосъ былъ очень похожъ на голосъ Флинта, но не такъ звученъ и повелителенъ. Онъ скорѣе похожъ...

— На голосъ Бена Гунна, я самъ только что хотѣлъ сказать!—перебилъ Сильверъ.

— Именно!... Точно Бенъ Гуннъ!—вскричалъ Морганъ, приподнимаясь на колѣнахъ.

— Часъ отъ часу не легче!—уныло проговорилъ Дигъ,—Вѣдь и Бенъ Гуннъ, я думаю, не можетъ быть здѣсь живымъ?

На это замѣчаніе прочіе пираты только плечами пожали.

— Очень кому нуженъ Бенъ Гуннъ!—сказалъ Мерри.—Живой онъ или мертвый, не все ли намъ равно?

Мужество возвращалось къ нимъ съ каждою минутой. Вскорѣ они попрежнему стали болтать, хотя по временамъ умолкали и прислушивались. Не слыша больше ничего, они снова пустились въ путь; впереди пошелъ Джорджъ Мерри съ компасомъ въ рукѣ. Онъ сказалъ правду: Бенъ Гуннъ ни для кого не былъ страшенъ—ни мертвый, ни живой. Только Дигъ продолжалъ держать въ рукахъ Библию и бросалъ кругомъ себя растерянные взгляды. Но онъ не находилъ сочувствія въ товарищахъ, а Сильверъ даже прямо подсмѣивался надъ нимъ.

— Я вѣдь тебѣ говорилъ, зачѣмъ ты испортилъ свою Библию,—издѣвался онъ.—Неужели ты думаешь, что привидѣніе ея испугается? Нѣтъ, теперь она ничего не значить.

Дигъ былъ неутѣшенъ. Вскорѣ я замѣтилъ, что онъ насилу стоитъ на ногахъ. Усилившись отъ жары, усталости и испуга,

предсказанная докторомъ Лайвей лихорадка видимо овладѣвала несчастнымъ матросомъ, не смотря на то, что идти намъ было очень недурно подъ тѣнистыми соснами, перемѣшанными съ кустами азалей и коричневыхъ деревьевъ. Мы постепенно подходили все ближе и ближе къ Далекому Виду. Слѣва все шире и шире развертывался видъ на западную бухту, гдѣ я наканунѣ утромъ курчался въ своей уютной пирогѣ.

Дойдя до перваго изъ большихъ деревьевъ, справились съ компасомъ.

Оказалось не то. Со вторымъ было то же самое. Третье дерево гордо возвышалось шагахъ въ двухстахъ. То былъ великолѣпный лѣсной великанъ, широко раскинувшій свои темнозеленыя вѣтви.

Но разбойниковъ привлекала не громадность дерева, а предполагаемый подъ нимъ кладъ. Мысль о деньгахъ скоро разсѣяла въ нихъ послѣдніе остатки страха. Я видѣлъ, какъ разгорались ихъ глаза по мѣрѣ приближенія къ цѣли, какъ все легче и увѣреннѣе становилась ихъ походка. Даже Сильверъ какъ-то веселѣе подпрыгивалъ на своемъ костылѣ, ворча на камни, затруднявшіе ему ходьбу. Ноздри его раздувались; онъ ругался какъ язычникъ всякій разъ, когда какая-нибудь муха садилась ему на широкое лицо или на потный лобъ. По временамъ онъ сердито дергалъ за веревку, которою я былъ обвязанъ, и, оборачиваясь назадъ, кидалъ на меня уничтожающій взглядъ. Самъ ли онъ не находилъ нужнымъ скрывать своихъ мыслей, или онѣ помимо его желанія отражались у него на лицѣ, но только я читалъ ихъ какъ по писанному. Приближаясь къ золоту, онъ видимо терялъ изъ памяти и предостереженія доктора, и мои обѣщанія. Должно быть онъ надѣялся овладѣть кладомъ, отыскать *Испаньолу*, сѣсть на нее, предварительно перерѣзавъ всѣхъ честныхъ людей на островѣ, и уплыть въ море съ грузомъ золота и злодѣйствъ.

Мнѣ сдѣлалось жутко. Подъ гнетомъ тревоги я едва поспѣвалъ идти за жадными искателями золота и каждую минуту спотыкался, причемъ Сильверъ всякій разъ дергалъ меня за веревку и свирѣпо на меня оборачивался. Дикъ шелъ сзади всѣхъ, трясясь въ лихорадкѣ и еле волоча ноги. Видъ больнаго матроса увеличивалъ мое уныніе и сверхъ того мнѣ невольно мерещилась давнишняя драма на этомъ самомъ плоскогорьи, когда свирѣпый пиратъ убилъ шестерыхъ матросовъ. Мнѣ даже какъ будто чудились ихъ жалобные крики.

Но вотъ мы дошли до опушки роши.

— Ну, товарищи, бѣгомъ!—крикнулъ Джорджъ Мерри.

Всѣ, кто могъ бѣжать, побѣжали. Черезъ какіе-нибудь десять шаговъ они неожиданно остановились. Послышался дружный, но сдержанный крикъ. Сильверъ кинулся къ нимъ, отчаянно стучая по землѣ костылемъ. И вотъ мы остановились.

У нашихъ ногъ чернѣла широкая яма, выкопанная довольно давно, потому что на днѣ ея и по бокамъ уже пробивалась зеленая травка. Въ ямѣ лежала рукоятка заступа и нѣсколько досокъ отъ разломанныхъ ящиковъ.

Было ясно какъ день, что мы опоздали. Кто-то раньше насъ побывалъ тутъ, раскопалъ яму и выбралъ изъ нея все.

ГЛАВА XVI.

Р а з в я з к а.

Крушеніе было полное. Оно поразило пиратовъ какъ громомъ. Первымъ какъ и всегда оправился Сильверъ. Цѣлые мѣсяцы и недѣли онъ только и думалъ, что о кладѣ, только и жилъ надеждою его достать, и вдругъ такое разочарованіе! Однако онъ не потерялъ головы, разомъ сообразилъ положеніе и составилъ себѣ планъ прежде, чѣмъ остальные пираты поняли самую суть дѣла.

— Джимъ, — сказалъ онъ мнѣ тихо, — вотъ тебѣ пистолеть и смотри въ оба.

Въ то же время онъ отклонился влѣво и въ какихъ-нибудь три прыжка отдѣлился вмѣстѣ со мною отъ пиратовъ, такъ что яма пришлась между нами. Послѣ этого онъ посмотрѣлъ на меня и покачалъ головою, словно желая сказать:

— Вотъ такъ каша!

Обращеніе его со мною снова сдѣлалось самымъ дружественнымъ, ласковымъ, такъ что я, раздосадованный этимъ вѣчнымъ хамелеонствомъ, не утерпѣлъ, чтобы не замѣтить ему наухо:

— Вы кажется опять изволили перемѣнить фронтъ, мистеръ Сильверъ?

Но онъ не успѣлъ мнѣ отвѣтить. Пираты, ругаясь, попрыгали одинъ за другимъ въ яму и принялись руками разгребать землю и разбрасывать доски. Морганъ нашелъ одну золотую монету и поднялъ ее. То была золотая гиней. Матросы повертѣли ее въ рукахъ и Морганъ перекинулъ ее Сильверу, говоря:

— Что, господинъ умникъ! Гдѣ же вашъ огромный кладъ? Думничались вы, нечего сказать.

— Ищите, ищите, ребята,—возразилъ Сильверъ съ холоднымъ издѣвательствомъ.—Ищите! Можетъ быть и найдете много... трюфелей...

— Трюфелей!—не своимъ голосомъ взвизгнулъ Джорджъ Мерри. — Слышите, товарищи? Говорю вамъ, что онъ все это зналъ заранѣе. Стоитъ только на него взглянуть! Это написано у него на лицѣ! Онъ измѣнникъ!

— Ахъ, Джорджъ Мерри, Джорджъ Мерри! — отвѣчалъ Сильверъ. — Тебѣ-таки непремѣнно хочется пролѣзть въ капитаны. Наужто это такъ лестно теперь?

Но на этотъ разъ всѣ были на сторонѣ Мерри. Пираты одинъ за другимъ вышли изъ ямы, яростно оглядываясь назадъ. Мнѣ показалось хорошимъ предзнаменованіемъ, что они позаботились выбраться изъ ямы на противоположный отъ Сильвера край.

И вотъ мы очутились вдвоемъ противъ пятерыхъ. Насъ раздѣляла только яма. Однако никто не рѣшался открыть нападеніе. Сильверъ стоялъ неподвижно, опираясь на костыль и спокойно поглядывая на матросовъ. Надо отдать ему должную справедливость, онъ умѣлъ быть храбрымъ.

Наконецъ Мерри счелъ умѣстнымъ сказать краткую рѣчь.

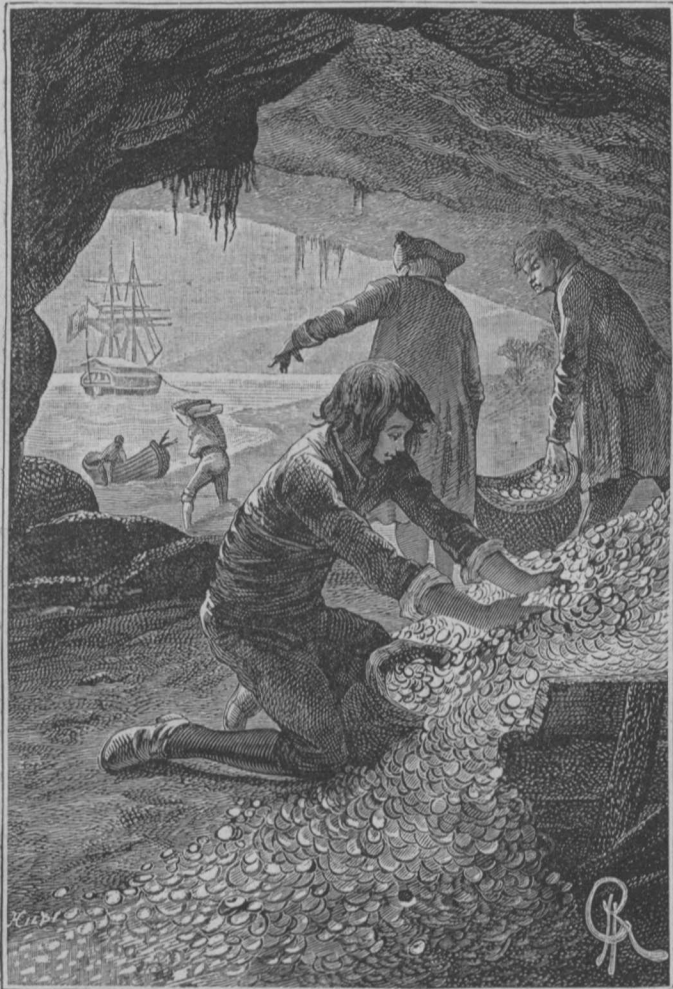
— Товарищи,—крикнулъ онъ,—ихъ только двое: хромой, благодаря которому мы лишились всего, и волченокъ, который насъ продалъ... Впередъ, товарищи!

Онъ поднялъ руку, собираясь, должно быть, подать примѣръ, какъ вдругъ—пифъ! пафъ! пафъ! — одинъ за другимъ раздались изъ роици три выстрѣла. Мерри упалъ въ яму внизъ головой; человѣкъ съ повязкой на головѣ перевернулся точно волчекъ и въ судорогахъ растянулся по землѣ. Остальные трое показали пятки и пустились на утекъ.

Въ ту же минуту изъ роици вышли докторъ, Грей и Бенъ Гуннъ и направились къ намъ. У нихъ еще дымилась ружья.

— Впередъ, и какъ можно скорѣе! — крикнулъ докторъ. — Не нужно подпускать ихъ къ шлюпкамъ!

Мы побѣжали по лѣсу, уходя иногда въ траву по самымъ плечи. Сильверъ не отставалъ отъ насъ и бѣжалъ почти такъ же быстро, какъ мы, ковыляя на своемъ костылѣ. Потъ лилъ съ него градомъ; онъ тяжело отдувался, но продолжалъ бѣжать и отсталъ

... «Мнѣ поручили есыпать золото въ мѣшки»... (Стр. 218).

отъ насъ всего шаговъ на тридцать къ тому времени, какъ мы добѣжали до края плоскогорія.

— Докторъ! — закричалъ онъ, — посмотрите: незначѣмъ торопиться!

Дѣйствительно, съ площадки можно было видѣть, что разбойники бѣгутъ внизу по направленію къ фокъ-мачтѣ, слѣдовательно мы уже успѣли отрѣзать ихъ отъ лодокъ.

Тогда мы остановились, чтобы перевести немного духъ, и Сильверъ догналъ насъ, отирая рукавомъ потный лобъ.

— Какъ мы вамъ обязаны, докторъ!—сказалъ онъ, подходя.— Не прибѣги вы, намъ бы съ Джимомъ пришлось очень круто. Неужели это ты, Бенъ Гуннъ? Что это ты вздумалъ озорничать на старости лѣтъ?

— Да, это я,—отвѣчалъ лѣсной человѣкъ съ боязливой усмѣшкой и смущенно краснѣя. — Какъ вы поживаете, мистиръ Сильверъ? Надѣюсь, все въ добромъ здоровьи?

— Ахъ, Бенъ, Бенъ! — отвѣчалъ Сильверъ, весело грозя ему пальцемъ.—Какую ты со мной штуку сыгралъ!..

Докторъ послалъ Грея за лопатой, которую бросили во время бѣгства пираты, и, дорогой къ берегу, рассказалъ намъ, какъ происходило дѣло. Героемъ разсказа отъ начала до конца явился Бенъ Гуннъ. Сильверъ слушалъ съ большимъ интересомъ, не пропуская ни слова. Я передамъ разсказъ доктора въ краткихъ чертахъ.

Блуждая по острову, Бенъ Гуннъ наткнулся на скелетъ и очистилъ его карманы. Впослѣдствіи ему удалось отыскать и кладъ, благодаря сохранившимся слѣдамъ, въ то время еще совершенно свѣжимъ. Онъ раскопалъ яму и лопата, найденная нами, была та самая, которую онъ для этого употреблялъ. Въ нѣсколько приѣмовъ онъ перетаскалъ кладъ изъ ямы въ другое мѣсто — въ одну отысканную имъ пещеру у подошвы двухвершиннаго холма на сѣверо-восточномъ концѣ острова. Ко времени прибытія *Испаньолы* кладъ кшпитана Флинта уже два мѣсяца лежалъ въ этомъ новомъ тайникѣ. Доктору удалось узнать отъ Бена Гунна тайну еще въ тотъ день, когда онъ ходилъ къ нему на свиданіе, послѣ атаки на блокаузъ. Доктора давно заботила мысль о томъ, чтобы покинуть недоровый фортъ прежде, чѣмъ лихорадка начнетъ свое губительное дѣйствіе. Узнавъ, что въ пещерѣ Бена Гунна хранится запасъ соленого козьяго мяса, приготовленнаго имъ для себя, онъ

окончательно рѣшился вступить въ сдѣлку съ Сильверомъ и сдать ему не только блокгаузъ, но и самую карту, которая сдѣлалась теперь совершенно не нужна.

— Одно только тревожило меня при этой сдѣлкѣ, — сказалъ докторъ, — это твоя участь, Джимъ. Я долго не рѣшался уходить изъ блокгауза, не зная, гдѣ ты. Наконецъ я все-таки рѣшился, тѣмъ болѣе, что не наша вина, если тебя не было съ нами.

Въ послѣдній день, увидавъ меня среди бунтовщиковъ, онъ поспѣшно вернулся въ пещеру, оставивъ тамъ сквайра и капитана, а съ собой взялъ Грея и Бена Гунна и поспѣшили къ большой соснѣ. Убѣдившись, что мы его опередили, онъ выслалъ Бена Гунна впередъ въ качествѣ развѣдчика, такъ какъ Бенъ Гуннъ ходилъ быстрее всѣхъ. Замѣтивъ, какое впечатлѣніе произвелъ на пиратовъ одинъ видъ скелета, лѣсной человѣкъ придумалъ хитрость, чтобы задержать ихъ еще на нѣсколько времени, и сталъ подражать голосу Флинта. Хитрость удалась и докторъ съ Греемъ успѣли занять позицію въ роцѣ.

— Счастье мое, что со мною былъ Джимъ! — замѣтилъ Сильверъ по окончаніи разсказа. — Иначе, я увѣренъ, что вы безъ малѣйшей жалости позволили бы искрошить бѣднаго Джона въ куски.

— Безъ малѣйшей жалости, совершенно вѣрно, — весело подтвердилъ докторъ Лайвей,

Мы подошли къ шлюпкамъ. Докторъ изрубилъ одну подку заступомъ, а въ другую мы сѣли и поѣхали въ бухту.

Ѣхать пришлось миль семь или восемь. Несмотря на страшное утомленіе, Сильверъ тоже взялъ себѣ весло, и лодка быстро понеслась по гладкому какъ зеркало морю. Вскорѣ мы увидели вдалекѣ чернѣющее отверстіе Беновой пещеры, передъ которой стояла какая-то высокая мужская фигура съ ружьемъ на плечѣ. То былъ самъ сквайръ. Мы принялись махать ему платками и кричать ура. Сильверъ дѣлалъ то же самое, что и мы.

Плывя дальше, мы достигли входа въ сѣверную бухту и тутъ встрѣтили *Испаньолу*, которая преспокойно прогуливалась одна по бухтѣ. Приливомъ ее подняло на воду, и будь вѣтеръ хотя немного посильнѣе, тогда намъ не видать бы ея какъ своихъ ушей. По ближайшемъ осмотрѣ шкуны выяснилось, что большой аварія она не потеряла, только лишилась фокъ-мачты. Мы поспѣшили достать изъ трюма запасный якорь и бросили его въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега. Затѣмъ мы направились въ лодкѣ къ Ромо-

вой бухтѣ, ближайшей къ пещерѣ Бена Гунна, а Грей, высадивъ насъ, вернулся сторожить шкуну.

Съ берега къ пещерѣ шель отлогій подъемъ. Завидя насъ, сквайръ пошелъ ка намъ навстрѣчу. Со мной онъ обошелся ласково и ни словомъ ни упомянулъ о моей выходкѣ, но на поклонъ Сильвера вспыхнулъ весь какъ зарево.

— Джонъ Сильверъ, — вскричалъ онъ, — вы самая чудовищная каналья, какую только мнѣ доводилось видѣть! Кажется я теперь не долженъ васъ преслѣдовать. Я и не буду... Но пусть кровь всѣхъ убитыхъ ляжетъ на вашу голову.

— Покорно благодарю васъ, сэръ, — возразилъ Сильверъ, отвѣшивая низкій поклонъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Не смѣйте меня благодарить! — оборвалъ его сквайръ. — Меня благодарить не за что! Поступая такъ, я измѣняю самому священному долгу... Подальше отъ меня, пожалуйста!.. Прочь!..

Мы вошли въ пещеру. Она была просторна, воздухъ въ ней былъ ровный и легкій. Въ глубинѣ былъ небольшой природный фонтанъ; подъ ногами хрустѣлъ чистый песокъ. Передъ входомъ горѣлъ костеръ, у котораго, на мягкой подстилкѣ изъ травы и моха, лежалъ выздоравливающій капитанъ Смоллетъ. Въ самомъ дальнемъ углу сверкала гряда золота, озаряемая яркимъ пламенемъ очага.

То былъ знаменитый кладъ Флинта, стоившій жизни семнадцати человѣкамъ съ *Испаньолы*. А сколькожъ жизней стоило его накопленіе, — этого, я думаю, и сосчитать нельзя.

— Это вы, Джимъ? — сказалъ мнѣ капитанъ. — Ничего, вы мальчикъ храбрый, только на свой ладъ. Знаете, я не думаю, чтобы мы съ вами предприняли когда-нибудь еще разъ морское путешествіе. На мой взглядъ вы слишкомъ любите дѣлать по своему... А вы что скажете, Сильверъ? Чему я обязанъ удовольствіемъ васъ лицезрѣть?

— Я возвращаюсь къ своимъ обязанностямъ, сэръ, — отвѣчалъ нашъ поваръ.

— А! — произнесъ капитанъ.

И больше не сказалъ ни слова.

Поужинали мы солониной Бена Гунна и кое-какими лакомствами, захваченными съ *Испаньолы*. Вкусенъ показался мнѣ этотъ ужинъ среди друзей, которые радовались не меньше меня, что все благополучно окончилось. Сильверъ былъ тутъ же. Онъ сидѣлъ по-

одадь, но ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, каждую минуту бросаюсь услуживать то тому, то другому изъ насъ. Это былъ прежній почтительный, ласковый, привѣтливый Сильверъ, какимъ мы знали его до описанныхъ мною трагическихъ событій.

На другой день мы съ утра принялись за работу, потому что при нашей малочисленности переносъ огромной массы золота на *Испаньолу* былъ для насъ дѣломъ далеко не легкимъ. Три разбойника, оставшіеся на островѣ, ни мало насъ не смущали. Чтобы держать ихъ въ страхѣ, достаточно было одного часоваго на склонѣ холма, такъ какъ у нихъ едва ли могло явиться желаніе продолжать военныя дѣйствія. Работа наша кипѣла. Грей и Бенъ Гуннъ развѣзжали на лодкѣ между Ромовой бухтой и *Испаньолой*, а мы перетаскивали золото изъ пещеры на берегъ. Мнѣ поручили ссыпать золото въ мѣшки, которые таскали на себѣ сквайръ и докторъ.

Какихъ только не было тутъ монетъ! Коллекція была совершенно такая же, какъ у блаженной памяти Билля Бунса, только еще разнообразнѣе. Что же касается до количества денегъ, то имъ кажется не было счета; по крайней мѣрѣ у меня пальцы заломило отъ усталости, пока я съ ними возился.

Работа продолжалась нѣсколько дней. Каждый вечеръ мы сплавляли на шкуну по цѣлому состоянію, а на другой день въ пещерѣ насъ дожидалось все новое и новое богатство. За все это время три бунтовщика ни разу не заявили о своемъ существованіи.

Наконецъ, однажды вечеромъ, когда мы съ докторомъ прогуливались по склону холма, до насъ по вѣтру донеслись какіе-то звуки, напоминавшіе не то пѣніе, не то крикъ. Потомъ опять все смолкло.

— Это они, несчастные!—сказалъ докторъ.—Сжался надъ ними, Господи!

— Они пьяны,—замѣтилъ сзади насъ Сильверъ.

Я забылъ сказать, что Сильверъ пользовался у насъ полною свободой. Несмотря на ежедневныя униженія отъ капитана и сквайра, онъ попрежнему держалъ себя вѣрнымъ и почтительнымъ слугой. Я не могъ не удивляться терпѣнію, съ какимъ онъ переносилъ постоянныя щелчки, не отступая ни на шагъ отъ правилъ самой изысканной вѣжливости. И все-таки съ нимъ всѣ обращались какъ съ собакой, исключая только меня и Бена Гунна. Бенъ Гуннъ чувствовалъ къ нему прежній почтительный страхъ, а я

...«Мать меня встрѣтила съ радостью»... (Стр. 224).

почему-то продолжалъ жалѣть его, несмотря на его выходку сомной на плоскогоріи передъ кладомъ. На его послѣднее замѣчаніе докторъ отвѣтилъ довольно грубо.

— Пьяны, а можетъ быть отъ лихорадки умирають.

— Ваша правда, сэръ,—согласился Сильверъ.—Но въ сущности не все ли равно то или другое?

— Я, мистеръ Сильверъ, имѣю о вашей гуманности очень невысокое понятіе и не жду отъ васъ состраданія къ товарищамъ,—иронически возразилъ докторъ,—но смѣю васъ увѣрить, что еслибъ я зналъ навѣрное, что они больны, то пошелъ бы къ нимъ на свой страхъ и подалъ бы имъ медицинскую помощь.

— И, позвольте вамъ замѣтить, сэръ, это было бы совершенно напрасно,—возразилъ Сильверъ.—Вы заплатились бы за свое великодушіе жизнью, что было бы очень жаль. Я теперь вашъ душой и тѣломъ и вовсе не желаю, чтобы наша партія теряла такого превосходнаго человѣка, не говоря уже о томъ, что я лично вамъ такъ много обязанъ. Поэтому я считаю долгомъ васъ предупредить, что эти люди не въ состояніи сдержать даннаго слова. Да, наконецъ, они не въ состояніи и вѣрить, что вы сами сдержите свое.

— Охъ, ужъ не вы бы говорили, не я бы слушалъ! — сказалъ докторъ.—Знаемъ мы, какъ вы сами умѣете держать слово...

Въ этотъ вечеръ мы больше ничего не слыхали о пиратахъ. Въ другой разъ до насъ донесся ружейный выстрѣлъ, изъ чего мы заключили, что бунтовщики охотятся.

Относительно ихъ участи у насъ состоялось совѣщаніе, на которомъ было рѣшено оставить ихъ на островѣ, что вызвало безконечный восторгъ Бена Гунна и полнѣйшее одобреніе Грея. Для покидаемыхъ мы рѣшили оставить въ пещерѣ запасъ солонины и пороха, ящикъ съ лѣкарствами, нѣсколько предметовъ первой необходимости и значительное количество табаку. Послѣднее было сдѣлано по особому настоянію доктора.

Это было нашимъ послѣднимъ дѣйствіемъ на островѣ. Кладъ былъ уже нагруженъ на шкуну. Мы взяли съ собой надлежащій запасъ воды и солонины и въ одно прекрасное утро подняли якорь, что совершилось не безъ труда, потому что у шлюпки насъ было только три человѣка. При выходѣ изъ бухты на шкунѣ развѣвался тотъ же самый флагъ, который былъ водруженъ капитаномъ на блокаузѣ.

Трое ссыльныхъ наблюдали за нами ближе, чѣмъ мы предполагали. Выходя въ море, намъ пришлось очень близко пройти

мимо одного мыса, и тутъ мы увидѣли трехъ бунтовщиковъ, стоявшихъ на колъняхъ на прибрежномъ пескѣ. Они съ умоляющимъ выраженіемъ простирали къ намъ руки.

Жалко намъ было покидать ихъ такимъ образомъ, но дѣлать было нечего. Мы не могли рисковать новымъ бунтомъ на кораблѣ, къ тому же въ Англіи ожидала ихъ не особенная радость: судъ и висѣлица. Докторъ окликнулъ ихъ и сказалъ, что мы оставили имъ припасовъ и пороха въ пещерѣ, которая находится тамъ-то. Но несчастные не переставали взывать къ намъ ко всѣмъ поименно, именемъ Бога умоляя насъ сжалиться надъ ними и не покидать ихъ на погибель въ пустынѣ.

Наконецъ, видя, что шкуна продолжаетъ плыть, одинъ изъ нихъ, не зная который, вдругъ съ крикомъ вскочилъ на ноги, прицѣлился изъ ружья и послалъ намъ вслѣдъ пулю, которая просвистала надъ головой у Сильвера и затерялась гдѣ-то въ большомъ парусѣ.

Тогда мы стали прятаться за снасти, но выстрѣловъ больше не послѣдовало. Выглянувъ черезъ нѣсколько времени, я увидаль, что пираты ушли съ мыса, да и самый мысъ постепенно исчезаль въдали. Къ полудню мы потеряли изъ вида самую высокую вершину Острова Сокровищъ.

Насъ было такъ мало на бортѣ, что всѣмъ пришлось приложить руки къ дѣлу. Только капитанъ лежалъ на кормѣ на матрасѣ и раздавалъ приказанія. Онъ выздоравливалъ, но нуждался еще въ уходѣ и покоѣ.

Безъ новаго экипажа нечего было и думать плыть въ Бристоль. Поэтому мы направились къ берегамъ Южной Америки, какъ къ самымъ ближайшимъ около нашего пути; но еще задолго до прибытія туда намъ пришлось выдержать двѣ сильнѣйшія бури. Наконецъ, послѣ труднаго плаванія, мы увидали передъ собой искомую гавань. На закатѣ вступили мы въ прекрасную бухту и насъ тотчасъ же окружила стая лодокъ съ неграми и мулатами, которые предлагали намъ кто фруктовъ, кто овощей, кто нырнуть въ глубину за мелкую серебряную монету. Видъ улыбающихся негрскихъ и мулатскихъ лицъ, аромать тропическихъ плодовъ, а главное зажившіеся въ городѣ огни, произвели на насъ невыразимо-пріятное впечатлѣніе послѣ тяжелыхъ сценъ на островѣ. Доктора и сквайра сейчасъ же потянуло на берегъ. Они съѣхали, захвативъ и меня съ собою. Встрѣтившись съ командиромъ одного англійскаго военнаго судна, они познакомились съ нимъ, поѣхали

къ нему въ гости на корабль и вернулись на *Испаньолу* уже за-свѣтло.

Бенъ Гуннъ оставался вахтеннымъ на палубѣ. Когда мы вернулись, онъ съ недѣльными ужимками началъ извиняться и оправдываться въ большомъ промахѣ. Сильверъ съ его разрѣшенія уѣхалъ съ корабля въ наемной лодкѣ. Бенъ Гуннъ клялся, что отпустилъ его только для того, чтобы спасти намъ жизнь, которая была въ опасности до тѣхъ поръ, пока „одноногій“ оставался на шкунѣ. Но тутъ была еще одна загвоздка. Поваръ нашъ уѣхалъ не съ пустыми руками. Проломавъ стѣну кладовой, онъ ухитрился стащить мѣшокъ золота, котораго было въ мѣшкѣ примѣрно тысячъ на восемь фунтовъ стерлинговъ, и взялъ его себѣ на путевыя издержки.

Подведя итогъ, мы остались очень довольны, что избавились отъ негодяя.

Это было послѣднимъ замѣчательнымъ событіемъ изъ нашего путешествія. Безъ труда набравъ экипажъ, мы дождались попутныхъ вѣтровъ, и *Испаньола* прибыла въ Бристоль какъ разъ къ тому времени, когда мистеръ Бландли собрался плыть на поиски за нами. Деньги мы привезли почти цѣлостью, но изъ людей, за ними поѣхавшихъ, только пятеро воротились назадъ.

Согласно заключеннаго между сквайромъ и докторомъ уговора, казна и бѣдные получили свою часть, а затѣмъ каждый изъ насъ получилъ свою, для глупаго или умнаго употребленія. Рана оставила на здоровьи капитана Смоллета глубокой слѣдъ, такъ что честный и храбрый морякъ нашелъ себя вынужденнымъ оставить навсегда морскую службу. Онъ теперь уединенно живетъ около Бристоля. Грей не только сдумѣлъ сберечь свои деньги, но даже проникся вдругъ честолюбіемъ и началъ изучать свою профессію. Теперь онъ уже подкиперъ корабля, въ которомъ у него есть доля, женатъ и имѣетъ дѣтей. Бенъ Гуннъ, получивъ свою тысячу фунтовъ стерлинговъ, проѣлъ и промоталъ ее въ какихъ-нибудь три недѣли или, точнѣе сказать, въ девятнадцать дней, потому что на двадцатый онъ былъ уже голъ какъ соколъ. Тогда ему дали мѣсто егеря, чего именно онъ и не терпѣлъ всю свою жизнь. Въ сущности онъ устроился весьма недурно. Онъ сейчасъ живъ, его очень любятъ, хотя отчасти смотрятъ на него какъ на юродиваго или на шута.

О Джонѣ Сильверѣ не было съ тѣхъ поръ никакого извѣстія.

Страшный одноногий морякъ не играетъ больше въ моей жизни никакой роли. Полагаю, что онъ соединился съ своею старою негритянкой и гдѣ-нибудь мирно доживаетъ дни въ обществѣ съ нею и съ своимъ поцугаемъ.

Насколько я знаю, другая, меньшая часть Флинтова клада осталась на островѣ нетронутою тамъ, гдѣ ее зарылъ Флинтъ. Съ своей стороны я рѣшился не предпринимать ничего для ея отысканія. Ни за что въ свѣтѣ не пушусь я въ другой разъ въ подобную экспедицію, внукамъ и правнучкамъ закажу... Со мною не бываетъ хуже кошмара, какъ если и когда-нибудь слышу во снѣ шумъ прибоя или пронзительный крикъ *капитана Флинта*: „червонцы! червонцы! червонцы!“

Говорить ли, съ какою радостью встрѣтила меня матушка, съ какимъ счастьемъ кинулся я къ ней на шею по прїѣздѣ и съ какимъ удовольствіемъ окунулся снова въ тихую домашнюю жизнь?

Докторъ крѣпко ко мнѣ привязался, за что я плачу ему глубокою преданностью и полнымъ уваженіемъ. Онъ взялся пополнить пробѣлы моего воспитанія и образованія и надѣется достигнуть успѣха. По его мнѣнію, совершенствоваться никогда не поздно. Ему хочется сдѣлать изъ меня ученаго медика. „Только на этомъ поприщѣ,—часто повторяетъ онъ мнѣ,—человѣкъ можетъ быть всегда полезенъ ближнимъ *самъ по себѣ*“. Мнѣніе это раздѣляетъ и сквайръ; поэтому читатель, я думаю, самъ видитъ, что я очень много выигрываю, вступая въ жизнь съ такими руководителями.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА I. Морской волкъ	5
„ II. Черная марка	21
„ III. Бумаги капитана	38
„ IV. Корабельный поваръ	51
„ V. Плаваніе	65
„ VI. Военный совѣтъ	79
„ VII. Первые приключенія на островѣ	91
„ VIII. Высадка	107
„ IX. Въ осадѣ	123
„ X. Приступъ	135
„ XI. По волнамъ отлива	147
„ XII. Борьба за шкуну	155
„ XIII. Въ плѣну у пиратовъ	167
„ XIV. На честное слово	183
„ XV. Погоня за кладомъ	197
„ XVI. Развязка	211

БР. ВЕРНЕРЪ. МОСКВА, АРБАТЬ, Д. КАРИНСКОЙ.

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „ВОКРУГЪ СВѢТА“

ПУТЕШЕСТВІЯ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ НА СУШѢ И НА МОРѢ.

„ПОДЪ ЮЖНЫМЪ КРЕСТОМЪ“

романъ въ 3 частяхъ *Л. Буссенара* съ 80 рисунками Р. Фера. Москва, 1886 г. цѣна 2 руб. Подписчики журнала „Вокругъ Свѣта“ за пересылку не платять.

ОСТРОВЪ СОКРОВИЩЪ

романъ *Р. Стівенсона* съ иллюстраціями Жоржа Ру. Москва, 1887 г. цѣна 1 р. 60 к. Подписчики журнала „Вокругъ Свѣта“ за пересылку не платять.

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

посмертный романъ *Майнъ Рида* съ иллюстраціями Ріу. Москва, 1887 г. цѣна 2 руб. подписчики журнала „Вокругъ Свѣта“ за пересылку не платять.

„ВОКРУГЪ СВѢТА“

еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ. Съ ежемѣсячнымъ иллюстрированнымъ приложеніемъ. Цѣна: 4 руб. въ годъ съ пересылкой во все мѣста Россійской Имперіи.

Редакція: Москва, Арбатъ, д. Каринской.

„СВЕРЧОКЪ“

еженедѣльный юмористическій журналъ съ рисунками и карриатурами въ краскахъ. 3 рубля въ годъ съ пересылкой, доставкой и безплатной преміей

„АМАЗОНКА“.

Редакція: Москва, Арбатъ, д. Каринской.

Типографія и Хромотипія БР. ВЕРНЕРЪ.

1598.
1887.

ГПБ Русский фонд

18.315.5.16